
ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Аппретный цех красильно-отделочной фабрики комбината имени Щербакова включился в соревнование на звание цеха отличного качества. За первый месяц соревнования работники цеха выдали только первосортную продукцию. На снимке: старший мастер Н. И. Рябкова просматривает готовый велюр.

Фото М. Савина

На первой странице обложки: в высшей школе профдвижения ВЦСПС. Группа студентов (слева направо): Г. С. Щербаков — бывший сотрудник Научно-исследовательского института цветных металлов; Герой Советского Союза П. И. Меренков — до войны работал слесарем на заводе имени С. Орджоникидзе; Т. С. Митина—ранее председатель Калужского обкома союза МТС и земорганов центра; Н. В. Щукина — бывший председатель завкома Трансформаторного завода.

Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: молодая артистка ансамбля гусляров Марийской филармонии Лидия Яшмолкина.

Фото Э. Гутгарца

ОГОНЁК № 16 (1141) 17 АПРЕЛЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЪЕЗД МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручает секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову орден Ленина, которым награжден Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Фото В. Ковригина (ТАСС)

С 29 марта по 8 апреля в Большом Кремлевском дворце проходили заседания XI съезда комсомола. В Москву со всех концов советской земли съехались 1362 делегата. Делегатами съезда были избраны представители 44 национальностей. На историческом съезде встретились комсомольцы, работающие в самых различных областях строительства коммунизма: 116 рабочих, 126 колхозников, 15 трактористов и комбайнеров, 42 инженерно-технических и научных работника, 10 работников искусств, 52 учителя и пионерских вожатых, 28 писателей и журналистов, студенты высших учебных заведений, учащиеся школ и училищ трудовых резервов, 544 руководящих комсомольских работника.

Молодые строители коммунизма с гордостью и любовью избрали почетным председателем съезда великого вождя народов, лучшего друга молодежи И. В. Сталина.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов в своем большом, глубоко содержательном докладе нарисовал путь самоотверженной борьбы и побед, который комсомол прошел под руководством партии Ленина—Сталина от X до XI съезда.

Делегаты, выступившие в прениях по отчетному докладу ЦК ВЛКСМ, на многочисленных волнующих примерах показали, как вырос и окреп, каких огромных успехов достиг комсомол, ведомый родной большевистской партией.

С большим вниманием был выслушан доклад секретаря ЦК ВЛКСМ Т. И. Ершовой «О работе комсомола в школе».

В работе съезда принимали участие министры, видные деятели науки, техники, искусства и культуры. Съезд горячо приветствовали многочисленные зарубежные гости — представители прогрессивной молодежи. Съезд комсомола прошел на высоком идейном уровне при исключительной активности присутствовавших.

8 апреля, в день окончания работы съезда, состоялось торжественное вручение ордена Ленина — четвертого ордена — Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи.

От имени девятимиллионного комсомола Н. А. Михайлов выразил сыновнюю благодарность молодежи Советскому правительству, большевистской партии, великому Сталину.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник в своей приветственной речи отметил выдающиеся заслуги Ленинско-Сталинского комсомола в общей борьбе советского народа за коммунизм и выразил твердую уверенность, что комсомол и вся советская молодежь будут, как и всегда, в первых рядах строителей коммунизма.

С чувством бесконечной любви и преданности съезд послал приветственное письмо вождю и учителю товарищу И. В. Сталину.

Вооруженные и воодушевленные решениями XI съезда ВЛКСМ, делегаты разъехались по местам. Большими делами комсомол оправдает великое доверие, заботу, любовь и внимание большевистской партии, товарища Сталина.

ПЕРЕД X СЪЕЗДОМ ПРОФСОЮЗОВ

А. Я. ПОЛУБОЯРИНОВ,
председатель завкома московского завода «Каучук»

Советские профсоюзы — верные и надежные помощники большевистской партии в борьбе за торжество великого дела Ленина — Сталина. Тридцать лет назад В. И. Ленин говорил:

«Профессиональные союзы с величайшим переворотом, который наступил в истории, когда пролетариат взял в свои руки государственную власть, испытывают величайший перелом во всей деятельности. Они становятся главным созидателем нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы».

Созыв X съезда профсоюзов совпадает с 20-летием социалистического соревнования — знаменательной датой в истории советского народа. За минувшее двадцатилетие профсоюзные организации проделали огромную работу по развертыванию социалистического соревнования, по подъему культурного уровня рабочего класса.

X съезд профсоюзов собирается в обстановке напряженной борьбы за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки, в дни, когда наш героический советский народ успешно продолжает свое победное шествие вперед, к коммунизму.

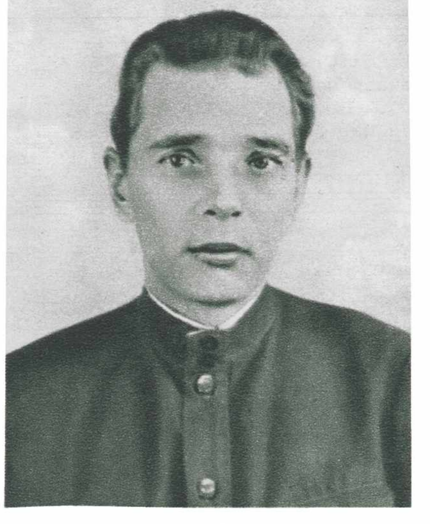
Корреспондент «Огонька» С. Морозов обратился к А. Я. Полубояринову с просьбой рассказать читателям нашего журнала о работе профсоюзной организации завода «Каучук».

— Наша профсоюзная организация, — сказал тов. Полубояринов,— объединяет рабочих и служащих одного из передовых предприятий столицы. Завод «Каучук» — ровесник Октября. За годы советской власти он превратился из кустарных мастерских в крупное социалистическое предприятие. Нет такой отрасли промышленности, в которой не находила бы применения его продукция.

Неуклонно идти вперед, опережать планы производства — такова традиция нашего коллектива, зародившаяся в годы первых пятилеток, упроченная самоотверженным трудом в период Великой Отечественной войны. Этой традиции каучуковцы верны и поныне. Производственные планы 1946 и 1947 годов были выполнены заводом раньше срока. В октябре прошлого года мы также досрочно завершили годовую программу, достигли уровня производства, предусмотренного на 1950 год, и превзошли довоенный уровень производительности труда на 18,9 процента.

Это результат социалистического соревнования, охватившего всех рабочих, инженеров и служащих нашего завода.

С особой силой развернулось соревнование после заключения коллективного договора между администрацией и заводским комитетом профсоюза. За выполнение обязательств, принятых по договору 1948 и 1949 годов, изо дня в день последовательно и настойчиво борется весь коллектив. Все новое, чем обогатилось стахановское движение, было отражено в принятых нами обязательствах. Подхватив почин Василия Матросова, наша профорганизация выступила инициатором составления встречных стахановских планов повышения производительности труда, внедрения в производство новых методов, новой технологии.

А. Я. Полубояринов.

Профсоюзный активист ремневого цеха тов. Касьянов подсчитал, что, рационализировав работу вулканизационного пресса, он сможет обслуживать его один, без помощников. Партогранизация, завком и дирекция одобрили это предложение. Методу Касьянова были обучены в стахановской школе прессовщики Ушаков, Карманов, Моторико, Ильин, Поляков. После этого производительность их труда возросла вдвое и без ущерба для производства было высвобождено семь рабочих.

Член цехкома рукавного цеха тов. Игнатьев применил новые приемы в сборке резиновых рукавов. Внедрение его опыта резко увеличило выпуск продукции, снизило себестоимость.

Не меньший эффект дали также новые методы работы, предложенные стахановцами Жижовым и Коптевым, изменение технологического процесса, разработанное инженерами Блоком и Троянкером. Девяносто девять технических мероприятий, осуществленных в прошлом году в соответствии со стахановскими планами цехов, снизили себестоимость товарной продукции завода на 6,5 процента. Государство получило 19 миллионов рублей сверхплановой экономии.

Сейчас коллектив «Каучука» борется за то, чтобы план 1949 года выполнить к 32-й годовщине Октября, завершить пятилетку по объему производства в четыре года. Вместе с другими передовыми предприятиями Москвы и Московской области мы выступили инициаторами ускорения оборачиваемости оборотных средств, обязались по своему заводу высвободить для государства 8 миллионов рублей.

Каждый день нашей жизни и работы подтверждает правоту замечательных слов товарища В. М. Молотова о том, что идея досрочного выполнения пятилетки глубоко проникла в сознание рабочего класса.

Сто пятьдесят четыре стахановца завода досрочно завершили пятилетние нормы. Лучшие наши рабочие тт. Гаврилин, Воронова, Королев и другие выполнили нормы шести лет. В социалистическом соревновании за выполнение пятилетки в четыре года участвует весь коллектив «Каучука». Соревнуются между собой цехи и отделы. Девятьсот восемьдесят пять человек участвуют в соревновании рабочих бригад, 1013 — в соревновании ведущих профессий. Каждый рабочий имеет свой лицевой счет выполнения принятых обязательств. Итоги работ в конце каждого месяца обсуждаются завкомом совместно с администрацией. Цеху-победителю присуждается переходящее Красное знамя. Лучшим бригадам присваивается звание «Бригад трудовой доблести», передовикам соревнования по профессиям — звание лучших рабочих.

Широкая гласность — обязательное условие успеха в соревновании. В цехах, отделах, на заводском дворе можно увидеть портреты знатных людей, диаграммы, графики. Кроме заводской доски почета существует стенд с показателями выпуска готовой продукции по цехам и выполнения ими планов.

В середине февраля завком вынес решение о развитии соревнования за отличное качество продукции по примеру Александра Чутких. Сейчас в этом соревновании участвует уже 148 бригад «Каучука». Впереди идет прессовщик-стахановец тов. Говор, выполняющий нормы на 157 процентов, работающий без брака.

Успехи стахановцев на производстве тесно связаны с общим культурным ростом рабочего класса. Стремясь лучше овладеть техникой, люди непрестанно учатся, совершенствуют свои знания. Сотни рабочих занимаются в стахановских школах и кружках по повышению квалификации. Тридцать девять человек получают образование на вечернем отделении техникума резиновой промышленности.

Завязалось творческое содружество между передовыми людьми завода и научными сотрудниками институтов тонкой химической технологии и резиновой промышленности. Состоявшаяся на днях общезаводская техническая конференция наметила дальнейшие пути усовершенствования производства, внедрения хозрасчета, снижения себестоимости.

Широк круг интересов рабочих. Каждый вечер заводской клуб переполнен. В зрительном зале, вмещающем 700 человек, идут спектакли самодеятельного драмколлектива, гастрольные постановки московских театров, концерты. Каждый четверг проводятся вечера отдыха, на которых рабочие и служащие слушают лекции на политические и научные темы. Более двухсот человек участвует в кружках художественной самодеятельности. В честь предстоящего съезда профсоюзов проходит общезаводской смотр самодеятельности. Лучшие исполнители выступят перед делегатами съезда.

Видное место в досуге нашего коллектива, и особенно в досуге молодежи, занимают физкультура и спорт. Около пятисот рабочих «Каучука» систематически занимаются спортом в различных секциях спортивного общества «Химик». Наши футболисты в прошлом году выиграли кубок Центрального совета общества, а баскетбольные команды — мужские и женские — завоевали первенство во Фрунзенском районе Москвы.

Выполняя решение ЦК ВКП(б) о дальнейшем развитии физкультурной работы, мы обязались вдвое увеличить количество спортивных секций на заводе.

Профсоюзная организация повседневно заботится об охране здоровья рабочих, об улучшении их быта. Каждое лето в одном из живописнейших мест подмосковья — Звенигороде — работает заводской дом отдыха. Многие рабочие получают путевки на льготных условиях, а некоторые — и бесплатно. Пятьсот пятьдесят детей рабочих каждое лето выезжают в пионерские лагери.

О росте благосостояния и улучшения быта рабочих лучше всего говорит бюджет социального страхования, увеличивающийся из года в год. В 1948 году он составил 1 613 873 рубля.

Кроме этого профсоюзная организация выделила из своего бюджета нуждающимся многосемейным и инвалидам в виде единовременных пособий 43 тысячи рублей, из директорского фонда им было выдано 112 тысяч рублей.

Предстоящий X съезд профсоюзов — огромное событие в жизни рабочего класса СССР. Каждый профсоюзный активист, каждый сознательный труженик ждет от съезда таких решений, которые еще более укрепят влияние профсоюзов в массах, повысят их роль в строительстве коммунистического общества.

Большое значение, на мой взгляд, будет иметь выработка устава профсоюзов. Новый устав, четко определяющий обязанности и права членов профсоюзов, укрепит трудовую дисциплину, повысит сознательность трудящихся, еще более сплотит наших людей вокруг большевистской партии и советского правительства, вокруг великого вождя народов товарища И. В. Сталина.

Советские профсоюзы, объединяющие тружеников страны социализма, последовательно и неуклонно борются за прочный демократический мир, отстаивают кровные интересы простых людей всего мира против поджигателей новой войны и их прислужников из американской Федерации труда и Британских тред-юнионов. В этой борьбе нас поддерживают трудящиеся всех стран.

Чувство жизни

М. МИРЛЭ

Фото О. Кнорринга

Утром, прямо из дома, Евгения Георгиевна Шерепелкина — председатель цехового комитета калининской ткацкой фабрики «Пролетарки» — идет в цехи, не заглянув даже в свою рабочую комнатку.

Неутомимый гуд станков, едва только открываются двери цеха, встречает входящего, как бы окутывает его, поглощает, лишая на время слуха и речи. Но, кажется, нет ничего роднее этого металлического многоголосья для человека, который провел здесь более двадцати лет жизни, ничего радостнее, как приходить сюда, в эти цехи, возрожденные после войны.

Еще не вся фабрика восстановлена. С тяжелым чувством идешь вдоль пустых кирпичных коробок без крыш, с зияющими оконными проемами. Но это чувство мгновенно ослабевает, когда переступаешь порог цехов, уже живущих полной жизнью.

...Высокая, статная, всегда оживленная и приветливая, Евгения Георгиевна проходит по цеху. Дружеским кивком головы ее приветствуют молодые и старые ткачихи. Все знают ее, и она знает всех. Вероятно, каждая из этих работниц не раз обращалась к председателю цехового комитета за советом и помощью, или, наоборот, сама Евгения Георгиевна находила повод для беседы со многими из них.

Сегодня она идет к ткачихам, работающим на механических станках. Накануне у двух—трех работниц ночной смены не ладилось дело. Она и решила навестить утреннюю смену, чтобы узнать, устранены ли ночные неполадки.

— Ну как, Федоровна, дела? — нагнувшись, кричит Шерепелкина над самым ухом невысокой пожилой ткачихи. — План у тебя идет?

Работница отвечает, что один станок капризничает, она уже обращалась к помощнику мастера, но тот куда-то ушел.

Евгения Георгиевна окидывает взглядом цех, — он виден ей насквозь. Заметив в правом крыле помощника мастера, она движением руки подзывает его к себе.

— Что ж это ты, милый? Тебя как на именины приходится приглашать, — укоризненно, но добродушно замечает она.

Тот виновато разводит руками: отвлекся, мол, другим делом, — и молча наклоняется к станку.

Конечно, это обязанность администрации — улаживать подобные дела. Но и замечание Евгении Георгиевны имеет достаточную силу: в устах председателя цехового комитета оно звучит как товарищеский совет, к которому нельзя не прислушаться.

На механических станках работать хлопотливее и труднее, чем на новейших, автоматических. Они требуют большего внимания и лучшего ухода. Ткачиха обслуживает одновременно 32 автоматических станка, а механических — только 4. Многое уже сделано для облегчения труда на этом старом оборудовании, которое сразу не может быть заменено новым, хотя дело идет к тому.

Из-за станков Шерепелкина как-то сильно поспорила с администрацией фабрики. Вернее, не из-за станков, а из-за так называемых боронок к ним. Боронки — металлические или деревянные дощечки с набитыми на них стерженьками, внешне похожие на миниатюрные бороны. На стерженьки надеваются початки (шпули) с уточной пряжей, которой заряжается ткацкий челнок.

Раньше шпули хранились в ящиках на полу. Ткачихе приходилось в течение рабочего дня примерно 750—800 раз нагибаться и доставать их. Боронки с пряжей, установленные на самом станке, избавляют ткачиху от этих утомительных движений, и у нее освобождается время для обслуживания четырех станков вместо трех. И еще одно преимущество дают эти боронки: по ним работница может все время видеть, сколько уже израсходовано пряжи, то есть как она выполняет свое сменное задание.

Все же, несмотря на очевидную целесообразность, это нововведение внедрялось почему-то медленно.

У Евгении Георгиевны, опытной ткачихи, ценность боронок не вызывала никаких сомнений. Она понимала, что в этом маленьком усовершенствовании переплетаются интересы рабочих с большой выгодой для производства. Вот почему она принялась энергично подталкивать администрацию и не успокоилась до тех пор, пока боронки не были установлены на всех механических станках.

Рассказывая об этом эпизоде, секретарь партийного бюро фабрики Екатерина Васильевна Макарова заметила:

— Евгения Георгиевна во всем проявляет себя, как достойный избранник. Наш председатель цехового комитета никогда не противопоставляет заботу о коллективе рабочих интересам производственным, то есть государственным. Она у нас настоящая коммунистка.

...В узком проходе цеха Евгению Георгиевну встречает невысокая темноволосая женщина в пестрой кофточке и темносером фартуке. Работница что-то возбужденно говорит, и по лицу председателя цехового комитета можно понять, что речь идет о чем-то значительном.

Это лучшая ткачиха фабрики Е. Б. Сапунова. Она обслуживает 32 станка, работает без брака и накануне выполнила задание четвертого года пятилетки. Об этой своей радости она и спешит рассказать председателю цехового комитета. Шерепелкина тепло поздравляет ее.

— А как твоя ученица? — осведомляется Евгения Георгиевна: Сапунова обучает одну из молодых ткачих своим приемам работы.

— Лукашева-то? Ничего, молодцом. Поди, скоро меня обгонит. Девушка понимающая, старается.

Они подходят к столу приемки готовой ткани, и Сапунова, поглаживая рукой только что сданную ею ткань, с чувством гордости говорит:

— А это уже в счет моего пятого года!

Сегодня у Шерепелкиной особенно много дел. Надо непременно побывать у молодежной бригады: одна из молодых работниц вызвала своих подруг на соревнование в честь предстоящего съезда профсоюзов. Каковы успехи? Девушки обещали вырабатывать ткань безупречного качества, — соблюдают ли они это обязательство?

Вчера ткачихи жаловались на шлихтовальщиков: основа ткани была плохо проклеена шлихтой — крахмальным раствором, — и это затрудняло работу. Хорошо бы повидать заведующего фабрикой! Но раньше надо заглянуть к Гусеву. Этот опытный шлихтовальщик, один из лучших в цехе, сумеет ясно объяснить, почему часть пряжи получилась с изъяном, — будет о чем толковать с администрацией...

Ждет Евгению Георгиевну и сновальщица Мария Григорьева. Шерепелкина спешит к ней в цех. Уже издали, сквозь снежнобелые, похожие на тончайшие струйки воды нити пряжи, перематываемой с катушек, она видит работницу, деловито задумчивую, с почти не сходящей с лица скрытой улыбкой. Григорьева — одна из лучших сновальщиц — неизменно перевыполняет свое задание, надо и к ней прикрепить молодых работниц для обучения.

Сколько дел, мыслей, предложений возникает каждый раз при обходе фабричных цехов! Жизнь ежедневно ставит перед председателем цехового комитета большие и малые вопросы. Впрочем, сама Шерепелкина считает, что малых дел в ее работе нет.

Как ручейки, стекающиеся в одно русло, эти малые и большие дела цехового комитета

Евгения Георгиевна Шерепелкина.

Лучшая ткачиха фабрики Е. Б. Сапунова.

Стахановец-шлихтовальщик Н. П. Гусев.

Контроль за общественным питанием: член цехового комитета М. Г. Миронова (в центре) и медсестра В. Н. Котикова проверяют работу фабричной столовой. Повар — А. М. Орлова. Справа: Е. Г. Шерепелкина осматривает квартиру А. Д. Корчагиной после ремонта.

ведут к той цели, куда устремлены творческие усилия рабочего коллектива — быть всегда верным своему патриотическому долгу. Цехком помогает преодолевать малые, а порой и значительные трудности, которые возможны и неизбежны в условиях возрождаемого производства, когда все приходится начинать сначала...

Большой или малый вопрос, если в оконной раме цеха нехватает одного стекла? Это легко определить по тому, как председатель цехового комитета говорит об этом с администрацией. Сквозняк в цехе, где стоят разгоряченные люди, может стать причиной простуды. Малое нередко тянет за собою большое. И вот на заседании цехового комитета обсуждается вопрос о мерах предупреждения заболеваемости рабочих. А через некоторое время непосредственно в ткацком цехе, как здесь ни тесно, открывается свой пункт медицинской помощи.

С одинаковым рвением Евгения Георгиевна организует и неожиданные посещения членами цехового комитета столовой, чтобы проверить, как кормят рабочих, и посылает частенько активистов в магазины. Ее можно видеть в детском саду с ворохом игрушек, купленных цеховым комитетом для малышей. Раза два в неделю она заглянет в общежитие девушек — поинтересуется, как они живут и проводят досуг, каковы их успехи в рукоделии: цеховой комитет организовал для них кружок. Она побывает и в клубе на репетициях хора ткачих — он существует уже 17 лет — и найдет время заглянуть в гимнастический зал... В этом всегда бурном, насыщенном заботами дне надо выкроить время и для себя, для занятий в вечерней общеобразовательной школе...

Как-то Евгения Георгиевна узнала, что одна из работниц в последнее время чем-то опечалена. Она попросила женщину зайти после работы в цехком. Та пришла и «отвела душу»: в семье у нее неурядицы.

Шерепелкина побывала затем у работницы на квартире, побеседовала с ее мужем и ушла от них только после того, как почувствовала, что мир между супругами полностью восстановлен.

— Мне не безразлично,— говорит по этому поводу Евгения Георгиевна, — в каком настроении ткачиха пускает станок. Я сама работница и знаю: станок любит веселые руки!..

Где же, в самом деле, границы малого и большого в делах профсоюзного руководителя?

В цехах ткацкой фабрики привлекает внимание множество хорошо оформленных плакатов. Они наглядно и просто пропагандируют все лучшее, что есть в работе коллектива, его передовых людей. Вот плакат в мотальном цехе, который призывает овладеть методом Поспеловой и Фахталовой. Их экономные приемы в труде дают возможность перемотать сверх нормы более двадцати двух килограммов пряжи в смену.

В ткацком цехе большой плакат выразительно и наглядно рассказывает об инициативе помощника мастера Бобрикова. Комплект станков, которые он обслуживает, переведен на бо́льшую скорость, и для него приняты новые, повышенные технические нормы выработки. Благодаря этому рабочие комплекта выработают за пятилетку дополнительно более 187 тысяч метров ткани. Цеховой комитет неизменно проявляет интерес к этой форме производственной пропаганды.

Однажды Евгения Георгиевна, оживленная больше обычного, зашла к секретарю партийного бюро фабрики Е. В. Макаровой. Та сразу догадалась, что у этой «беспокойной женщины» зародилась какая-то новая идея.

— Ну, ну, выкладывай — дружески сказала Макарова,— что надумала?

Евгения Георгиевна заговорила о пропаганде стахановских методов работы:

— А что если нам организовать стахановские «вторники»? Поможем стахановцам подготовиться к докладу, сделаем чертежи, диаграммы, чтобы всем было понятно...

Первый такой «вторник» был посвящен опыту прославленной ткачихи Жуковой. Ее обстоятельный рассказ о работе, иллюстрированный расчетами и чертежами, прослушали 350 человек.

Стахановские «вторники» теперь уже вошли в быт фабрики.

Когда Евгения Георгиевна Шерепелкина отчитывалась на профсоюзном собрании, она рассказала о многом таком, что увенчало труд коллектива славой.

Ткачи «Пролетарки» выработали в прошлом году много метров ткани сверх плана, а их вклад в фонд социалистических накоплений превысил полтора миллиона рублей. Почти все рабочие участвуют в социалистическом соревновании.

Рабочие отметили большую роль цехового комитета в этих успехах. Они и на этот раз выразили доверие Шерепелкиной, вновь избрав ее председателем цехового комитета.

Старая работница Лебедева так сказала о коммунистке Шерепелкиной: «Она жизнь нашу хорошо чувствует!»

Пожалуй, трудно подобрать более яркую характеристику. Чувство жизни — драгоценное качество большевика, общественного деятеля. Оно направляет, помогает видеть новое, поддерживать ростки его и добиваться тех успехов, к которым зовет всех советских людей наша партия.

г. Калинин.

Е. Г. Шерепелкина принесла новые игрушки ребятам детского сада.

Семнадцать лет существует хор ткачих при клубе ткацкой фабрики.

ИХ БОЛЬШАЯ СУДЬБА

А. КАШТАНЬЕР

Минуло десятилетие со дня смерти выдающегося советского писателя и педагога Антона Семеновича Макаренко. Эту дату широко отметила советская общественность.

Замечательную работу А. С. Макаренко высоко ценил Алексей Максимович Горький. Автор чудесных произведений — «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» и других — по-партийному, новаторски, талантливо решал в своем литературном творчестве и педагогической деятельности важные вопросы коммунистического воспитания подрастающего поколения, вопросы советской морали. В этих произведениях сливались в одно целое поэзия труда и педагогическая наука. Писатель-педагог был подлинно «инженером человеческих душ».

Живое свидетельство тому — не только незабываемые книги, но и сами их герои — воспитанники А. С. Макаренко.

«Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унес с собой в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймет, как это дорого стоит,— забота и ласка...» Эти слова принадлежат Антону Семеновичу Макаренко. Друг Горького, умный и проницательный педагог, он в первые же годы советской власти страстно взялся за дело коммунистического воспитания бездомных детей, сирот, беспризорных, несовершеннолетних правонарушителей.

По инициативе Феликса Эдмундовича Дзержинского в стране создавались тогда детские дома, колонии, коммуны, над которыми шефствовали чекисты. Антон Семенович Макаренко в течение нескольких лет возглавлял организованные им в Харькове Трудовую колонию имени Горького и трудовую коммуну имени Дзержинского. О глубокой воспитательной работе, которая велась там, он ярко рассказал в своих произведениях «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях», «Марш 30-го года», «Книга для родителей», «Честь».

В горьковскую колонию приходили бездомные ребята, разные по характеру, возрасту.

Шли годы... Один за другим питомцы Макаренко выходили в люди: поступали на рабфаки, в техникумы, институты, на заводы.

В Москве, Ленинграде, на Украине, Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Прибалтике, Средней Азии — по всему Советскому Союзу живут и работают бывшие воспитанники трудовой колонии имени Горького.

«Для меня сейчас трудно их собрать даже в воображении...» — писал Антон Семенович Макаренко. Но вот нашелся человек, который постарался собрать хотя бы тех бывших колонистов, которые живут в Харькове. Человек этот — народный артист Союза ССР Александр Григорьевич Крамов, личный друг Антона Семеновича, часто гостивший в колонии. В течение многих месяцев Крамов разыскивал питомцев своего друга, наводил справки, вел переписку, обращался в адресное бюро, расспрашивал старожилов. Первым отыскался Андрей Максимович Мельник, ныне воспитатель харьковского детского дома № 1. Он и помог Крамову разыскать остальных.

В театр к А. Г. Крамову стали приходить гости. Явился высокого роста мужчина в безукоризненно сшитом костюме и отрекомендовался:

— Инженер Коломийцев, Василий Иванович...

Крамов напряженно вспоминал: «Коломийцев... Василий... Вася... Нет, что-то не было такого у Макаренко...»

Но гость пришел на выручку:

— «Малярик»!.. Может, вспомните, Александр Григорьевич,— «Маляриком» меня звали...

Гость рассказал, что по выходе из колонии имени Горького он учился на рабфаке, окончил Киевский энергетический институт. В годы войны работал на ответственных участках оборонной промышленности, а сейчас он начальник энергетического цеха одного из крупнейших харьковских заводов — «Серп и молот».

Коломийцев с увлечением говорил о своей профессии, о поднятом из руин родном заводе. В 1946 году, когда он вернулся на завод, то и дело приходилось слышать нарекания на плохую работу энергоцеха. Коломийцев смело приступил к восстановлению варварски разрушенного немцами энергетического хозяйства «Серпа и молота». Руководимый им цех неоднократно выходил на первое место в социалистическом соревновании.

— Вот тебе и «Малярик»! — с восторгом произнес Крамов, беря гостя за плечи, как это делал иногда Макаренко.— В жизни не узнал бы вас, Василий Иванович... А угадайте: кто у меня в театре работает артисткой? Клавдия Борискина! Да, да, та самая Клава... Вот бы увидел ее сейчас на сцене наш Антон Семенович!.. Тоже не узнал бы, пожалуй...

Было время, когда Борискина участвовала в спектаклях, ставившихся в колонии. Сейчас это актриса в расцвете сил и таланта. Уже 12 лет работает она на сцене Харьковского русского драматического театра. Много ролей сыграно ею в пьесах русских классиков. Но подлинную творческую радость испытывает она, создавая образы молодых людей сталинской эпохи.

Через несколько дней после Коломийцева в театр пришел другой горьковец — Василий Федорович Шапошников. Крамов внимательным взором глядел на него, пытаясь отгадать, кем стал за эти годы Вася Шапошников, которому вся колония дала за его невысокий рост безобидное прозвище — «Малец». Шапошников стал юристом. Недавно трудящиеся Краснозаводского района Харькова единодушно избрали его народным судьей. Велика была бы радость Макаренко, если бы он видел, что в числе людей, которым народ доверил дело правосудия, его питомец Вася Шапошников.

Шапошников и Мельник помогли Крамову осуществить давнюю мечту: собрать бывших горьковцев, поговорить о прожитых годах, вспомнить былое, помечтать о будущем. Назначены место, день и час встречи. Крамов взволнован. Кто придет? Кто жив? Кем стали эти люди за последние годы?

Свежевыбритый, праздничный пришел хозяйственник Александр Стегний. В годы Великой Отечественной войны он мужественно защищал Родину. Сейчас Стегний энергично помогает восстановлению и развитию народного хозяйства. Движения его солидны, степенны, речь сдержанна. Глядя на Александра Стегния, очень трудно свыкнуться с мыслью, что именно о нем А. С. Макаренко писал в «Педагогической поэме»: «...со времени каменного века не мытый и не стриженный... с головой, выгоревшей вконец, и с лицом, на котором румянец, загар и грязь давно обратились в сложнейшую композицию, успевшую уже покрыться трещинами. Стегний смущенно переступал... черными ногами и неловко скалил на толпу неповоротливые глаза и ярко белые большие зубы...»

Кто-то из присутствующих весело вспоминает эти строки. Стегний заразительно смеется:

— Да, да, именно таким я и попал к Антону Семеновичу...

В комнате Крамова — Алексей Никифорович Землянский, мастер-наладчик харьковского завода, выпускающего фотоаппараты «ФЭД». О Землянском — знаменитом «Робеспьере», старожиле коммуны, человеке, с которым долго и обстоятельно беседовал Алексей Максимович Горький,— писал Макаренко в книге «Флаги на башнях». Землянский уже более полутора десятка лет находится в рядах большевистской партии. Это серьезный, вдумчивый человек, искусный мастер своего дела. Механический участок, которым он руководит, всегда работает образцово. Землянский неторопливо рассказывает о своей жизни, жене, ребенке, о том, что недавно построил себе уютный домик.

Вместе с Землянским пришли его супруга Анна Александровна Редина, воспитывавшаяся в коммуне, и Мария Карповна Баденко, о которой Макаренко также рассказывает в «Флагах на башнях».

На встречу явились все, кто в этот день был в Харькове. Приехал мастер крупного завода Федор Васильевич Шатаев, которого в колонии за его легкий вес прозвали «Перышком». Увешанный наградами, прибыл бывший моряк Евгений Александрович Лиф, выполняющий сейчас ответственную хозяйственную работу. Прямо из цеха пришел Михаил Дорофеевич Долинный, машинист завода «Электроинструмент».

Крамов обводит глазами людей, которых не видел много лет. Выросли, возмужали, изменились... Не узнать сейчас Леонида Лавриненко, ставшего контрольным мастером завода; не узнать Галину Слуцкую, работающую теперь плановиком; не узнать и Ефима Цфасмана — инвалида Отечественной войны, сейчас после долгого лечения возвращающегося на любимый завод. О многом может рассказать каждый из них.

Бывшие воспитанники колонии имени Горького (слева направо): артистка Харьковского русского драматического театра К. Борискина, народный судья Краснозаводского района Харькова В. Шапошников, начальник энергетического цеха горьковского завода «Серп и молот» В. Коломийцев.

В тот памятный день, когда в харьковском театре состоялась первая встреча бывших горьковцев, замечательное слово сказал В. Ф. Шапошников:

— Всей своей честной трудовой жизнью, всей своей кипучей работой во славу родной Отчизны каждый воспитанник горьковской колонии хочет оправдать те надежды, которые возлагал на всех нас Антон Семенович Макаренко. Где бы мы ни были: в цехе, на сцене или в научной лаборатории,— всем нам кажется, что за нами сквозь толстые стекла пенсне следит пристальный взгляд Антона Семеновича. И каждый из нас хочет, чтобы взор этот был ободряющим, чтобы ласковые глаза Антона Семеновича говорили: «Правильно поступаешь! Молодчина!»

НА ЗАПАДНОМ РУБЕЖЕ

В. ГРУДИНИН

Разгромив под водительством товарища Сталина гитлеровскую Германию, советский народ привел в исполнение и приговор истории над прусскими милитаристами. Восточной Пруссии больше не существует. Три года назад, в апреле 1946 года, на ее месте была образована новая область, названная именем Михаила Ивановича Калинина.

По зову партии и правительства в Калининградскую область приехали тысячи советских людей. Ими руководили не нужда и страх голода, как это бывало раньше у переселенцев царской России, а благородное чувство патриотизма, высокое сознание своего долга перед Родиной.

...Хорошего на первых порах было мало. Немцы оставили после себя до основания разоренное хозяйство. Многие города и поселки стояли пустынные и безмолвные. Люди только съезжались, знакомились друг с другом. Происходили неожиданные встречи.

— Саратовский? Я тоже оттуда. А воевал где? На третьем Белорусском? А я на Прибалтийском. Земляк и сосед, значит...

И начинался задушевный разговор. Мечтали, страстно говорили о планах на будущее. Как тогда хотелось видеть освещенные витрины магазинов, наполненные народом трамваи, большие афиши о концертах, кинофильмах, лекциях! Но ничего этого не было. Люди выходили из полуразрушенных домов в предрассветную темноту, шли на работу по пустынным улицам мертвого города, мимо развалин, мимо пустых, без окон и крыш домов, мимо груд битого кирпича, исковерканного железа. Днем и ночью расчищали завалы, разбирали немецкие баррикады. Возводили дома, поднимали из руин потухшие электростанции, открывали магазины, восстанавливали водопровод, ремонтировали трамвайные пути.

В воображении вставал будущий Калининград — центр хозяйственной, культурной и политической жизни области. И не только в воображении: Калининград уже существовал в архитектурных мастерских. Архитекторы переносили на кальку прямые и строгие линии нового города. О Калининграде думали в Москве, Ленинграде, о нем думал самый великий зодчий нашего времени — товарищ Сталин.

В январе 1947 года на полях и улицах лежал глубокий снег. Крутила метель. Стояла холодная зима, какой много лет не знал этот край. Сильные морозы осложняли и без того тяжелую работу. Первые колхозники, прибывшие на новую землю, начали с того, что развалили и свезли на свалку немецкие печки и выложили вместо них свои, русские.

— Немецкая печь — ни лечь, ни спечь,— говорили старики.— Баловство одно...

Армия строителей Калининградской области непрерывно пополняется. Каждому переселенцу государство обеспечило бесплатный проезд, предоставило жилой дом или квартиру, выдало большие денежные и семенные ссуды. За 1948 год для переселенцев было восстановлено, отремонтировано и передано в личную собственность 8583 дома.

Почта ежедневно приносит десятки писем. Пишут из Горького и Рязани, Ростова и Минска, Курской и Тамбовской, Кировской и Воронежской областей. «Хотим приехать к вам в область жить и работать». Область уже насчитывает тысячи новых, так сказать, «коренных жителей», родившихся уже на новой земле.

В торжественной обстановке прошло вручение колхозам государственных актов на вечное пользование землей. Передавая их, Родина как бы говорила переселенцам: «Владейте и пользуйтесь землей по-хозяйски, возьмите от нее все, что она может дать».

И переселенцы-колхозники добросовестно выполняют этот наказ. Первое время люди, поселившиеся здесь, не знали, что сулит им неведомый край. Когда поинтересовались, как немцы вели хозяйство, то убедились, что не мы у них, а они у нас должны учиться земледелию. На помощь колхозникам пришли агрономы. Люди труда и науки совместно сделали важные наблюдения.

Сумма летних температур калининградских земель не намного меньше, чем южных районов страны,— 3 тысячи градусов за лето! Этого вполне достаточно, чтобы на побережье Балтики произрастали не только такие теплолюбивые культуры, как кукуруза и сахарная свекла, но и дыни, арбузы, виноград. Возникла идея перенести южные культуры на Балтийское побережье. В конце 1948 года в районах области открылись сельскохозяйственные выставки. И среди экспонатов можно было видеть первые результаты опыта. На землю пришел подлинный ее хозяин — советский крестьянин, колхозник!

За короткий срок государство вооружило калининградские колхозы мощной техникой, направило сюда специалистов. В области создано 30 машинно-тракторных станций, организуются машинно-тракторные станции для производства мелиоративных работ, отпущены огромные суммы на электрификацию и радиофикацию колхозных поселков. В городах и селах области сейчас работают 491 начальная и средняя школы, действуют 26 кинотеатров, 55 сельских кинопередвижек, областной драматический театр, клубы, дома культуры, избы-читальни, библиотеки, широкая сеть медицинских учреждений. Осенью 1948 года в Калининграде открылось первое высшее учебное заведение — педагогический институт.

Крепнут и богатеют калининградские колхозы. Колхозники осваивают земли, вводят севообороты, украшают свои поселки садами, искусственными прудами, разводят гусей, уток, пчел. Итоги 1948 сельскохозяйственного года куда выше итогов 1947. Более 100 колхозов собрали в среднем по 12—15 центнеров зерна с гектара. Передовые бригады и звенья получили по 20—25 центнеров. Кто честно трудился в общественном хозяйстве, тот в избытке обеспечил себя и семью хлебом, овощами, продуктами животноводства. В колхозе имени Пушкина на каждый трудодень колхозникам выдали по 5 килограммов хлеба, по 3 килограмма картофеля, большое количество овощей, молока, меда. Семья доярки Снегиревой, например, получила 500 пудов хлеба, 300 пудов картофеля и 3 тысячи литров молока. Таких колхозов и колхозников в области немало. Большой доход начинают приносить животноводческие фермы. Недалеко время, когда животноводство станет ведущей отраслью сельского хозяйства, а Калининградская область — поставщиком племенного скота для многих районов страны.

В колхозном строительстве у калининградцев есть одна очень важная особенность. В область съезжаются люди из самых разных мест. Кто много лет жил на Украине, кто на Урале, кто в Белоруссии. И каждый привез на новую землю свои традиции, свои привычки. Эту массу людей нужно объединить, сплотить, найти применение их многообразному опыту в новых условиях, выработать и воспитать свои традиции, свой, калининградский стиль. Над решением этой задачи и работает сейчас областная партийная организация.

Советское правительство определило план экономического и культурного развития Калининградской области. Калининградцы назвали этот план сталинским. В борьбе за его осуществление уже отличились тысячи советских патриотов. На них равняются все трудящиеся области. Это они восстановили, по существу, построили заново, многие промышленные предприятия. Калининградская область дает теперь стране саморазгружающиеся сорокатонные вагоны, бумагу и целлюлозу, янтарь и рыбу. Круглый год калининградский морской торговый порт принимает корабли. Скоростная разгрузка и погрузка судов стали методом работы всего коллектива портовиков. Советские люди вдохнули жизнь в электростанции, осветили города и села, привели в движение станки и механизмы. Сейчас они с помощью социалистического соревнования стремятся работать еще лучше и давать стране больше продукции.

...Поезд подходит к Калининграду. Перед вами открывается незабываемая панорама поверженного Кенигсберга и строящегося советского Калининграда. Он раскинулся в глубокой лощине. Трамвай везет вас сначала по горбатым и узким улицам бывшего города Кенигсберга. На много километров тянется знакомая картина развалин. Тесно прижавшись друг к другу, стоят разбитые, пустые дома без крыш и перекрытий. Они заросли бурьяном и плющом. Внутри почти каждого дома-коробки пробивается кустарник. В стороне, в руинах, королевский замок — цитадель. У его подножья — памятники Вильгельму и Бисмарку, нелепые, напыщенные, позеленевшие от времени статуи. Голова «железного канцлера» изуродована снарядом. Какой глубокой насмешкой звучат слова надписи: «Мы, немцы, боимся только бога, но больше никого на свете»!

Старый Кенигсберг восстанавливать бесполезно. Легче, практичнее строить новый город. А что делать с прежним? Некоторые калининградцы предлагают обнести его каменной стеной и время от времени привозить туда на экскурсию претендентов на мировое господство.

Трамвай идет дальше, к центру нового города. Площадь Победы, или, как еще называют ее,— площадь Трех маршалов. Отсюда отходят автобусы в города и районы области, на курорты Балтийского побережья. Сюда ведут главные городские магистрали — Сталинградский и Советский проспекты, улица Карла Маркса, проспект Победы. Тут расположены основные областные и городские учреждения, магазины, библиотеки, кинотеатры; здесь зоологический парк, стадион «Динамо», парк культуры и отдыха, в районе которого в памятные дни 1945 года произошла историческая встреча двух советских армий. На каждом шагу ощущается биение пульса жизни нового города. Красочные афиши рассказывают о том, что областной драматический театр показывает пьесу «Губернатор провинции», в лектории отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний действительный член Общества читает лекцию «Калининградская область и перспективы ее развития». В лучшем кинотеатре города, «Заря», демонстрируется фильм «Академик Иван Павлов». На огромной доске почета названы имена передовых людей города. В спортивных залах проходят соревнования лучших боксеров, гимнастов, штангистов.

Калининградцы круглый год строят жилые дома. В 1949—1950 годах намечено провести реконструкцию Сталинградского проспекта. За два года город получит законченную и полностью благоустроенную магистраль протяженностью свыше двух километров. Будут восстановлены и построены десятки зданий. Сооружаются новые, красиво оформленные дома с удобными квартирами и нарядными магазинами. Парки и скверы, оранжереи, здания театров, центральной гостиницы, новых магазинов украсят этот уголок города.

На днях трудящиеся Калининградской области обратились с письмом к товарищу И. В. Сталину.

«Перед лицом Родины, перед Вами, товарищ Сталин, — пишут они, — мы дали клятву выполнить боевое задание партии и правительства — претворить в жизнь сталинскую программу политического, хозяйственного и культурного строительства новой советской области, превратить Калининградскую область в одну из передовых областей нашего великого Советского Союза».

Рапортуя о своих первых достижениях, калининградцы полны непреклонной воли и решимости по-большевистски бороться за новые трудовые успехи. Они дают обещание «с честью выполнить боевое сталинское задание — постановление Центрального Комитета партии и Советского правительства о дальнейшем социалистическом строительстве Калининградской области».

По ту сторону Дуная

Из путевого дневника

Ал. СУРКОВ

Население спального вагона трансевропейского экспресса сугубо разнообразное. Специфические дамочки в мехах. Англо-саксонские грузные мужчины бизнесменского вида. Какие-то вертлявые, иссиза-черные брюнеты. Несколько американских офицеров. Французский майор в кастрюлеобразной фуражке. Обрывки разговоров, в которых смешались шепелявые английские фразы, французское грассирование, распевные интонации итальянцев и жесткая немецкая речь.

Было далеко за полночь, когда в дверь нашего купе постучали резко и требовательно. Заспанный американский сержант хриплым спросонья голосом потребовал предъявить документы.

Взгляд на пропуск. Взгляд в раскрытый паспорт. Взгляд в лицо.

— Йес, сэнк ю!

Дверь задвинулась. Радуясь краткости встречи с представителями властей предержащих, мы потушили свет и натянули на себя одеяла.

Но в ту минуту, когда сон уже начал смежать ресницы, опять дробный стук в дверь, и снова в освещенном проеме двери голова в каске. За ней другая. У второго автоматический пистолет, висящий поперек груди.

Новоявленный чин, тыкая нам в лица световым снопиком электрического фонаря, поочередно вертит в руках паспорта и межзональные пропуска. Молча забирает их и удаляется.

Уже перед самым отходом поезда он возвращается в сопровождении того же автоматчика. Опять сует пучками света в наши лица. Вид у него хмурый. Лицезрение наших «краснокожих паспортин» явно не доставляет ему удовольствия.

Буркнув что-то неразборчивое себе под нос, он возвращает документы и, еще раз ослепив нас фонарем, удаляется, рывком задвинув дверь.

Так мы пересекли грань между «востоком» и «западом» и вступили на «обетованную» землю маршаллизированной Европы...

Уже в дни нашего пребывания в Вене, разделенной на четыре оккупационные зоны, нам удалось бегло вглядеться в заокеанских хозяев здешних мест, в их повадки и ухватки.

Я видел американских солдат в первые дни по окончании войны в Германии. Тогда эти солдаты отличались от всяких других солдат, пожалуй, только своей какой-то особой «штатской» несобранностью. Очевидно, поэтому и еще потому, что ходили они в куртках, похожих на лыжные, и в брюках «навыпуск», наши солдаты снисходительно-иронически прозвали их «студентами».

Потом я видел американских солдат на улицах Копенгагена, на аэродромах Ирана. Были ли это те же солдаты военных лет или «свежие», завезенные после войны из-за океана, я не знаю. Только к трудно скрываемой «штатскости» прибавились в их облике, во всех их повадках отталкивающая наглость и развязность. По улицам столицы дружественной Дании они ходили стаями, занимая всю ширину тротуаров, не уступая дороги ни мужчинам, ни женщинам. На обожженных зноем иранцев они смотрели сверху вниз.

В том же «колониальном» стиле предстали перед нами и патрульные из «милитари-полис», и солдаты, и офицеры, которых привелось видеть на улицах Вены. «Колониальная» служба в оккупированных странах при соответствующей дрессировке быстро стерла с этих парней налет развязного «добродушия». Чувствуя себя здесь царями и богами, они ни в малой мере не пытаются маскировать свое истинное лицо и переносят привычки обращения с неграми у себя за океаном на жителей оккупированных земель.

«Янки в Вене». Из серии рисунков художника В. Брискина «Капиталистическая Европа».

За три недели общения с рядовыми австрийцами мы наслушались рассказов о пьяных дебошах этих представителей «американского образа жизни» в ночных кабаках Вены, на улицах и в театрах. Мы услышали рассказы о вламывании пьяных солдатских банд в семейные квартиры, о похищении женщин на улице, о всякой омерзительной всячине, которой закупленная на корню австрийская «социалистическая» и «народническая» пресса так и не удосуживается заметить.

Итак, мы в «западных» зонах Австрии.

Мы слишком недолго были в этих зонах, чтобы позволить себе широкие обобщения виденного и слышанного. Но и за эти короткие дни по штрихам, по характерным частностям нам удалось разглядеть изнанку той хваленой демократии, о которой ежедневно и ежечасно поют по радио заокеанские сирены, завлекающие своими чарами легковерных простаков.

Первая наша остановка была в столице австрийского Тироля, городе Иннсбруке. Это французская зона. Ранее эти места, богатые альпийскими ландшафтами, славились пансионами, отелями для скучающих международных бездельников. С высот, обступивших со всех сторон тирольскую столицу, невооруженным глазом видна Швейцария. В Иннсбруке, Зальцбурге, Граце нашли себе убежище и пользуются покровительством оккупационных властей военные преступники и всякого рода предатели, бежавшие из стран Восточной Европы. На базарах этих городов оголтелой спекуляцией и карманными кражами занимаются с одинаковым усердием бендеровцы, андерсовцы, салашисты, усташи, четники и другая сволочь. В перерывах между своей уголовно-коммерческой деятельностью они в лагерях для «перемещенных лиц» терроризуют тех, кто желает возвратиться на родину, проходят шпионско-диверсионные курсы, вербуют и вербуются во всевозможные «иностранные легионы».

Глядя на этих тварей без чести и совести, особенно остро ощущаешь всю справедливость старой поговорки «По барину и говядина». Понаторевшие в предательстве и «мокрых делах», эти выродки знали, куда прятаться от гнева своих бывших соотечественников. Их опытные каиновы глаза быстро разглядели под розовой «демократической» оболочкой новых западных хозяев родной их черным сердцам коричневый цвет. Не все ли им равно, каков сегодня военный министр французской республики, из МРП ли он или из социалистической партии? Раз он дает обмундирование и оружие, поит и кормит, дает возможность мучить и убивать, чем он хуже вчерашнего хозяина — Гиммлера?

И еще одна особенность бросается в глаза человеку, побывавшему в Иннсбруке. Оккупационная вывеска там написана по-французски, а под французской вывеской орудует хозяйская рука американского соседа. И витрины иннсбрукских лавок так же забиты пестрой бросовой «маршаллской» американской галантереей, как и в Зальцбурге, и тирольцы ходят в таких же нескладных одеяниях, перешитых из американских плащ-палаток, оплаченных ценой австрийской независимости, как и жители городов американской зоны.

...Едва мы утром вышли из здания зальцбургского вокзала, как я спиной почувствовал чужой пристальный взгляд. Сделав вид, что зашнуровываю ботинок, я заметил позади себя здоровенного верзилу в поношенном морковного цвета пиджаке, притворяющегося, что он рассматривает наклеенное на стене объявление. Когда мы тронулись дальше, морковный пиджак тоже двинулся за нами, держась дистанции в десяток метров. На первом перекрестке он свернул в сторону, и вместо него «хвостом» пошел за нами другой субъект столь же выразительной наружности. До гостиницы было несколько кварталов, и на каждом из них один «хвост» по эстафете передавал нас другому. Так, волоча за собой разнокалиберные «тени», мы гуляли по Зальцбургу, ходили в дом, где родился Моцарт, совершили официальный визит к американскому начальству и обедали в ресторане. Господа, ежедневно вопящие в эфире о выдуманных ими «полицейских режимах», организовали за нами — поэтом, ученым и музыкантом — такую слежку, какой бы позавидовал недоброй памяти нюрнбергский висельник Кальтенбруннер.

И мне трудно было удержаться от смеха, когда принимавший меня начальник американской гражданской администрации полковник Патрик шумно сокрушался о том, что он, видите ли, к сожалению, понятия не имел о том, что мы собрались пожаловать в Зальцбург.

Вообще этот наш визит к американскому начальству стоит того, чтобы о нем рассказать в двух словах.

Уже темнело, когда мы вступили под своды мрачного, пропахшего канцелярскими кислыми запахами здания зальцбургских судебных учреждений. Наш проводник долго водил нас по длинным и запутанным неосвещенным коридорам, пока не подвел к двери, за которой раздавались стрекот пишущих машинок и английский разговор.

В тесной, забитой канцелярскими столами комнате нас встретил долговязый мужчина с лысеющей головой, одетый в штатское.

— Капитан Райт! — представился он и на редкостно плохом русском языке стал расспрашивать нас, кто мы, откуда мы и зачем прибыли.

По всему было видно, что сей капитан отлично знает, и кто мы, и зачем мы приехали, и когда мы приехали. Но он, по заранее разработанному сценарию, разыгрывал сцену «неузнавания».

Проведя нас в соседнюю комнату и бросив короткое «посидите», штатский капитан скрылся за соседней массивной дверью, дав нам возможность оглядеться вокруг.

Комната была как комната. Столы, стулья, просиженный диван. За столами сидели канцеляристы обоего пола, с интересом на нас поглядывавшие. Приходили и уходили военные и штатские люди. На двери, выходящей в коридор, висел, вырванный, очевидно, из какого-то журнала, портрет президента Трумэна. Над портретом была прибита металлическая вешалка.

Две новых личности, вошедшие в комнату, скинули шинели и повесили на вешалку, лишив нас удовольствия лицезреть образ автора знаменитой послевоенной «доктрины».

Не успели мы вдоволь посокрушаться по случаю непочтительности обитателей комнаты к их президенту и верховному главнокомандующему, как появившийся в дверях Райт изрек:

— Одного русского и одного австрийца господин полковник просит войти.

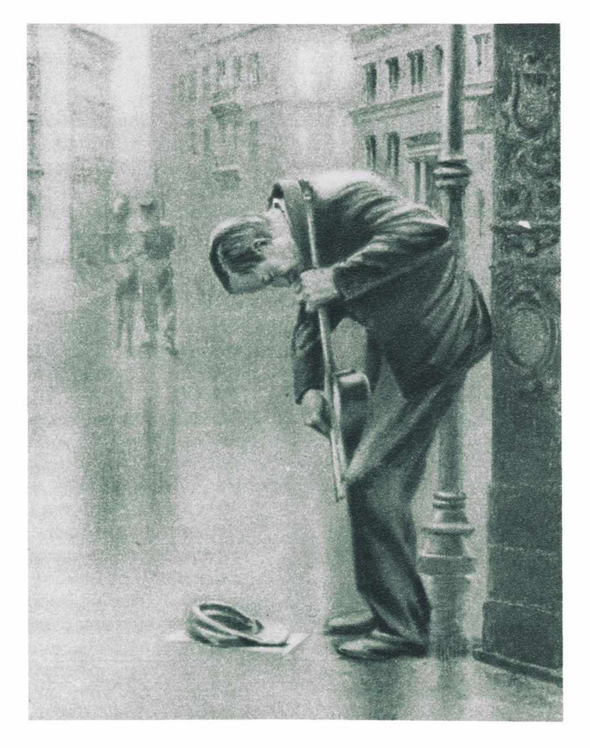
Наскоро оценив солдафонскую «деликатность» нашего хозяина, мы вошли в кабинет и увидели сидящего за столом средних лет мужчину в полковничьем мундире, со щеточкой рыжеватых усов под носом. Полковник приподнялся из-за стола и, рывком сунув нам для рукопожатия руку, произнес:

— Колонел Патрик. Сит даун, плиз!

На мою полную дипломатической вежливости фразу о том, что-де мы, прибыв в Зальцбург, почли себя обязанными представиться местному главе союзнического командования, полковник сказал:

— Я тоже очень рад встретиться с нашими бывшими... (и тут же спохватился, поправился) нашими нынешними союзниками...

Сделав вид, что мы не поняли этой характерной полковничьей оговорки, мы ударились в ни к чему не обязывающий разговор о погоде, о местных красотах, о маршруте и целях нашего странствия по зонам.

«Венский вальс». Из серии рисунков художника В. Брискина «Капиталистическая Европа».

Исчерпав все стандартные фразы и полагая, что время, положенное для визита, истекло, мы распрощались с этим полковником и облегченно вздохнули, перешагнув порог его кабинета.

Капитан Райт, пока мы собирались уходить восвояси, резко кричал кому-то по телефону, что «пускай эти перемещенные придут в понедельник. Не прокиснут». Потом, услыхав что-то от собеседника, он передумал: «Ну, если их направляет «Си-Ай-Си» (разведка. — **А. С.**), пускай идут сейчас, да побыстрее». Повесив трубку, капитан скорчил деланную улыбку: мол, вот как приходится работать — на части разрывают,— и попрощался.

...В тот же день у нас был вечер вопросов и ответов. Чувствуя, как насыщен здесь воздух миазмами антисоветской пропаганды, мы, идя на этот вечер, не рассчитывали встретить многолюдную аудиторию. Каково же было приятное наше удивление, когда мы, подобно тому, что было вчера в Иннсбруке, увидели зал, доотказа заполненный людьми, пришедшими послушать правду о Советском Союзе.

Вглядываясь из-за стола президиума в многочисленную аудиторию, среди которой были и рабочие, и интеллигенты, и студенты, и профессура, мы заметили на последней скамейке нашего старого знакомца Райта. С ним было несколько личностей, из которых две не оставляли никакого сомнения в том, что их лет шесть тому назад можно было встретить в форме «ост-полицаев» в каком-нибудь оккупированном гитлеровцами городе или городке по нашу сторону Буга или Днестра.

Вечер вопросов и ответов проходил наредкость хорошо. Осыпаемые дождем вопросов, мы рассказывали нашей аудитории о Советской стране, о нашей науке, литературе, музыке, общественном строе, о положении рабочего, колхозника, о правах женщины, обо всем, чем живут советские люди в послевоенные годы.

С первого же ответа мы почувствовали, что люди, собравшиеся в этом зале, верят нам. Долгими и дружными аплодисментами они отвечали на каждую новую крупицу правдивой информации о нашей стране.

Окрыляемые этими изъявлениями дружбы, мы почти забыли о присутствии в зале капитана Райта и его поддужных. Но он нас не забыл.

Я отвечал на вопрос о природе патриотизма советских людей и об истоках морально-политического единства нашего народа, с такой потрясающей силой явленного в годы войны. Приведя ряд примеров самоотверженной, всенародной борьбы партизан против оккупантов на занятых врагом территориях, я закончил свой ответ под аплодисменты всего зала.

И тут поднялся с места некто, сидевший рядом с капитаном Райтом, и на чистом русском языке сказал:

— Господин Сурков, я хочу вас поправить. Я бывший ефрейтор германской армии и был в тех местах, о которых вы рассказывали. Да, там были партизаны, в вашей Белоруссии. Там было много партизан. В этом вы правы. Но белорусские крестьяне не думали о вашей советской власти. Об этом я говорил с вашими крестьянами. И у нас здесь живет много перемещенных лиц, которые не захотели быть в вашем коммунистическом раю.

Сказал и сел. И видно было, как две личности по правую руку капитана Райта сочувственно и утвердительно закивали головами.

По залу прошел ветерок ропота. Было понятно, что выступление «ефрейтора» — обдуманная провокация «под занавес», чтобы подорвать доверие ко всему, что мы говорили, внести смятение в умы, взорвать обстановку дружбы и доверия, воцарившуюся в зале.

Надо было принимать вызов и отвечать ударом на удар.

Я не искал формулировок. Я просто напомнил не столько «ефрейтору», сколько остальным слушателям о том, на какую степень искренности может рассчитывать вооруженный до зубов, наглый и жестокий оккупант в разговоре с безоружным, терроризированным жителем оккупированной местности. Я напомнил и о том, что нам, советским солдатам и офицерам, прошедшим путь от границы до Берлина, говорили немецкие «бауэры» о Гитлере, нацистах и таких вот «ефрейторах»-правдолюбах. Напомнил и разницу. Гитлеровцы на оккупированной земле сидели, как на вулкане, днем и ночью атакуемые партизанами. Мы дошли до самого Берлина и не заметили в своем тылу ни одного немецкого партизана. Сказал и о предателях, которые боятся вернуться на свою бывшую родину, чувствуя, что народ не простит им крови советских людей, ими пролитой. Когда, применительно к этим «антикоммунистам» из полицаев и гестаповцев, я напомнил поговорку «человек без родины — соловей без песни», зал грянул аплодисментами, которые звучали, как пощечина и провокатору в ефрейторском обличии и его дружкам справа.

Еще не смолкли аплодисменты, а эти два типа поднялись с мест и, напяливая на ходу пальто, бросая в нашу сторону злобные взгляды, исчезли из зала,— как будто их ветром сдуло!

Так и не удалась эта провокация. Глубокой ночью, обессилев от ответов на поток бесчисленных вопросов, мы покидали собрание. К нам подходили разные люди, крепко пожимали нам руки и вскидывали по-ротфронтовски сжатые кулаки.

Улицы ночного Зальцбурга были пустынны. На углах маячили полицейские. Мерцали вывески ночных ресторанов и притонов. С бешеной скоростью сновали американские военные «джипы». В них сидели пьяные американские солдаты в обнимку с пьяными простоволосыми девицами ночного пошиба. Дико вопили клаксоны «джипов». Ветер расстилал по ветру крашеные гривы девиц. Казалось, сама заокеанская «цивилизация», сорвавшись с цепи, мечется по улицам города...

...В трех больших городах западных зон Австрии — Иннсбруке, Зальцбурге и Линц-Урфаре — привелось нам на дискуссионных вечерах вопросов и ответов встретиться с представителями различных кругов австрийского населения. В этих «демократических» зонах десятки ежедневных газет с усердием, достойным лучшего применения, изо дня в день льют помои смердящей клеветы на Советский Союз и страны народной демократии. Тут соревнуются и газеты англо-американо-французских властей, и «социалисты», и католики, и всякая желтогазетная гангстерская мразь.

Но, несмотря на это и вопреки этому, простые люди Австрии, будь то влачащие жалкое, полуголодное существование интеллигенты всех специальностей, будь то демократическая студенческая молодежь, будь то рабочие, сотнями приходили на вечера встречи с людьми, приехавшими из Советского Союза. Они жадно ловили каждое слово правды о нашей Родине и, не стесняясь присутствием представителей «властей предержащих», шумно демонстрировали свою симпатию к нашему народу.

За этими сотнями стоят тысячи и тысячи. И от них нельзя утаить нашу, покоряющую сердца правду, какими бы едкими дымовыми завесами клеветы и наветов ни пытались заокеанские претенденты на мировое господство ослепить глаза, устремленные к этой правде.

У заокеанских режиссеров, готовящих постановку новой мировой трагедии, в Австрии много лакеев, которым интересы своей мошны дороже и святее интересов народа и государства. Всемогущему доллару с равным усердием служат и пресловутые «австро-марксисты», и реакционеры из черной «народной» партии, и гитлеровские недобитки, сколачивающие сейчас «четвертую» партию, и католические попы, и растленные разбойники пера. Они оголтело вопят о спасении «западной демократии» от «восточного тоталитаризма», во все цвета радуги расписывают свою «свободную демократию». Но люди, умудренные жестоким историческим опытом, пережившие и Шушнига, и Зейпеля, и позорный «аншлюс», кой-чему научились.

Недаром, когда на собрании в Линце, отвечая на вопрос о советском понимании демократии, один из наших делегатов сравнил нынешнюю буржуазную демократию с американским коктейлем, от одурманивающей смеси которого приходит тяжелое похмелье, несколько сот слушателей ответили долго не смолкавшими аплодисментами.

На «европейском перекрестке», каким называют Австрию, далеко не все люди идут слепо за непрошеными заокеанскими пастырями, стремящимися превратить народы Европы в пушечное мясо.

ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ.

Дом музей В. И. Ленина.

Скамейка в парке при доме-музее В. И. Ленина.

Цветные фото Я. Юровского

ВЕСЕННИЕ СУМЕРКИ НА НЕВЕ.

Цветное фото Л. Зиверта

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ЛАУРЕАТАМ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

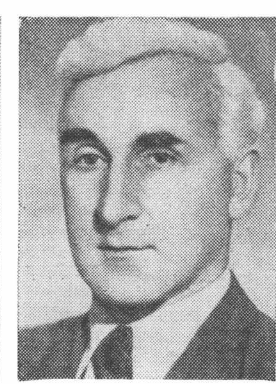
С. Н. ВЕРНОВ, профессор. Премия присуждена за экспериментальные исследования космических лучей в верхних слоях атмосферы.

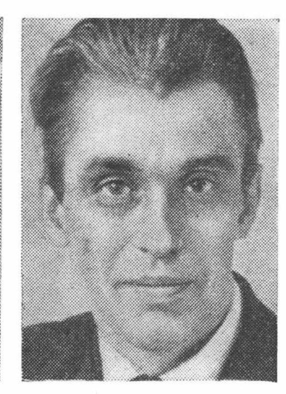
М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ, академик. Премия присуждена за теоретические исследования в области гидродинамики.

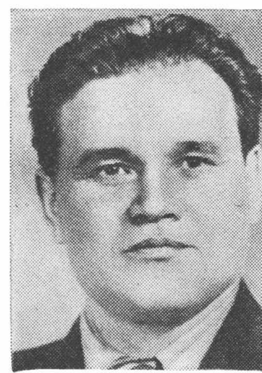
Г. Д. ЛАТЫШЕВ, член-корреспондент Академии наук УССР. Премия присуждена за экспериментальные исследования в области физики атомного ядра.

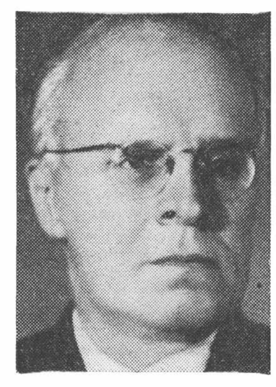
Г. В. КУРДЮМОВ, член-корреспондент Академии наук СССР. Премия присуждена за исследования в области металловедения.

Г. И. ПЕТРОВ, научный работник. Премия присуждена за научные исследования в области газовой динамики.

Х. А. РАХМАТУЛИН, действительный член Академии наук Узбекской ССР. Премия присуждена за работы в области теории волн.

Б. А. КАЗАНСКИЙ, академик. Премия присуждена за научные работы в области каталитических превращений углеводородов.

Б. А. ДОЛГОПЛОСК, профессор. Премия присуждена за научные исследования в области полимеризации.

В. В. КОРШАК, профессор. Премия присуждена за научные исследования в области высокомолекулярных соединений.

Т. Д. ЛЫСЕНКО, академик. Премия присуждена за научные исследования в области передовой мичуринской биологической науки.

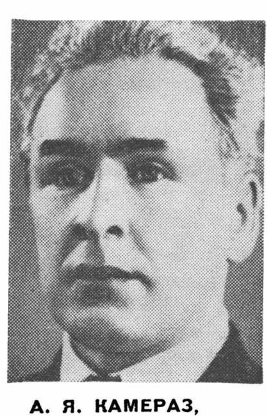
Л. Ш. ДАВИТАШВИЛИ, действительный член Академии наук Грузинской ССР. Премия присуждена за научный труд по истории эволюционной палеонтологии.

В. А. МОВЧАН, профессор. Премия присуждена за многолетние работы по изучению биологии карпа.

С. М. БУКАСОВ, профессор.

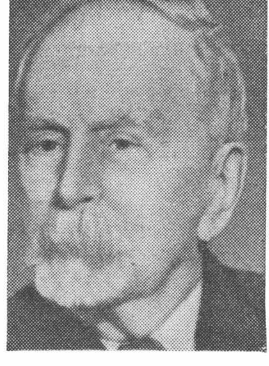

А. Я. КАМЕРАЗ, научный работник.

Премия присуждена за научный труд «Селекция картофеля».

К. Е. БАХТАДЗЕ, доктор сельскохозяйственных наук. Премия присуждена за научные исследования по биологии, селекции и семеноводству чайного растения и за выведение новых высокоурожайных сортов чая Грузинский № 1 и Грузинский № 2.

Т. П. КРАСНОБАЕВ, действительный член Академии медицинских наук СССР. Премия присуждена за научный труд «Костносуставной туберкулез у детей».

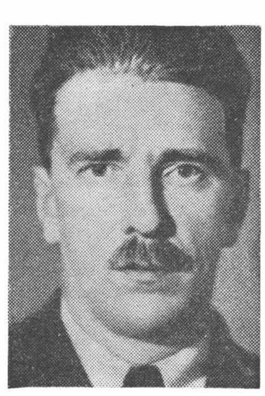
П. И. ЛЯЩЕНКО, член-корреспондент Академии наук СССР. Премия присуждена за научный труд «История народного хозяйства СССР».

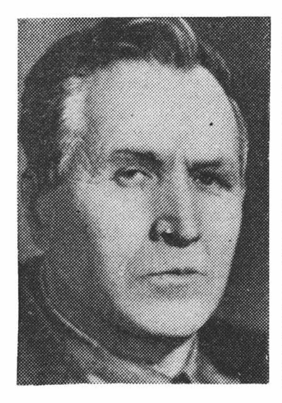
А. В. ВЕНЕДИКТОВ, профессор. Премия присуждена за научный труд «Государственная социалистическая собственность».

Б. А. РЫБАКОВ, научный работник. Премия присуждена за научные исследования по истории русской культуры, обобщенные в научном труде «Ремесло древней Руси».

С. П. ТОЛСТОВ, профессор. Премия присуждена за многолетние историко - археологические исследования, обобщенные в научном труде «Древний Хорезм».

И. П. БАРДИН,
академик.

Г. М. ИЛЬИН,
директор завода «Серп и Молот».

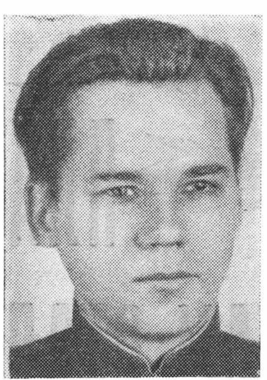

Л. В. МАРМОРШТЕЙН,
главный инженер того же завода.

Премия присуждена за участие в разработке технологии и внедрение в металлургическую промышленность применения кислорода для интенсификации мартеновского процесса.

В. А. ДЕГТЯРЕВ,
бывший главный конструктор. Премия присуждена за участие в создании нового образца оружия.

М. Т. КАЛАШНИКОВ,
старший сержант. Премия присуждена за разработку образца вооружения.

В. Я. КЛИМОВ,
главный конструктор завода. Премия присуждена за участие в создании двигателя.

М. Е. КОРЕШКОВ,
директор завода.

Н. А. БЛОХИН,
начальник Главспецстали.

В. Е. ЛЕЙКИН,
инженер Главспецстали.

Премия присуждена за участие в разработке технологии производства жаропрочного сплава.

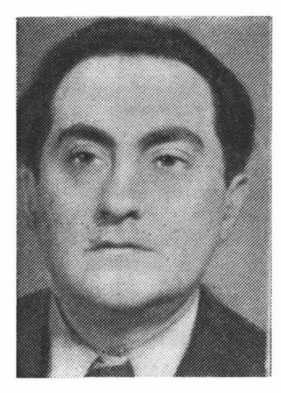
А. А. МЕЛИЯ,
начальник конструкторского бюро. Премия присуждена за создание нового по конструкции, мощного, высокопроизводительного пресса для сухого формирования кирпича и других керамических изделий.

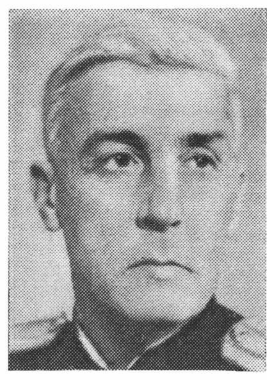
С. Г. СИМОНОВ,
главный конструктор завода. Премия присуждена за изобретение нового образца вооружения.

А. Н. БАКУЛЕВ,
действительный член Академии медицинских наук СССР. Премия присуждена за разработку методов радикальных хирургических операций при легочных заболеваниях и внедрение этих методов в лечебную практику.

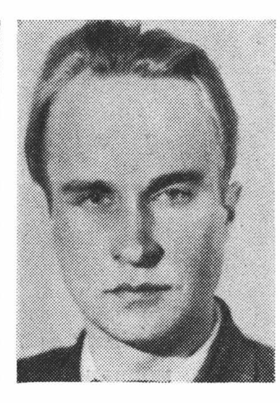

Н. Г. БЕЛЕНЬКИЙ,
действительный член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Д. А. АРАПОВ,
доктор медицинских наук.

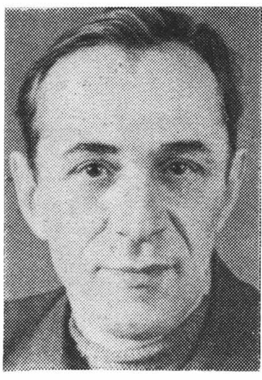
Премия присуждена за разработку и внедрение в лечебную практику нового вида сыворотки.

Г. С. БОРТКЕВИЧ,
токарь Ленинградского станкостроительного завода имени Я. М. Свердлова.

А. Н. МАРКОВ,

Н. В. УГОЛЬКОВ,

токари завода «Красный Пролетарий».

П. Б. БЫКОВ,
токарь Московского завода шлифовальных станков.

Премия присуждена за внедрение скоростных методов обработки металлов резанием, обеспечивших значительное повышение производительности труда.

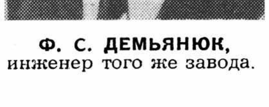
И. С. ВАРУНЦЯН,
действительный член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Премия присуждена за выведение новых сортов хлопчатника.

Ф. Н. ВОЛКОВ,
инженер-конструктор. Премия присуждена за создание самоходной широкозахватной сенокосилки «КС-10».

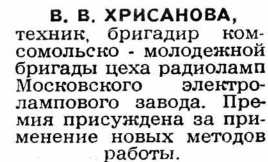

И. А. ЛИХАЧЕВ,
директор Московского автозавода имени И. В. Сталина.

Ф. С. ДЕМЬЯНЮК,
инженер того же завода.

Премия присуждена за участие в разработке метода перевода поточного производства на выпуск новой модели автомашины без прекращения выпуска продукции.

В. В. ХРИСАНОВА,
техник, бригадир комсомольско - молодежной бригады цеха радиоламп Московского электролампового завода. Премия присуждена за применение новых методов работы.

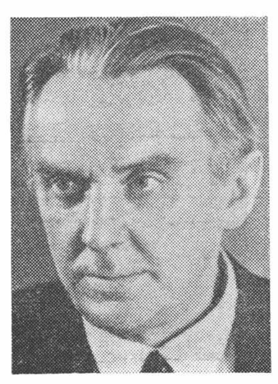
А. С. ЧУТКИХ,
помощник мастера Краснохолмского камвольного комбината. Премия присуждена за внедрение рациональных высокопроизводительных методов работы в текстильной промышленности.

В. Н. АЖАЕВ,
писатель. Премия присуждена за роман «Далеко от Москвы».

М. О. АУЭЗОВ,
писатель. Премия присуждена за роман «Абай».

К. А. ФЕДИН,
писатель. Премия присуждена за романы «Первые радости» и «Необыкновенное лето».

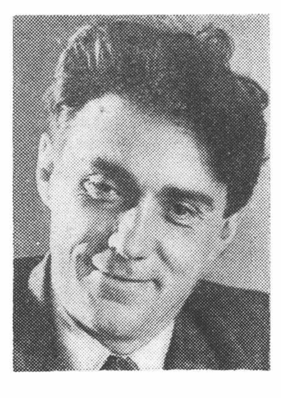
С. П. БАБАЕВСКИЙ,
писатель. Премия присуждена за роман «Кавалер Золотой Звезды».

Т. З. СЕМУШКИН,
писатель. Премия присуждена за роман «Алитет уходит в горы».

В. Т. ЛАЦИС,
писатель. Премия присуждена за роман «Буря».

Б. Н. ПОЛЕВОЙ,
писатель. Премия присуждена за книгу рассказов «Мы — советские люди».

А. А. ПЕРВЕНЦЕВ,
писатель. Премия присуждена за роман «Честь смолоду».

В. Ф. ПОПОВ,
писатель. Премия присуждена за роман «Сталь и шлак».

Е. Ю. МАЛЬЦЕВ,
писатель. Премия присуждена за роман «От всего сердца».

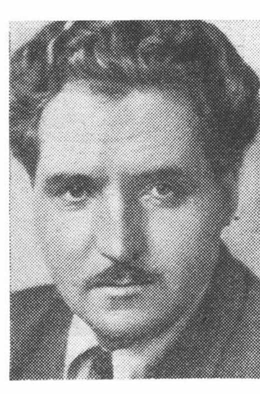
А. Т. ГОНЧАР,
писатель. Премия присуждена за роман «Злата Прага».

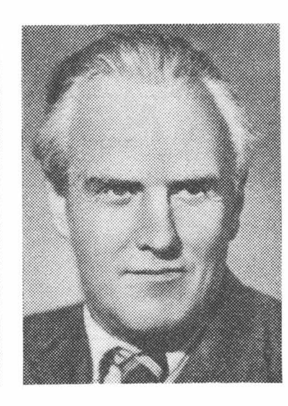
Г. Д. ГУЛИА,
заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, писатель. Премия присуждена за повесть «Весна в Сакене».

М. В. ИСАКОВСКИЙ,
поэт. Премия присуждена за сборник стихов «Стихи и песни».

К. М. СИМОНОВ,
поэт. Премия присуждена за книгу стихов «Друзья и враги».

Н. С. ТИХОНОВ,
поэт. Премия присуждена за цикл стихов «Грузинская весна».

Микола БАЖАН,
поэт. Премия присуждена за цикл стихов «Английские впечатления».

А. В. СОФРОНОВ,
драматург. Премия присуждена за пьесу «Московский характер».

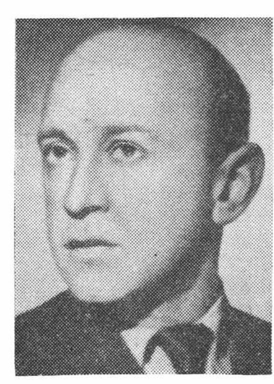
Н. Е. ВИРТА,
драматург. Премия присуждена за пьесу «Заговор обреченных» («В одной стране»).

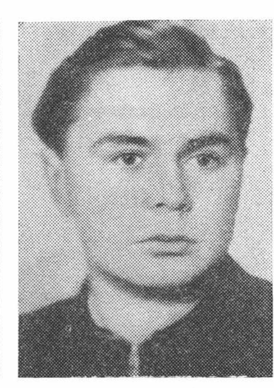
А. Е. КОРНЕЙЧУК,
драматург. Премия присуждена за пьесу «Макар Дубрава».

С. А. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР, режиссер и автор сценария.

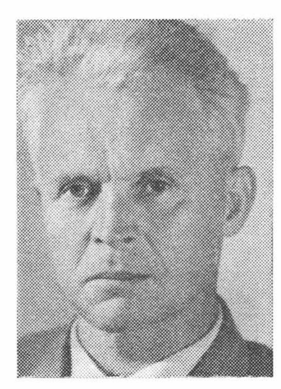

В. А. РАПОПОРТ,
оператор.

В. Н. ИВАНОВ,
артист.

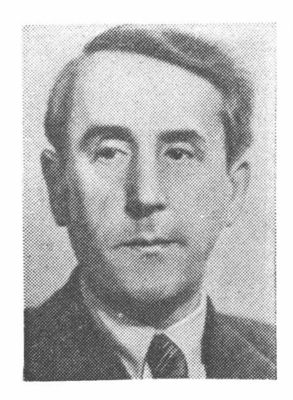
Премия присуждена за кинокартину «Молодая гвардия».

А. П. ДОВЖЕНКО,
заслуженный деятель искусств Украинской ССР, режиссер и автор сценария. Премия присуждена за цветную кинокартину «Мичурин».

А. Б. СТОЛПЕР,
режиссер. Премия присуждена за кинокартину «Повесть о настоящем человеке».

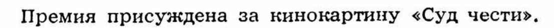
А. М. РООМ,
режиссер.

А. П. ШТЕЙН,
автор сценария.

Б. П. ЧИРКОВ,
заслуженный артист РСФСР.

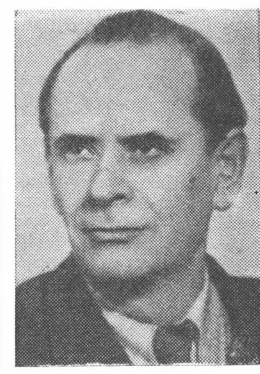
Премия присуждена за кинокартину «Суд чести».

И. А. САВЧЕНКО,
заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер. Премия присуждена за кинокартину «Третий удар».

М. И. РОММ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер.

В. Н. БЕЛЯЕВ,
режиссер.

Премия присуждена за кинокартину «Владимир Ильич Ленин».

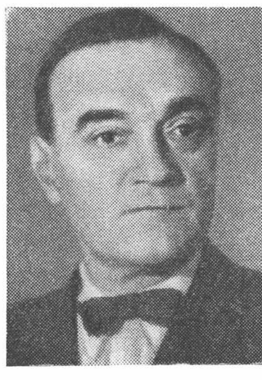
А. Г. АРУТЮНЯН,
композитор. Премия присуждена за «Кантату о Родине».

Б. Д. ДВАРИОНАС,
заслуженный деятель искусств Литовской ССР, композитор. Премия присуждена за концерт для скрипки с оркестром.

Н. П. БУДАШКИН,
композитор. Премия присуждена за произведения для оркестра народных инструментов: «Русская фантазия», «2-я рапсодия», «Думка».

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ,
заслуженный артист РСФСР, мастер художественного слова. Премия присуждена за концертно-исполнительскую деятельность.

М. Н. КЕДРОВ,
народный артист СССР, постановщик.

В. И. МАКАРОВ,
заслуженный артист РСФСР.

Премия присуждена за спектакль «Зеленая улица» в Московском Художественном Академическом театре СССР имени М. Горького.

А. Д. ДИКИЙ,
народный артист РСФСР. Премия присуждена за постановку спектакля «Московский характер» в Государственном Академическом Малом театре.

И. И. СУХИШВИЛИ,
народный артист Грузинской ССР.

Н. Ш. РАМИШВИЛИ,
заслуженная артистка Грузинской ССР.

Премия присуждена за постановку новой программы в Государственном ансамбле танцев Грузии и высокое мастерство исполнения сольных партий.

М. В. КУПРИЯНОВ,

П. Н. КРЫЛОВ,

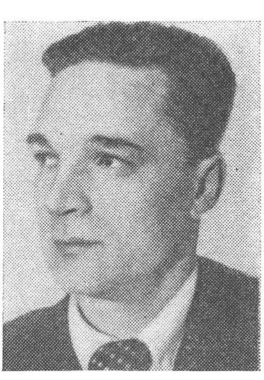

Н. А. СОКОЛОВ,

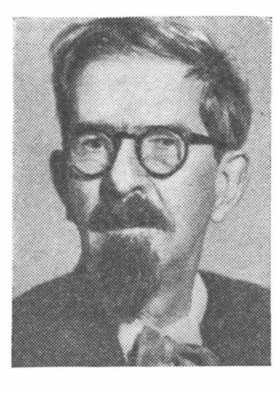
КУКРЫНИКСЫ, заслуженные деятели искусств РСФСР. Премия присуждена за картину «Конец».

Н. С. ГОЛОВАНОВ,
народный артист СССР, дирижер. Премия присуждена за спектакль «Борис Годунов» в Государственном Академическом Большом театре СССР.

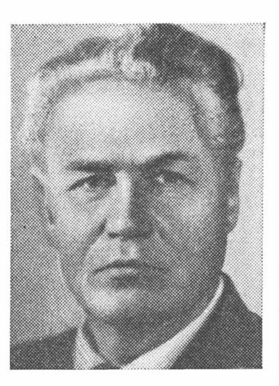
Ф. П. РЕШЕТНИКОВ,
художник. Премия присуждена за картины «Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин» и «Прибыл на каникулы».

Л. В. РУДНЕВ,
архитектор, руководитель авторской группы. Премия присуждена за создание проекта 26-этажного здания Московского государственного университета на Ленинских горах.

Д. Н. ЧЕЧУЛИН,
архитектор, автор проекта. Премия присуждена за создание проекта 32-этажного административного здания в Москве, в районе Зарядья.

А. Г. МОРДВИНОВ,
архитектор, автор проекта. Премия присуждена за создание проекта 26-этажного здания гостиницы в Москве, на Дорогомиловской набережной.

В. Г. ГЕЛЬФРЕЙХ,
архитектор, автор проекта. Премия присуждена за участие в создании проекта 20-этажного административного здания в Москве на Смоленской площади.

ВВЕРХ ПО СТУПЕНЬКАМ

Рассказ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Рисунки О. Верейского

I

Петр Касьянович торопился домой, он хотел проехать мимо, не останавливаясь. Но Малая Рыбаковщина тянулась вдоль большака, а председательский дом стоял на самой дороге. Дядя Устин или кто-нибудь из его родичей, соседей обязательно приметят плетеный тарантас.

По дороге из районного центра Петр Касьянович уже наведался в Белые Холмы, Зябенцы и Сырокоренье. Всюду справляли новоселье, приуроченное к октябрьским праздникам, всюду сносили последние землянки и отмечали полное восстановление деревень.

Соседи принимали поздравления Петра Касьяновича с удовольствием. В районе им вечно ставили в пример колхоз «Красный пахарь» и его председателя. Лестно было сознавать, что на этот раз они оказались впереди.

Но больше всех был доволен дядя Устин из Малой Рыбаковщины. Он давно и успешно соперничал с Петром Касьяновичем, особенно ревниво относился к успехам «Красного пахаря», и торжествовать у него тоже было больше оснований.

Дядя Устин встретил соседа громовым «сколько лет, сколько зим!», предложил снять тулуп, а когда тот отказался, пододвинул табуретку.

— Садись, нехай полы не висят. Пойду распоряжусь насчет жеребца.

Дядя Устин насыпал в торбу овса, сам задал корм жеребцу, запряженному в тарантас.

Затем оба председателя прошлись по деревне.

Снега было совсем мало. Легко было узнать, где пашня, а где огороды: они тянулись бело-черными полосатыми дорожками. Снег на крутых и скользких шиферных крышах лежал белыми заплатами, будто его нехватило на все крыши.

День был на исходе, и между домами, где сгущались тени, снег отсвечивал фиолетовым.

Пока дядя Устин водил соседа от одного дома к другому, с лица его не сходила улыбка победителя. Петр Касьянович, заложив руки за спину, молча шагал по улице. Вдоль большака по обе стороны выстроились шеренгами новые дома, и каждый дом глядел в два окна на улицу.

— Палисаднички бы попросторнее сообразить,— сказал наконец Петр Касьянович. — На шесть метров от красной линии отступил и обрадовался...

«Завидует, ей богу, завидует,— весело подумал дядя Устин и усмехнулся в усы. — Набрался у своего Кастуся всякой премудрости. Уже не знает, к чему придраться. А сам из землянок на божий свет не вылез».

После осмотра деревни неудобно было уехать, отказавшись от ужина.

— На работу так-сяк, а на еду мастак, — сказал Петр Касьянович, потирая руки и усаживаясь за стол.— Тем более — жареный карп. Тем более — в сметане...

Потчуя гостя, дядя Устин держался с небрежным превосходством. Глаза его под густыми рыжеватыми бровями поблескивали, пышные рыжеватые усы весело щетинились, он то и дело принимался потирать коротко остриженную голову и уже несколько раз покровительственно хлопал гостя по плечу.

— В случае чего возьму твои Довженицы на буксир,— куражился дядя Устин после третьего стаканчика.— Я Демьян Демьянычу обещал. Надо помочь отстающим.

— Сам-то когда отстроился?

— Вчера последнее окно застеклили.

— Рапорт, небось, уже послал?

— У Демьян Демьяныча на столе лежит!

Лицо дяди Устина расплылось в самодовольной улыбке, а чтобы скрыть ее, он прикрыл рот огромной ручищей, будто собрался кашлянуть или зевнуть.

— Ты что сам себе радуешься?

— Для начала могу тебе две плотницких бригады отрядить.

— А ты за комаром не гоняйся с топором. У меня и дел-то всего осталось — пять изб. Жихаревым, Тумченкам, Козлевичам, Пестракам, то есть мне, и другим Жихаревым напоследок. Скоро твой черед в Довженицы на новоселье ехать...

Оба председателя пришли из Красной Армии. Петр Касьянович почти всю войну пробыл в политруках роты, а дядя Устин служил старшиной батареи, а затем в дивизионных тылах, на складе боеприпасов.

Дядя Устин сразу, как только появился дома, занял свою старую председательскую должность. Петр Касьянович два года проработал парторгом колхоза «Красный пахарь», а председателем его стал сравнительно недавно.

Секретарь райкома Демьян Демьянович знал о давнем соперничестве соседей, и можно было подумать, что он нарочно его разжигал. «Ну, что? Гусиный хлев еще не подпилил у Пестрака? Как Иван Иванович?» — спросил однажды Демьян Демьянович у дяди Устина. «Да что я, диверсант какой-нибудь, что ли? Никакого Ивана Ивановича я не знаю». «Как это никакого? Который с Иваном Никифоровичем поссорился». «И Ивана Никифоровича я тоже никакого не знаю. У нас и председателя такого в районе нет. А с Пестраком мне делить нечего. Пусть похозяйничает с мое, а потом тягается».

И вот сейчас дядя Устин не без удовольствия ощущал себя победителем. Дядя Устин очень любил рапортовать. Его колхоз обычно первым рапортовал об окончании всякого рода сельскохозяйственных работ и кампаний. И тем было обиднее, что в пример чаще ставили все-таки «Красный пахарь»...

— А вот хорошо ли, Устин Степанович, что все дома у тебя в деревне совершенно одинаковые?

Петр Касьянович задумчиво прикрутил фитиль в лампе:

— Зато быстрее, дешевле. Возьмем, к примеру, сруб...

Дядя Устин пододвинул к себе канцелярские счеты и ребром богатырской ладони отбросил костяшки направо. Он любил при разговоре держать их под рукой. Не только в правлении колхоза, но и дома у него на столе лежали счеты.

— Понимаешь, Устин Степанович? — Петр Касьянович положил руку на костяшки.— Хожу по деревне, а глаза у меня устают.

— Что это у тебя с глазами приключилось?

— Глаза, говорю, устают. Все дома одинаковые. Как новенькие двугривенные. Тут не то что пьяный — трезвый домом ошибется. Разденется, залезет на печку — что за чорт, откуда чужая баба взялась? Оказывается, к соседям забрел!

— Ох и униорист же ты! Совсем уморил меня со смеху! — сказал дядя Устин, но на лице его не было и следа улыбки.

— А зачем дома вдоль большака поставил? Пройдет машина, и вся пыль, какая только ни есть, в окна полетит.

«Нет, не завидует,— огорчился дядя Устин.— Пожалуй, дело говорит». Лицо его стало озабоченным:

— Пожалуй, насчет большака — правда твоя.

— Ну, да ведь у нас не минская автострада,— примирительно сказал Петр Касьянович,— чтобы грузовики все время носились. Наш большак известный: Иван прошел — и все... А землянка у тебя цела? Такая завалящая. Окно из бутылок немецких слеплено.

— Порушили! — повеселел дядя Устин.— На слом сыграла.

— Жалко,— вздохнул Петр Касьянович.— Одну землянку нужно было оставить.

— Это еще зачем? Людям глаза мозолить? Пора уж о войне забыть.

— О войне как раз забывать нельзя. Пусть мы лучше будем злопамятные. Больше мирную жизнь ценить будем. А случится — воевать злее будем. Я вот один блиндаж обязательно оставлю. Даже капитальный ремонт дадим.

— А какая от этого народу корысть?

— Корысть — не знаю. А польза будет.

— Фантазии все у тебя, Петр Касьянович! Фантастический ты человек. Знаю я твои штабные блиндажи. Это который за околицей, в березнячке? Шесть накатов, шутка сказать. Сколько строительного материала пропадает! Этих бревен пять подвод не подымут. А если на рубли прикинуть?

Дядя Устин пододвинул счеты и уже занес руку над костяшками.

— Здесь твой дебет-кредит ни к чему.

— Придется тебя все-таки на буксир прицеплять,— снова повеселел дядя Устин.

Петр Касьянович нахмурился, прикрутил фитиль в лампе и сказал, торопясь переменить тему разговора:

— Однако карп у тебя знаменитый. И кто бы мог подумать? Цвела балка гнилой зеленью, а оказалось, золотое дно у нее...

— Прибыльная рыбешка. Маринка на весах доказала. Окунь за два года двадцать грамм нагулял, а карп зеркальный — семьсот. Семьсот!

Петр Касьянович побывал как-то с сыном Кастусем на колхозном рыбозаводе, где в белом халате хозяйничала золотоволосая Маринка. В ванночке у нее шныряли животрепещущие запятые, отсвечивающие в воде перламутром. Вчера это были икринки, завтра будут крошечными мальками.

— Молодчина у тебя Маринка! — сказал Петр Касьянович, воодушевляясь. — На всю область «Перамогу» прославила. Просто молодчина! А что Маринка, скоро домой придет?

— С рыбаками занимается.

— Имею ей привет передать.

— Привет мы возьмем. А что Кастусь?

— Да все с рейкой, со складным метром не расстается. Архитектор! Он у нас еще в кандидаты наук выйдет.

— Наученный работник!

— Так не забудь передать привет женскому сословию,— Петр Касьянович поднялся из-за стола.— Или устный привет тебя не устраивает? Можно составить письменный. Вроде рапорта.

«Завидует, ей богу, завидует»,— подумал дядя Устин, вновь повеселев. Рассмеялся он не сразу, но так громко, что задрожало пламя в лампе.

— Ну, будьте здоровеньки,— Петр Касьянович откланялся хозяину и старушке, суетившейся за столом.— Простите, если что не так.

Он застегнул тулуп и вышел за хозяином на заснеженное крыльцо.

Отвесно и лениво, как всегда в полное безветрие, падал редкий снег. Луна была обведена широким светлым кругом, неподвластным темноте. Видны были дорога, и дымки из труб, подымавшиеся прямо в небо, к пятнистым облакам, и даже обозначались смутные тени от плетней и построек.

У крыльца ждал укрытый рядном жеребец. Вороной жеребец был в передних чулках, и казалось, что он чуть ли не по колени стоит в сугробе. Завидев хозяина, жеребец замотал головой, отряхивая побелевшую гриву, и заржал: торба была пуста, ему не терпелось домой.

II

Но вот наконец и в Довженицах наступил день, когда самые последние обитатели поднялись в последний раз из опостылевших землянок и хозяевами вошли в новые дома.

Люди входили в новые дома, не пригибаясь, и потом еще долго не могли привыкнуть к щедрому простору жилья. Можно, оказывается, обойти стол вокруг, можно в раздумье шагать из угла в угол, можно укладываться на ночлег, не тревожа, как раньше, детей, которые спали вповалку на единственной постели.

Не успела старуха деда Михея обосноваться в доме и вдосталь прогреть кости, как на весь день уселась у окна на улицу. Не мутный лоскуток стекла, размером с печную вьюшку, а настоящее окно с двойным переплетом, с фрамугой!

Михеева старуха снова, как в былые годы, хотела быть в курсе всех деревенских дел. Смотреть, кто куда пошел, и угадывать, по какому делу. Но за эти годы старуха ослабела глазами. Она часами не покидала наблюдательного пункта у окна и все время тормошила деда Михея: «Кто повел корову?», «Не Улька с ведрами пошла?», «Чей пострел с горки катается?», «Никак, Жихарева к себе стулья понесла?»

Все эти дни Петр Касьянович был озабочен меблировкой новых домов. Это в землянках и блиндажах могли стоять нары и колченогие столики, врытые в землю. А теперь нужда была в кроватях, стульях, столах, шкафах, зеркалах, этажерках.

Петр Касьянович посылал колхозную трехтонку за мебелью в Гродно, в Минск, а в поисках за комодами и шкафами заехали даже в соседнюю республику, в Вильнюс.

Дед Михей тоже увязался с машиной.

— Охота трясгись и мерзнуть бестолку? — пытался отговорить его Петр Касьянович.

— Я старухин тулуп мобилизовал. И потом, что значит — бестолку? Глаз хорошо, а два лучше. Один партийный, другой беспартийный. Проверю, что за мебель. А то купят — ни к вороту, ни к шивороту.

При этом дед Михей так жестикулировал, что мог сойти за глухонемого.

Трехтонка, набитая мебелью сверх всяких норм (издали она походила на фургон с неестественно высоким кузовом), держала путь через Малую Рыбаковщину.

Водитель остановился у колодца. Парторг колхоза Анна Мелентьевна вышла из кабины, а дед Михей спустился из своего гнезда, устроенного на верхотуре между двумя шкафами, разделенными горой пружинных матрацев.

Дядя Устин обошел кругом диковинную машину. Ему понравилась умная заботливость соседа. «А я-то не догадался. Вот бы добыть такие шкафы и кровати для нашей «Перамоги»!»

— Ну, как ваши? Рассчитались с блиндажами, землянками? — спросил дядя Устин небрежно, словно его самого это нисколько не интересовало, а вопрос был задан только из приличия.

— Позавчера несколько семей оставалось, — сказала Анна Мелентьевна.— Мебель привезем — сразу переедут.

— Отстал, отстал «Красный пахарь». Весь район назад тянете.

— Это мы назад тянем? — воинственно прищурился дед Михей.

— Авось, район назад не покатится, — перебил его водитель. — У Демьяна Демьяныча тормоза надежные.

Водитель долил радиатор и выплеснул остатки воды на снег.

Машина уже трогалась с места, когда подбежала золотоволосая девушка без платка, в накинутой на плечи шубке. Девушка легко вскочила на колесо, на борт, подала конверт деду Михею, свесившемуся для этого вниз, соскочила и прокричала ему вслед:

— Так не забудьте, дедушка! Кастусю Пестраку! Обязательно!

Деаушка бежала за машиной, скользя на укатанном и грязном дорожном снегу, то вскидывая руки в стороны, чтобы сохранить равновесие, то придерживая спадающую с плеч шубку.

— Самая спешная почта! — прокричал сверху дед Михей.— Быстрее радио!

Он еще долго и отчаянно махал руками, сидя на своей матрацной вышке, и что-то кричал при этом, но машина умчалась, и больше ничего нельзя было разобрать.

III

Дядя Устин ехал на праздник в Довженицы и размышлял: «А все-таки Петр Касьянович везучий! Взять хотя бы этот праздник. Когда я послал рапорт об окончании стройки? В октябрьские дни прошлого года. Самыми первыми управились! А кто сегодня, восемнадцатого февраля, помнит об этом? Наверно, и Демьян Демьяныч позабыл. Петр Касьянович самый последний отстроился. И вот пожалуйста. От всех соседей отстал,— а у него праздник, потому что в окончательный расчет угадал. Где же, спрашивается, справедливость? Нет справедливости. Конечно, Петр Касьянович — мужик башковитый. Фантазию любит, политику понимает. Всегда в курсе международного положения, даже в Китае не заблудится. Но вот что непонятно: почему у них в «Красном пахаре» трудодень весит больше моего? Хозяйство знаю получше Петра Касьяновича. Опять-таки зеркальный карп у меня. И все же у них трудодень богаче. Прямо загадку загадал Петр Касьянович...»

Дядя Устин бросил окурок и перенял вожжи у Маринки, сидевшей рядом в розвальнях, устланных сеном. Он раздраженно задергал вожжами и принялся понукать лошадь. Кончики усов его заиндевели, так же как пышный золотистый локон Маринки, выбившийся из-под платка.

Когда-то Довженицы, как и Малая Рыбаковщина, тянулись вдоль большака, отрезок которого служил деревне улицей.

Ныне дядя Устин с удивлением увидел, что деревня выстроилась поперек большака с севера на юг. Дома стояли глухими стенами к северу, а крылечками — к югу и смотрели в два, три, четыре и даже пять окошек. Одни были покрыты шифером, другие — черепицей, а несколько домов — камышом-очеретом.

Снег лежал густо только на скатах крыш, обращенных к северу. Бросались в глаза морковные или бурачные пятна черепичных крыш. Не было дома, где из чердачного окошка или над крыльцом не свешивался бы красный флаг.

«А я вот тогда не догадался. На всю Малую Рыбаковщину два флага держим»,— упрекнул себя дядя Устин, вылезая из розвальней у председательского дома.

На пороге нового дома гостей встретил Кастусь, такой же рослый, черноволосый, сероглазый, такой же неторопливый в движениях, как отец.

Дяде Устину Кастусь пожал руку крепким, но коротким пожатием, может быть, потому, что очень торопился поздороваться с Мариной.

— Милости прошу! Отец будет позже.

Кастусь широко распахнул дверь в сени, а когда Марина переступала через порог, бережно поддержал ее под руку.

В горнице чувствовался острый запах новоселья: смешанный запах сохнущей краски, оконной замазки, глины, стружек.

В кутном углу стоял стол, уставленный закусками. Дядя Устин еще из сеней увидел тучную фигуру Демьяна Демьяновича и его белую шевелюру, похожую на театральный парик.

— А, «Перамога» приехала! Здравствуй, Устин Степанович, здравствуй! Я за хозяина. Что-то вас не слышно? Давненько не рапортовали! Чур, не обижаться. Знакомьтесь. А вы что же, Марина? Присаживайтесь к нашему костру. Еще немного подвиньтесь. Заливного поросенка или рыбы? Хотя вас, Марина, рыбой не удивишь.

Дядя Устин оторопел и уставился на генерал-лейтенанта, сидевшего в самом углу. Дядя Устин никогда не сидел за одним столом с генералом. Тот был сухощав, с черными усиками, очень общительный и добродушный. Рядом с ним восседал адъютант в звании майора, с такими же черными усиками и более важный, чем сам генерал.

Дядя Устин не знал о том, что ранней осенью в Довженицы заехали на двух машинах генерал-лейтенант и с ним группа офицеров. Они разыскали Петра Касьяновича и попросили показать блиндаж Черняховского. Его командный пункт летом 1944 года несколько дней находился в Довженицах. Многие жители помнили эти дни, когда по окрестным дорогам сновали невиданные легковые машины и бронетранспортеры, а окрестные поля и рощицы были опутаны толстыми штабными проводами, висящими на шестах.

Петр Касьянович повел гостей за околицу деревни, к блиндажу на березовой опушке, там жила тогда семья Азаренковых. Шесть мощных накатов блиндажа да еще слой земли сверху образовали крутобокий холм, покрытый дерном и поросший нежными елочками трех — четырех лет от роду.

Уже при входе в блиндаж пахло пеленками, кислым тестом и плесенью.

— Цыц, нето немец придет! — стращала девочка младенца, ревущего на ее руках.

Для Петра Касьяновича блиндаж этот давно стал будничной постройкой, откуда следует переселить Азаренковых,— и только. Но сейчас, когда он спускался по неровным, подгнившим ступенькам, его охватило волнение.

Петр Касьянович провел пальцами под ремнем, чтобы не морщилась выцветшая почти до белизны гимнастерка, поправил такую же заношенную фуражку, подтянулся, кашлянул в руку, будто сейчас ему, политруку роты, придется докладывать самому командующему фронтом.

И генерал-лейтенант и офицеры, спускаясь в блиндаж, также приосанились, подтянулись.

— Такой блиндаж и разрушать грех,— сказал на прощанье генерал, уже сидя в машине. — Сама история!

«А что если в этом блиндаже музей устроить? — подумал тогда же Петр Касьянович. — В память о Великой Отечественной войне».

Демьян Демьянович поддержал эту мысль и написал письмо в партизанский музей, где работал его товарищ по отряду «Мститель». Неужели не уважат просьбу бывшего комиссара отряда? Там у них в музее, наверно, есть интересные дубликаты всяких документов и экспонатов. Музейные работники горячо откликнулись на просьбу, и Петр Касьянович поспешил переселить в новый дом Азаренковых и отремонтировать блиндаж.

IV

Пришло время отправляться к штабному блиндажу, там уже собралась вся деревня. Деревенские псы провожали гостей, шагавших по опустевшей улице, заливистым лаем.

«Кто же это такие?» — силилась и никак не могла разглядеть михеева старуха, прилипшая к окну. И, как на зло, не было деда Михея: он тоже убежал на митинг.

Гостей обгоняли сани, битком набитые ребятишками. В гривы лошадей были вплетены красные ленточки, под дугой звенел неуемный колокольчик.

«Вот ведь какая струнка у Петра Касьяновича, — подумал дядя Устин с завистью. — Календарь всюду одинаковый. А в Довженицах вроде и праздников больше...»

Азаренковская дочка стояла в толпе у блиндажа, где недавно жила, с младенцем, словно с тех пор и не выпускала его из рук. Младенец опять ревел, уже окрепшим голосом, и девочка опять стращала его: «Цыц, нето немец придет».

Петр Касьянович, музейный работник из Минска и парторг Анна Мелентьевна тем временем заканчивали последние приготовления в блиндаже. Нужно было разложить, расставить, развесить экспонаты, привезенные в дар от партизанского музея, от штаба военного округа.

Здесь были бинокль, планшет, карта, карандаши Черняховского и его портрет. Он изображен был на портрете шагающим легкой походкой, в бурке со шпорами,— видимо, недавно сошел с лошади.

Привезли также партизанский самодельный гранатомет; фашистское знамя с черным крестом-пауком; снимок гаулейтера Белоруссии Кубе, убитого минскими партизанами-смельчаками; карту победоносного марша армий Черняховского, освободивших Белоруссию, и немецкие объявления. Здесь были объявления-окрики, объявления-запреты, объявления-угрозы, объявления-приговоры и даже объявления-посулы. В них была опубликована такса для предателей: сколько немецкий комендант согласен заплатить за выданного партизана рублями и махоркой.

Наконец все было расставлено, разложено, развешано по своим местам.

Первое слово на митинге взял Петр Касьянович:

— Сегодня мы празднуем восстановление деревни Довженицы, а также всего района. Вчера вечером Жихаревы тоже переселились в новый дом. Вот он, дымок, над жихаревской избой стелется!

Петр Касьянович показал пальцем в направлении деревни, и все повернули головы, отыскивая среди других жихаревский дымок. Ветер дул со стороны деревни и доносил теплые запахи человеческого жилья.

Кастусь Пестрак тоже показал Маринке на дымок. Они стояли так близко друг к другу, что щеки их и волосы едва не касались. Они все время тихо переговаривались, и улыбка не сходила с их возбужденных лиц.

Дядя Устин держался впереди группы гостей из соседних колхозов. Не мог же он, председатель «Перамоги», оставаться в тени.

Дед Михей терся между гостями. Когда Петр Касьянович показал на жихаревский дымок, дед Михей дернул дядю Устина за рукав.

— Жихаревы-то! Не прогадали, что последними из земли поднялись. Кастусь им такой дом отгрохал!

Дядя Устин отмахнулся от старика, тот мешал слушать.

— Кто на пять, — продолжал свою речь Петр Касьянович, — кто на семь ступенек поднялся к жизни наверх из земли и, может, всего на метр один вся наша деревня выше переселилась... Но тот блиндаж, в котором Азаренковы жили, мы на слом никак пустить не могли, а, наоборот, сделали ремонт и сложили новую печь, потому что в блиндаже этом находился командный пункт сталинского полководца генерала армии Ивана Даниловича Черняховского. Мы решили открыть в этом блиндаже музей. И сегодня, восемнадцатого февраля, в годовщину смерти полководца, мы наш военный музей открываем.

Затем слово взял Демьян Демьянович. Он был краток: поздравил жителей с окончательным восстановлением Довжениц и всего района, с открытием музея и зачитал постановление райисполкома, по которому колхоз «Красный пахарь» переименовывался в колхоз имени Черняховского.

«Вот в «Перамоге» Демьян Демьянович всегда дольше разговаривает,— подумал дядя Устин и почесал затылок.— А почему? Чаще приходится поправлять меня и моего парторга, вот что. А Петр Касьянович в политруках воевал».

Еще выступили работник партизанского музея, товарищ из обкома партии, генерал-лейтенант.

Затем предоставили слово Жихаревой, вдове партизана. Она долго стояла молча и все поправляла платок на шее, словно он внезапно сдавил горло.

— Ну, что ты, Груня? — дернул ее за рукав дед Михей.— Как немая.

— Встал бы мой хозяин, открыл бы ясные глаза свои... Дети тогда совсем махонькие были...

Убедившись, что со слезами не совладать, Жихарева махнула рукой, отвернулась и скрылась в толпе.

Первыми в блиндаж спустились гости, а колхозники колхоза имени Черняховского остались стоять наверху, дожидаясь очереди.

Дед Михей успел сбегать домой и притащил мундир немецкого офицера. Он растолкал всех, спустился в блиндаж и дернул за рукав Касьяна Петровича.

— Хотел на пугало мобилизовать. Ну, да берите. Для музея не жалко.

V

Уже все гости поднялись наверх, уступив место первой группе колхозников, которую затем сменила вторая.

Приезжий работник из музея давал объяснения, и дядя Устин выслушал их три раза подряд, возбужденный, каким его Петр Касьянович никогда не видел.

Дядя Устин тщательно осмотрел мундир немецкого офицера с крестами и медалями, надетый на портновский манекен; прочитал партизанские листовки, письма подростков из немецкой неволи и объявления немецких комендантов. Особенно долго стоял он у стенда, где висела немецкая карта их района. Дядя Устин нашел свою родную деревню. Название исконной белорусской деревни было кощунственно и нахально напечатано чужим шрифтом — «Malaya Rybakowschtschyna»...

— Ну, как музей? — спросил Демьян Демьянович у дяди Устина, когда тот поднялся наконец наверх.

— Замечательное дело! Думаю, здесь вся «Перамога» должна побывать.

— Ну, а деревня? Обогнали вас Довженицы?

— Обогнали, Демьян Демьяныч.

— Как же так? Ведь ваш самый первый рапорт был?

Устин помолчал и только печально почесал затылок.

— Тут и моя ошибка есть, Устин Степанович. Дома так строить нужно, чтобы и на завтра и на послезавтра глаз доставал. А то нас с тобой недобрым словом наши внуки помянут. Маринкины дети.

— У меня внуков нет.

— Не вечно же Маринка в невестах ходить будет!

Затем дядя Устин осмотрел выставку трофейного вооружения, устроенную тут же, за блиндажом. На заснеженной березовой опушке стояли, облепленные ребятишками, «королевский тигр», который тягач притащил чуть ли не за двадцать километров с Козьего урочища, цуг-машина, шестиствольный миномет и зенитка с откидными креслицами, с маленьким орудийным щитом, на оборотной стороне которого сохранилась таблица с данными для стрельбы.

Водитель генеральской машины забрался на башню танка и, растопырив черные пальцы, измерял толщину лобовой брони.

— Миллиметров сто двадцать, а мабуть, и все сто сорок,— прикинул он и покачал головой: — Серьезная броня!

Стихи о Грузии

Симон ЧИКОВАНИ

САДОВНИК КАРТЛИ[1]

В дремотных трущобах колеблется ключ,
Зима, затуманясь, уходит отсюда,
Но почки еще не прозрели покуда,
И теплые ливни не хлынули с круч.

Весною садовник прилежен к труду.
Сын Картли, он полон любови к Отчизне.
Он хочет, чтоб первое яблоко жизни,
Как зарево, вспыхнуло в нашем саду.

Мотыгу его облепила земля,
От спячки пробудятся саженцы вскоре.
И окна приветливой хижины в Гори
В лицо ему светят, и звезды Кремля.

Как карта, в морщинах сухая ладонь,
На ней отпечатались корни растенья.
Как трут, она дышит; он полон терпенья,
Чтоб высечь соцветий волшебный огонь.

Ножом расщепляя побег молодой,
Он на-двое делит древесные ткани
И, выбранный плод прививая заране,
Две жизни стремится зажечь из одной.

И саженцы любят его все нежней,
Они, как ребята из детского сада.
Он их переносит туда, куда надо,
Он их бережет, словно малых детей.

Он мира живого творит уголок,
Ему вручена созиданья частица.
Готова природа ему подчиниться,
Чтоб он насладиться плодом ее мог.

И встанут над садом, как сладостный дым,
Соцветия персиков, спутников лета,
И крик петушиный из горла рассвета
Прорвется и грянет, ликуя над ним.

Он дерево лепит, как лепят кувшин,
Он влагой его наполняет весенней.
Мой славный соперник, он все вдохновенней,
Он в деле своем достигает вершин.

А в небе уже догорает закат,
И движутся тени под ветками сада,
И бродит садовник в сияньи заката —
Полезных деревьев творец и собрат.

ВЕЧЕР В КОЛХИДЕ

Я видел вас, колхидские сады,
Был вечер ваш похож на шкуру барса.
Катился с моря тихий шум воды,
Вдоль по дороге юный всадник мчался.

Уж посинели выступы холмов,
Тень от платана вытянула плечи,
Лучи заката на рогах быков
Горели, пламенея, словно свечи.

И речь садов доступна стала мне.
Неслась река, ворочая каменья,
И труженица пчелка в тишине
Работала над чашечкой растенья.

И я следил, мегрелка, за тобой.
В тени листов ты — украшенье сада!
Как хороша ты сделалась собой,
Луна небес, души моей отрада!

Зачем же ты глядишь из-за плетня!
Ужель тебя подстерегла измена!
Нет, верен друг, он в Поти мчит коня,
Он там на скачках будет непременно.

Среди друзей помчится молодец,
Из-под копыт взлетят метеориты,
Чтоб выпала победа наконец
Стахановцу передовой Колхиды.

Мегрелка гладит цитрусовый плод,
Ласкает листья тучного инжира.
Она сама участница работ
На благо расцветающего мира.

Она теленка треплет по спине,
Но мысль о друге не дает покоя,
И стан ее, как тополь при луне,
Вздымается, колеблясь под луною.

Среди недавно созданных пород,
Весь в белых пятнах солнечного света,
Могучий Кварацхелия[2] идет,
Одетый в чоху[3] праздничного цвета.

Быки над ним рога взметнули ввысь,
Но он смеется — все ему веселье!
А тени потемнели и слились,
И сельские ворота заскрипели.

Закрылись мглою выступы холмов,
Трава покрылась жемчугом далече,
Лучи заката на рогах быков
Сияют, догорая, словно свечи.

Услышу я чонгури нежный звук,
Как тень, исчезну в воздухе пустынном.
И расстегнет мегрельский архалук[4]
Водитель стад пером своим гусиным.

Мегрелке он подтягивать начнет,
Расцвет страны приветствуя с волненьем,
И вся Колхида, весь родной народ
Ответит песне радостным гуденьем.

Перевел с грузинского
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

---

[1] Картли — Карталиния, в расширенном смысле — Грузия.
[2] Кварацхелия — мегрельские пастухи, которые вывели новую породу коров, известную под названием «кварацхелиевская порода».
[3] Чоха — одежда вроде черкески.
[4] Архалук — национальная одежда со множеством мелких пуговиц, которая расстегивается с помощью гусиного пера.

— И нехай сто сорок! — весело откликнулся дед Михей.— Так это лоб у него — сто сорок. А бока? Полюбуйся!

И он просунул руку в дыру с рваными краями.

— Эта тигра здесь не разгулялась! — сказал дед Михей, почему-то очень строго глядя на водителя.— Не в Африке! У нас на тигру быстро управу нашли.

— Что ты до мене пристал, як смола? Пойди, Гудериану скажи.

Дядя Устин почесал затылок, надвинув при этом треух на глаза, водворил его на место и сказал:

— Знаешь, Петр Касьянович? У нас за овсяным клином, левее того озера, «фердинанд» заблудился. Надо и его к вам на выставку определить. А? Если для полной коллекции?

— «Фердинанд» нам даже очень требуется,— добродушно согласился Петр Касьянович...

Марина с Кастусем засиделись где-то в гостях. Поэтому дядя Устин уезжал домой, когда гостей уже проводили, чуть ли не на ночь глядя.

— Клуб мне, Петр Касьянович, нужно ставить, — сказал дядя Устин.— Нельзя ли Кастуся на март месяц к нам определить? А то клуб с архитектурой.

— В творческую командировку? Это можно.

— Жить будет, ясное дело, у нас. Кастусю веселее будет.

Дядя Устин показал глазами на Марину, которая с помощью Кастуся надевала полушубок поверх шубки.

— Это, конечно, можно. Но ведь вот дело-то какое: хотел попросить Марину, чтобы она в марте курсы рыбоводов провела. Жить будет, ясное дело, у нас.

— Это можно. Если только Кастусь ее отпустит.

— Неужели не отпустит?

— Должен отпустить,— серьезно ответил дядя Устин.

— Вот и хорошо! Вы сколько на рыбе-то заработали?

Дядя Устин снял рукавичку и подошел к столу в поисках канцелярских счетов. Не найдя их, он сделал в воздухе какой-то неопределенный жест, будто сбросил костяшки.

— А, впрочем, чего там считать! И мы разживемся, когда в рыбаки наймемся! — засмеялся Петр Касьянович, также облачаясь в полушубок.

Петр Касьянович решил проводить гостей до мельницы, она как раз на полдороге. Было ли то великодушие победителя? Гостеприимство? Или желание сделать приятное Кастусю?

Решили, что Кастусь с Мариной поедут впереди в плетеных санках, куда впрягли вороного жеребца, а отцы поедут по-стариковски сзади, в розвальнях.

Герой Советского Союза, заместитель министра авиационной промышленности генерал-майор авиации Анатолий Васильевич Ляпидевский, получивший Золотую звезду Героя за № 1.

Фото А. Гостева

Художники Российской Федерации

Третья Всероссийская художественная выставка — значительное событие в культурной жизни Москвы. На выставке участвует свыше 250 живописцев, скульпторов, графиков, представляющих 50 городов Федерации.

Русские художники идут в авангарде советской живописи. Все, что волнует сегодня нашу страну, находит отклик в их впечатляющих произведениях. Множество работ посвящено гигантским стройкам послевоенной пятилетки, самоотверженному труду на колхозных полях, на лесоразработках, подъему производительности труда на промышленных предприятиях. И всюду художники РСФСР стремятся к созданию образа советского человека, прокладывающего путь к коммунизму.

Большой интерес представляет групповой портрет товарищей И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного на трибуне мавзолея во время праздничной демонстрации — работа омского художника Т. Козлова.

Героический образ — тема костромича М. Колесова. Он решает ее и в портрете героя Отечественной войны полковника Вавилова и в портрете Героя Социалистического Труда пастуха Игнатьева. Вдохновенный облик ученого-патриота лауреата Сталинской премии В. Можаровского воссоздает саратовец Г. Мельников.

А. Шиндыков

Н. Беляев. Советские ребята.

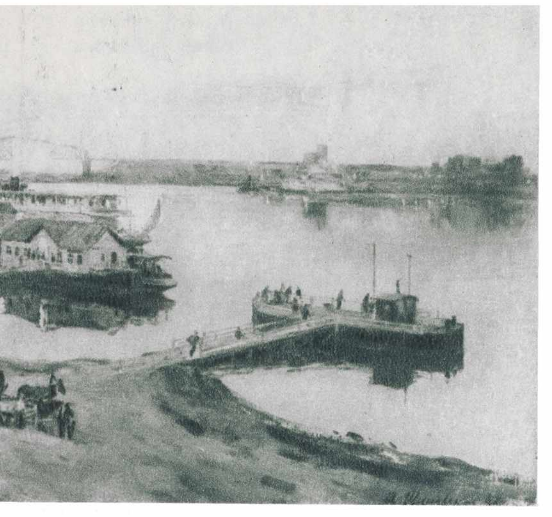
А. Либеров. Б

Д. Лукьянцев. День отдыха.

Т. Семенов.

...в. На Волге.

...арабинская степь.

... Вести с фронта.

И в работах Н. Щекотова, А. Шиндыкова, М. Антоняна, отражающих дни Великой Отечественной войны, главный герой — советский человек. Картина М. Антоняна (Ярославль) «По следам оккупантов» отлично скомпанована и весьма удачна по своим живописным качествам.

Из произведений на темы войны следует особо отметить жанровую картину Т. Семенова «Вести с фронта», перекликающуюся с известным полотном Лактионова. Семенов создал сильные, волнующие образы.

Художники РСФСР много работают в жанровой живописи. Подлинной удачи добился Н. Беляев (Загорск) в картине «Советские ребята». Моральная стойкость, мужество, присущие людям социалистического государства, позволили Беляеву, потерявшему на фронте правую руку, найти в себе достаточно сил, чтоб вернуться к творческому труду и быть полезным Родине. Картина Н. Беляева — одна из лучших на выставке.

О детях рассказывает в тщательно, любовно выписанной картине и горьковчанин А. Варламов.

В многочисленных пейзажах оживают на выставке беспредельные российские ландшафты.

А. Шиндыков и А. Каманин в своих волжских пейзажах ярко повествуют о бодрой, деятельной жизни на одной из основных водных артерий Советского Союза.

Волнующе лиричны и притягательны работы омского живописца А. Либерова.

Вся выставка в целом красноречиво показывает, что в республике работают значительные и нужные родному искусству художники.

М. Антонян. По следам оккупантов.

Ф. Кулагин. Новое задание.

Герои Советского Союза Константин Давыдов и его жена Марина Чечнева.

Фото А. Гостева

ГЕРОИ И ИХ УЧЕНИКИ

Николай БОБРОВ

Пятнадцать лет назад весь мир напряженно следил за тем, как советские летчики, мужественно преодолевая в колючей полярной пурге километр за километром, летели на спасение челюскинцев.

20 апреля 1934 года наша страна венчала славой первых Героев Советского Союза А. В. Ляпидевского, С. А. Леваневского, В. С. Молокова, Н. П. Каманина, М. Т. Слепнева, М. В. Водопьянова и И. В. Доронина. Они спасли экипаж «Челюскина», раздавленного дрейфующими льдами Полярного моря.

Марине Чечневой, нынешней летчице, Герою Советского Союза, тогда было двенадцать лет. Маленькая черноглазая пятиклассница московской школы мечтала о профессии врача. Но в школе организовался авиамодельный кружок. Марина стала его посещать, увлеклась авиацией, и день окончания средней школы совпал в ее жизни с незабываемым днем окончания аэроклуба. Чечнева получила звание летчика-инструктора.

Вскоре она попала в часть, которой командовала Марина Раскова. Шла Великая Отечественная война. Марина Чечнева с нетерпением ждала первого боевого вылета. И вот она стала летать на бомбежку вражеских объектов. С маленького ночного «ПО-2» она громила немцев в Донбассе, на Кубани, в Крыму, в Белоруссии, в Польше. За войну она совершила 810 боевых вылетов.

Когда летчики — участники челюскинской эпопеи — получили звание Героя Советского Союза, Константин Давыдов в то время стоял за токарным станком на одном из горьковских заводов и одновременно успешно учился в аэроклубе. В войну Давыдов летал на прославленном штурмовике — «черной смерти», как называли немцы эту грозную машину. В единоборстве с отборными гитлеровскими воздушными эскадрильями он защищал небо Ленинграда и Сталинграда. Штурмовик Давыдова появлялся над руинами многострадального Смоленска, под крылом самолета мелькали оккупированные города Белоруссии и Польши. При наступлении долгожданного часа победы в летной книжке Давыдова числилось 170 штурмовых вылетов.

В одном из городков, где базировались части Северной группы наших войск, Герой Советского Союза Константин Давыдов встретился с отважной летчицей Мариной Чечневой. Они крепко сдружились, полюбили друг друга, а через некоторое время сыграли свадьбу. Сейчас прославленные пилоты-супруги ведут совместную работу в Центральном аэроклубе СССР имени Чкалова. Герои Советского Союза М. Чечнева и К. Давыдов обучают людей самых различных профессий сложному воздушному мастерству. Этой увлекательной работе они отдают все свои знания, весь свой огромный опыт.

* * *

Раннее весеннее утро. По случаю воскресенья Москва пробуждается сегодня позже обычного. Но на аэродроме Центрального аэроклуба имени Чкалова оживленно. То и дело сюда прибывают люди, которым предстоит совершить тренировочные полеты на высший пилотаж, на точность расчета, на групповую слетанность и другие виды спортивной авиационной подготовки.

В утренние часы такого лётного дня вы, конечно, увидите, около ангара и Марину Чечневу, и ее мужа Константина Давыдова, и их учеников-спортсменов: кандидата технических наук, преподавателя кафедры конструкции двигателей Академии бронетанковых и механизированных войск имени И. В. Сталина С. Форстена, шофера дизельного автобуса Н. Борзова, штамповщика артели «XXX лет Октября» Н. Лазарева, студента Института международных отношений Н. Кузнецова, преподавателя физкультуры 574-й московской средней школы В. Квейснера и других.

У каждого из них по-разному складывается жизнь. Одни трудятся в заводских цехах, другие учатся, третьи работают на транспорте, но у всех есть одно общее, родное, кровное — любовь к авиационному спорту, к сталинской авиации.

Летчики-спортсмены выстроились у самолетов. Инструкторы проверили и уточнили задания. Командир отряда Константин Давыдов дает последние указания.

В воздух один за другим поднимаются спортивные самолеты «УТ-2». Командир отряда, запрокинув голову, наблюдает за пилотажем своих учеников.

Студент Института иностранных языков Лисин делает «бочки» и перевороты; Чинов, слушатель Московского автотранспортного техникума, отрабатывает глубокие виражи. Чуть левее штопорит Марков, а водитель троллейбуса Огнивцев и преподаватель физкультуры Квейснер выполняют петли, добиваясь точности ввода и вывода машины по заданному направлению.

Герой Советского Союза Константин Давыдов сейчас «дирижер» на старте. Острым, все замечающим глазом он наблюдает за тем, что делается в воздухе.

На командном пункте из радиорупора приемника раздается знакомый Давыдову голос:

— Правый переворот! Начинаю петлю!

В высоком, весеннем небе Сергей Форстен подает команду своим ведомым.

Давыдов, стоя у командной рации, поправляет пилотаж:

— Дракон-1! Дракон-1! Не отклоняйтесь от зоны! Дракон-3! Увеличьте дистанцию!

Сколько радостных часов провел Форстен над аэродромом!

Разумеется, научная работа поглощает его целиком, и все же он находит время для спорта. Летом, когда ночи бывают короткие, Сергей Владимирович раза три—четыре в неделю приезжает в Центральный аэроклуб, ночует на аэродроме. Встав с восходом солнца, он совершает два—три полета, затем едет в академию, где с большим увлечением читает лекции по конструкции и расчетам двигателей.

Почему Форстен интересуется авиационным спортом?

— Я считаю его самым приятным отдыхом,— говорит он.— Полеты дают зарядку для моей научной работы, воспитывают характер и волю. Вот и сегодня после чтения четырех лекций я приехал в аэроклуб потренироваться.

Часы бегут... Согласно плановой таблице, сам командир отряда Давыдов должен сейчас лететь со старейшим спортсменом клуба, инженером Яковом Солодовником.

Надев парашюты, они забираются в самолет. Инженер, управляя машиной, сидит впереди своего командира. Тугой шлем обрамляет его открытое лицо. Радужные солнечные блики дробятся на прозрачном диске вращающегося пропеллера. Под крылом маленького, юркого «УТ-2» проплывает Химкинское водохранилище, сверкает звездный шпиль речного вокзала. Покрытые дымкой кварталы столицы медленно покачиваются в такт движениям машины.

— Выполняйте задание! — командует по переговорному аппарату Давыдов.

Солодовник начинает делать глубокие виражи и перевороты. Рев мотора стихает, сменяясь свистом рассекаемого воздуха. Горизонт исчезает, снова появляется. Раскинувшаяся внизу панорама наклоняется, переворачивается, теряется из вида. И только после того, как послушный «УТ-2» выходит в горизонтальный полет, пестрая земля, перерезанная лесными массивами, канал, многочисленные строения — все принимает привычное для глаза положение.

Давыдов доволен результатами. Да иначе и быть не может! Ведь инженер Солодовник занимается авиационным спортом с 1934 года, имеет около 3 тысяч часов налета и 111 парашютных прыжков.

Пока Давыдов проверял каскад фигур, Марина Чечнева шла из зоны на посадку.

Совершив очередной тренировочный полет на новом самолете, она испытала ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения, так хорошо знакомое каждому летчику, овладевающему новой материальной частью. Где-то глубоко в сознании навсегда остались сотни ночных вылетов, огненные языки пожаров и белые трассирующие ленты пуль вражеских пулеметов — страшные, острые, как кинжал, на фоне аспидного неба... Теперь над головой Марины опрокинулось мирное небо, светлое и звонкое. Для того, чтобы оно всегда было таким, в годы войны ей нередко приходилось совершать за ночь восемь—десять, а иногда и пятнадцать вылетов.

И разве она может теперь расстаться с этим голубым простором? Ей хочется, чтобы в нем тысячи советских людей кружились на резвых крылатых машинах с мягкостью и свободой танца, чтобы быстрокрылые «жар-птицы» взмывали, скользили вниз и набирали еще бóльшую скорость для нового чудесного взлета...

Вот почему Героя Советского Союза Марину Чечневу, пропагандистку авиационного спорта, часто можно видеть в Доме авиации, в заводских цехах, в рабочих клубах, в пионерских отрядах.

...И вот большой лётный день окончен. Бодрые, охваченные свежестью весеннего вечера летчики покидают аэродром. Собираются домой и Давыдов с Чечневой. У ангара они на несколько минут задерживаются, приветствуя председателя оргбюро Всесоюзного совета Добровольного общества содействия авиации Героя Советского Союза Н. П. Каманина и начальника Центрального аэроклуба Героя Советского Союза Б. А. Смирнова.

— Поздравляю вас с вашим пятнадцатилетним юбилеем, товарищ генерал,— обращается Давыдов к Каманину, который в числе первых получил звание Героя Советского Союза.

— Теперь героизм у нас стал нормой поведения советских людей,— отвечает Каманин.— А подвиг в нашем социалистическом обществе — удел миллионов.

Летчики-спортсмены, члены Центрального аэроклуба имени Чкалова, хранят и умножают традиции своих учителей, людей старшего поколения. Они хранят и развивают великие традиции Валерия Чкалова, чье легендарное имя носит аэроклуб.

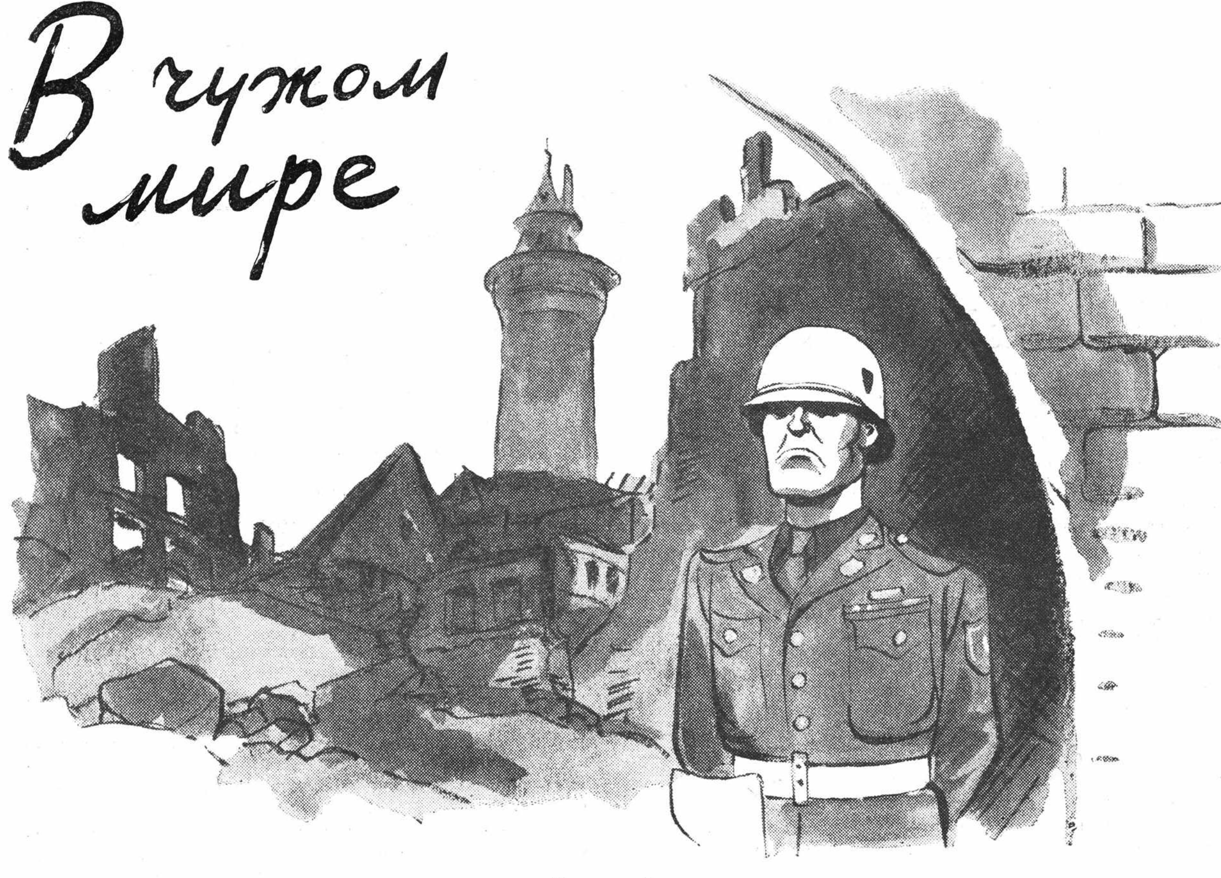
Прошло пятнадцать лет со дня установления этой высшей степени отличия. Две тысячи сто летчиков, штурманов, воздушных стрелков удостоены звания Героя Советского Союза. Шестьдесят один летчик получил вторую Золотую звезду. Два летчика — гвардии полковник Александр Покрышкин и гвардии майор Иван Кожедуб — трижды Герои Советского Союза.

Наша страна — родина всего передового, жизнеутверждающего, прогрессивного — стала могучей державой. Ведомая партией большевиков и великим Сталиным, она воспитала тысячи отважных сынов — людей беспримерного мужества людей с чистой совестью и коммунистической моралью. За годы Великой Отечественной войны были удостоены высокого звания Героя Советского Союза 11 тысяч человек. Каждое имя — это подвиг бесстрашия, воинской отваги, искусного мастерства. В веках останутся жить бессмертные дела гвардии рядового Александра Матросова, капитана Николая Гастелло, партизанки Зои Космодемьянской, Олега Кошевого и тысяч других героев-патриотов, в числе которых можно найти представителей всех народов дружной многонациональной семьи Советского Союза.

Самоотверженная борьба наших прославленных пехотинцев и моряков, танкистов и летчиков, артиллеристов, связистов, партизан и партизанок показала всему миру могучую жизненную силу советского человека, воспитанного партией Ленина — Сталина.

Сейчас на нашей земле повсюду кипит творческая, созидательная работа. Бывшие бойцы Советской Армии и Флота активно участвуют в борьбе за досрочное выполнение послевоенной пятилетки. Герои войны становятся героями труда. Они попрежнему шагают в первых рядах нашего социалистического общества, показывая пример другим. Трудовой героизм охватывает миллионные массы трудящихся, приобретая с каждым днем все более массовый характер. И тысячи советских людей становятся Героями Социалистического Труда.

В чужом мире

Рассказ

Сергей КРУШИНСКИЙ

Рисунки Бор. Ефимова

Вскоре после окончания войны мне, старому репортеру, пришлось в связи с одним процессом военных преступников прожить полгода в Западной Германии.

Здание суда имело форму слегка сплюснутого бублика. Внутренний двор был завален мусором и щебнем, и там работали, или, вернее, стояли, опираясь на лопаты, пленные эсэсовцы. Я наблюдал их полгода, и они все стояли в одних и тех же позах и, как мне казалось, на одних и тех же местах, охраняемые хорошо откормленными американскими часовыми. Это был живой плакат на тему о победе американского оружия. Правда, американцы не очень-то прославили в боях свое оружие,— говорят, после войны не многим из них пришлось чистить автоматы,— но они знают толк в рекламе.

Первые заседания, помню, производили на нас ошеломляющее впечатление. Документы, кинофильмы, показания свидетелей об уничтожении пленных, о газовых камерах и крематориях, о детях, которых бросали в костры, о матерях, над которыми производились опыты замораживания, доводили нас до тупой головной боли. На улице нам казалось, что от снега исходит трупный запах.

Вспоминается замок фабриканта Шнайдера — огромный дом, стилизованный в духе средневековья, с готическими окнами и башенками,— встают в памяти важнейшие угодья этого заповедника новостей. Уорк-рум, то бишь рабочая комната, заставленная столами всех стилей и размеров. Треск стоял там, как в каменоломне при пневматическом бурении: тридцать — сорок репортеров вечно стучали на пишущих машинках всех систем и всех фабричных марок. Еще пять — шесть репортеров тут же, стоя у стены, с телефонными трубками в руке, кричали во всю глотку на всех мыслимых языках, передавая во все страны света отчеты о последнем заседании трибунала. Рядом бар — питейное заведение американского образца,— где можно выпить у прилавка, сидя на высоком стулетумбе, или, при желании, занять столик и составлять коктейли в более спокойной обстановке. Американцы в своих коротких курточках, на правах хозяев, вопят в зале и хохочут, смешивая в стаканчиках джин, виски, ром и все вообще, что попадается под руку, или играют в кости и во время игры ползают по полу, ездят друг на друге верхом и с грохотом отбрасывают в сторону стулья. По крайней мере, так вела себя часть наших заокеанских коллег.

В первом и во втором этажах расположены спальни. Они заставлены штампованными, чрезвычайно высокими американскими кроватями, которые застланы желтыми бязевыми простынями, покрыты колючими солдатского сукна одеялами и увенчаны плоскими подушками — такими жесткими, словно они набиты речным песком.

Дом был всегда переполнен. Там жил мрачный субъект — испанец, по совместительству он же турок, этакий засушенный хлюст с усиками; он все выведывал, скоро ли начнется новая война. Там был американский репортер-волкодав, который позволял себе выходить не только к завтраку, но даже и к обеду в тапочках на босую ногу.

Нашим самым безжалостным врагом было внутреннее радио. Мощные репродукторы, а они были в каждой спальне и во всех общественных местах, через каждые двадцать — тридцать минут начинали гудеть и затем дважды громоподобно повторяли, чтобы мистер такой-то явился туда-то — к международному телефону, к директору пресс-кемпа или даже в бар. Мы задавали вопрос, нельзя ли вместо радиосети провести телефонную и звонить только тому, кого вызывают, но нам ответили, что для этого потребовалось бы содержать лишнего человека, а военная администрация отпускает лишь строго ограниченное количество пайков. Кроме того, сказали нам, это американский стиль. Спорить было бесполезно. Даже в тот вечер, когда чествовали великого английского поэта Бернса, радиорупоры не были выключены в зале ресторана, и чтение стихов прерывалось этим ужасным, трубным голосом, как будто позаимствованным из мрачного фантастического романа. Я спросил одного знакомца, почему англо-саксы так легкомысленно относятся к памяти своего великого поэта. Мой знакомец, корреспондент ньюйоркской газеты, ответил с выразительной миной:

— Может быть, этот Бернс и был гениален, но он мертв. Надо знать американцев! Бизнес превыше всего!

Мы, советские журналисты, старые и молодые, страдали в этой обстановке, кроме, пожалуй, моего юного друга радиотехника Саши. Этот Саша ничего не видел. Во время заседаний он возился со своей звукозаписывающей радиоаппаратурой, а потом садился на дешевенький мотоцикл и носился по дорогам Баварии с такой скоростью, точно конечной его целью было взмыть за облака. Но так как это ему не удавалось, то, пока суть да дело, он удивлял водителей многочисленных и тоже бешено мчавшихся по дорогам «студебеккеров» тем, что обгонял их, проскакивал между двумя встречными машинами на прямой, на поворотах, на подъемах и спусках, днем, ночью, в будние дни и в воскресенье, в дождь и в ветер. Ему было хорошо!

Положим, у нас оставался еще приютивший нас городок — эти тихие, мощеные улочки, лепившиеся вокруг парка Шнайдера. Можно было пойти в кино. Спуститься по тротуару, вдоль изгороди парка к реке, перейти ее. И потом подняться вверх, оставляя справа нависшую над рекой мрачную фабричную стену, достигнуть первого перекрестка, повернуть направо между двумя рядами тесно стоящих двухэтажных домиков. На щите возле кино всегда висела брачная газета — единственный печатный орган в городке; из нее можно было узнать, что пожилой, лишившийся при трагических обстоятельствах правой руки господин, имеющий 20 тысяч марок наличными и дом с садом, ищет

подругу жизни не старше 25 лет, отдаст предпочтение девушке с хорошо развившимися формами, но сочтет стесняющим обстоятельством большое число родственников. А вдова 49 лет — рост 165 сантиметров, вес в настоящее, трудное время — не более 80 килограммов, натуральная блондинка, с уравновешенным характером, обладательница солидного капитала (далее огромными буквами) в долларах (и снова петитом),— желает соединить свою судьбу с мужчиной не старше тридцати лет, не ниже 170 сантиметров; справка о состоянии здоровья обязательна; однако небольшие физические увечья, препятствующие призыву на военную службу, не должны смущать соискателей.

Помню, Саша заметил по поводу последнего объявления:

— Запасливая особа. Требует гарантий лет на пятнадцать, так сказать, до новой бомбежки!

Нечего и говорить, эти брачные афиши наводили на нас уныние. И когда мы сидели в кино, то нам казалось, что дамы весом в 80 килограммов и пожилые кавалеры, владельцы 20 тысяч марок, шепчутся вокруг, уточняя сделки со своими жертвами.

И к тому же здесь всегда можно было встретить польских черносотенцев из армии Андерса, которые время от времени устраивали в общественных местах скандалы со стрельбой; эсэсовцев из ближайших лагерей на побывке и их желторотых поклонников — бравых кулацких сынков с белыми матерчатыми эдельвейсами на зеленых шляпах. Реваншисты избрали горный подснежник своей эмблемой.

На этом я позволю себе закончить краткий очерк обстановки, в которой мы жили. Но было бы еще полбеды, когда бы эта обстановка пребывала в неизменном состоянии, наподобие декораций. Так ведь нет, в этом чужом мире шла своя жизнь, плелись направленные против нас интриги, и каждый день наше душевное равновесие подвергалось новым испытаниям.

Надо сказать, меня всегда удивляли отношения между американцами и немцами. Они оставили на свободе Шнайдера — крупнейшего фабриканта, который в военные годы изготовлял в огромном количестве гранаты и пулеметные ленты. Фашизм держался на сваях капиталистической экономики, и Шнайдер был не последней опорой. Положим, американская администрация заняла один из его дворцов, но другой дворец, в горах, был оставлен фабриканту, и высшие американские офицеры ездили туда по воскресеньям на охоту. Мало того, и сам Шнайдер появлялся в пресс-кемпе. В сопровождении немецкой прислуги он обходил дворец и парк. Он восторгался работой пьяных американских офицеров, которые вырезывали на великолепном паркете фигуры обнаженных женщин, и почтительно пожимал руку солдатам, видя, как те ломают на веники ветви магнолии. О, он так долго ожидал счастья оказать хоть маленькую услугу представителям великой заокеанской державы! Из дальнейшего будет видно, что щедрость не была прирожденным свойством его натуры.

Хотя этот старомодный старик в наглухо застегнутом пальто формально был отстранен от владения огромными богатствами, люди его оставались и действовали всюду: на фабрике, в обширных, принадлежавших ему лесах и даже в том самом замке, где мы проживали.

Старенькими, согбенными, чрезвычайно угодливыми официантами командовал упитанный, средних лет немчик, слегка клонивший свою круглую розовую голову к белой манишке и к галстуку бабочкой и забрасывавший исподлобья, как умелый рыбак удочку, внимательные взгляды. Мне всегда казалось, что он при этом пересчитывает деньги не только в руках официанта, но и в карманах клиента. Так вот говорили, что этот голубоглазый был в России и даже принимал участие в каком-то городском управлении на оккупированной территории и что он доверенное лицо хозяина. Привилегированное его положение чувствовалось постоянно. Так, например, он оказывал уважение не всем, кто садился за столик в ресторане пресс-кемпа, а только американцам.

Кроме официантов и этого голубоглазого типа, нам в двух залах постоянно прислуживали пять или шесть подростков — юнцов и девушек,— причем последние, отмечу кстати, как-то очень уж часто менялись. Они сновали с кувшинами от стола к столу, повторяя на американский манер одни и те же слова: «Тий? Кофе? Шоколяд?» Почему-то они питали особое доверие к нам, русским, а более всего, скажу не стесняясь, ко мне.

Вскоре после рождественских каникул появилась у нас новенькая разливальщица — высокая, глаза с дерзкой такой искрой и совсем еще девчонка. Была она очень бедна. Не могла без счастливой улыбки поправить на себе форменное платье с белым передником. И, верно, наголодалась до последней меры терпения! С какой жадностью смотрела она на горку белого хлеба, что всегда возвышалась на длинном столе в углу зала!

А девчонка была с характером: нас убедил в том один пустяковый, на первый взгляд, случай.

В залы ресторана в холодные дни залетали ласточки. И вот одна вздумавшая вернуться на волю птица сильно ударилась о стекло и с раскрытым клювом повисла на тонком переплете сводчатого окна. Смотрим, наша разливальщица с размаху поставила кувшин на первый попавшийся столик и вскочила на подоконник. «Цурюк!» «Цурюк!», то есть «Назад!», «Назад!»,— зарычал на нее голубоглазый и бросился спасать положение. А она как будто и не слышала его. Поставила на подоконник стул, достала ласточку и выпустила на волю.

Журналисты зааплодировали, и голубоглазый по необходимости заулыбался героине дня. Ничего не попишешь! На ее стороне было огромное преимущество — преимущество юной и непосредственной девушки перед зрелым негодяем.

Кое-кто начал охоту за этой девчонкой. Должен отметить, что американские офицеры в Германии весьма высокомерно обходились с простолюдинами. Немецких девушек они называли репарационной ценностью и нагло покупали их, изголодавшихся, за порцию халвы в шоколаде или кулечек пряников из «пиэкса» — походной лавки американского «военторга». Я слышал сам, как офицер из охраны трибунала, расхвастался, говорил однополчанам, будто он, встретив накануне вечером гуляющую по городу голодную немку, вошел в азарт и, предложив в качестве компенсации только что выкупленный в «пиэксе» недельный паек сладостей, заставил молодую женщину передать ребенка супругу и пойти с ним. Однополчане, помнится, не верили. Но не тому, что один из них пал до такого скотства, а тому, что он отдал сразу весь недельный паек!

Новенькая разливальщица (ее звали Вильгельминой) не сдавалась, и даже, как это ни странно, пользовалась защитой голубоглазого. Раза два — три он провожал ее из замка куда-то в пригородную деревушку. Подоплека этого попечительства выяснилась очень скоро.

Дело в том, что в это время отсутствовал американский репортер — «волкодав» — мистер Оливер. Он уехал в Прагу поразвлечься и, кроме того, закупить там некоторое количество швейцарских часов с тем, чтобы потом втридорога перепродать в Германии. Он ухитрялся обменивать в Праге обесцененную немецкую марку на полноценную крону. А новую разливальщицу, как потом узналось, голубоглазый именно по его выбору и пригласил.

Помню, мистер Оливер приехал вечером. Он принадлежал к числу американских святош, а это, я бы сказал, наиболее противная разновидность и среди американцев и среди святош. У себя в Америке он был главным пастырем какого-то религиозно-нравственного общества, все учение коего сводилось к неприятию коньяка по понедельникам до обеда или еще к какой-то подобной чепухе. Говорят, в Соединенных Штатах обществ с подобной программой великое множество и их проповедники, сопричисляя себя едва ли не к лику святых, свысока судят о человеческих слабостях.

Мистер Оливер был один из тех рослых, упитанных, никогда не хворающих американцев, которые успевают в полминуты побриться, стоя перед зеркалом, и в четверть часа настрочить на портативной машинке разухабистую статейку; которые приклеивают к ножкам стильной мебели порции пережеванной резинки и кладут ноги чуть не на плечи собеседника. Называли его то «пастором», то «волкодавом» — и так и этак не без иронии.

Посреди нашего зала стоял круглый стол. «Волкодав» постоянно садился именно там и при этом разговаривал так громко, что волей-неволей его должны были слушать все присутствующие. На этот раз он заставил нас познакомиться с сенсационными разоблачениями, каковые он готовился сделать в своем еженедельнике. Он якобы собрал «ужасные улики» против чехов в связи с выселением судетских фашистов. И он самолично будто бы установил случай, когда должностное лицо чехословацкой пограничной жандармерии принуждало к сожительству молодых немок.

Рассказ подходил к концу, ужин тоже. Появилась с белым кувшином Вильгельмина. Мистер Оливер ущипнул ее за подбородок, потом поманил пальчиком голубоглазого, и тот бросился к нему с улыбкой, в которой можно было прочитать все.

Однако на другой день передавали, что девчонка сумела вырваться из комнаты «волкодава», куда ее послали с крепким кофе.

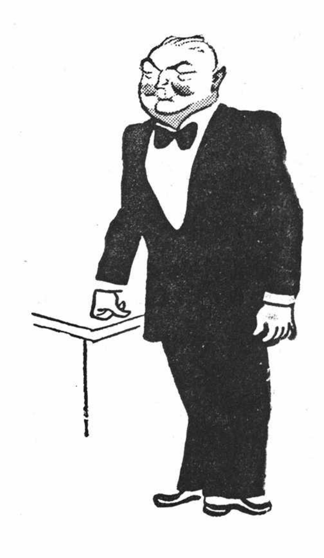
В течение всего дня только об этом и было разговору. Над неудачником посмеивались. Подсовывали ему открытки с портретами седеньких старушек, якобы искавших должность разливальщиц кофе. В приписках содержались указания, что строптивый нрав просительницы был сломлен еще в эпоху наполеоновских войн. Предлагали тайным голосованием избрать президента общества сердцеедов и с простецким видом спрашивали, не желает ли он баллотироваться. Его недолюбливали. Его застольный рассказ критиковали даже сами американцы. Многие из них считали бесчестным травить Чехословакию, которая так пострадала от немцев.

Голубоглазый в этот день не давал Вильгельмине шагу ступить без замечания. Она бродила по залу с опухшими от слез глазами.

Что-то должно было случиться, и действительно случилось. И притом даже скорее, чем ожидали,— в тот же день.

Я еще не говорил о парке. Газоны и цветники начинались под окнами дворца. Дальше стояли, окаймляя площадку для игр, деревья редких пород, а от площадки расходились аллеи. Дубовая — вдоль изгороди, параллельно улице; березовая и липовая — вниз, к пруду. Дальняя часть парка, по ту сторону пруда, представляла собою, в сущности, густой, широко раскинувшийся лес, с прорубленными в нем дорогами.

В январе в тех краях наступает предвесенняя пора. В феврале под щетиной прошлогодней травы зеленела уже молодая травка. Все боль-

ше находилось охотников совершать прогулки к пруду. Там была полуразрушенная лодочная станция. А лодок не было. И под дырявой кровлей небольшой пристани стоял на темной воде лишь понтонный плот, поплавками для которого служили связки бензиновых канистр. Тот, кто был на войне, знает эти немецкие двадцатилитровые герметически закрывающиеся банки. Любители острых ощущений в хорошую погоду плавали по пруду, пользуясь вместо весел шестом. И даже можно было потребовать, чтобы сюда принесли кофе или виски.

На этот раз день был холодный, ветреный, парк безлюден. Я гулял один, когда от пруда донеслись призывы о помощи. Я побежал на голос и скоро оказался под навесом лодочной пристани. То, что я здесь увидел, ошеломило меня. Стоя на помосте, мистер Оливер — разъяренный, с побагровевшей шеей — вывертывал Вильгельмине руки и, как видно, запрещал даже кричать. Будь у меня два часа на размышления, я, пожалуй, все-таки не придумал бы ничего лучшего, чем то, что я сделал в ту же минуту инстинктивно.

— Хелло, метр! Хелло, босс! — закричал я; как только он обернулся, я поднял до уровня глаз мой «ФЭД» и сделал снимок.

Силу этого оружия Оливер знал. Он все же сказал мне, бравируя:

— Хелло, старик, не думаешь ли ты повесить мою фотографию над кроватками твоих внуков?

На что я совершенно спокойно ответил:

— Нет, ни в коем случае! Я просто подарю этот снимок одному американцу из левой прессы. И когда появится ваше негодующее «разоблачение» насчет преследования молодых немок в Судетах, газета, быть может, даст это фото в качестве иллюстрации.

Несмотря на дурной английский язык, я был понят. «Разоблачитель» даже не оглядывался на Вильгельмину, когда она собирала на поднос стаканы и бутылки, чтобы унести в замок.

Впрочем, все-таки ее уволили. И с этим именно увольнением связаны те события, которые, собственно, я избрал темой своего рассказа.

В трибунал мы могли теперь ездить не каждый день. Интересные документы прошли. Процесс стал бытом.

Позевывали американские часовые в своих брезентовых куртках — у некоторых были нарисованы на спине голые женщины. Гонялись за редкими деревенскими курами «джипы» (у нас эти машины принято называть «виллисами») с девизами на ветровом стекле, вроде «неукротимый в любви» или «гроза красоток».

Корреспонденты полеживали на травке и читали пухлые романы.

Я облюбовал уединенный уголок на реке. На обоих невысоких берегах стояли уродливые, горбатые, нависавшие над водой ветлы, и на одной такой, спокойно наклонившейся ветле я часто сидел и даже лежал с книгой в руках, слегка покачиваясь и слушая кукушек, в эту пору года болтливых, как кумушки, у которых накопилось много новостей.

На каждой извилине реки торчали согбенные фигуры стариков с удочками. Хотя говорят, что рыба, вследствие загрязнения воды, перевелась здесь еще лет десять назад, они каждое лето сидят на знакомых местах и ждут клева. Известно, как терпеливы рыболовы!

Я лежал на своем дереве, щурясь на солнце, когда к дереву подошел бритый худой старик. В одной руке он держал удочку, в другой — засаленную шляпу.

— Прошу пана послухать з мене, я есть жалкий старикашка, називаюсь Теодор, служиль войсках император Вильгельм, русский Миколашка загонял меня нах Сибир,— произнес он фразу, как видно, заранее заготовленную.

Я посмотрел направо и налево, кругом была вода, и я пригласил старика сесть передо мною на берег. Но он предпочел стоять. Он хотел знать, скоро ли наконец появится на свет та новая Германия, которую немцам обещали! А то у немцев такое впечатление, что ими управляет мертвый тигр.

— Я пана не боюсь, бо я пана добре знаю,— продолжал старикашка. — Моя внучка говорила, вы есть добрый русский пан!

На минуту мне показалось, что меня хотят впутать в какую-то историю, потом я вспомнил — Вильгельмина! Так и оказалось. Это был родной дед и воспитатель уволенной из пресс-кемпа разливальщицы кофе. И новая Германия, как вскоре выяснилось, на самом деле нужна была ему дозарезу. С тех пор как Вильгельмину уволили из замка, ему не разрешают взять в парке или в горном лесу не только сухой веточки, но даже и сосновой шишки!

— Кто же не разрешает? — спросил я.

— Хозяин.

— Но ведь американская администрация отстранила господина Шнайдера от его владений и, как говорят, оставила ему только охотничий замок!

На лице старика появилась жалкая улыбка. Кажется, он подумал, что я над ним смеюсь. Затем он со страстью человека, боящегося, что ему могут не поверить, рассказал, что хотя старый Шнайдер удалился в горы, объездчики его остаются на местах, они записывают за каждым не только вязанку хворосту, но даже и каждый гриб, взятый во владениях фабриканта, а уж если кого-нибудь они не взлюбят, то берегись, насидишься у холодного очага! Угля-то теперь нет! И уж не будь ребенком, не жалуйся американской администрации, которую как раз окружают доверенные люди Шнайдера, бывшие эсэсовцы и бывшие гестаповцы. Они тебе покажут! Если им собственных кулаков покажется мало, они еще призовут на помощь этих вот, что сменили военную форму на черные робы, молодчиков Андерса. Эти черные поляки недаром едят свой хлеб!

Я взял у старика домашний адрес и решил проверить его рассказ о порядках в имении. Я вставал до рассвета и отправлялся в дальнюю часть парка. Репортер всегда остается репортером. Кстати, исключительно благодаря этим ранним прогулкам я по-настоящему узнал парк. Я видел в нем белок. Промчавшись с высоко поднятым хвостом через полянку, они взбирались на дерево короткими перебежками, при каждой остановке поглядывая вниз. Каждое утро я видел также зайца, такого старого и облезлого, как будто его не раз уже закладывали в ломбард.

Чугунные решетки парковой ограды были впаяны в железобетонные столбы с загнутыми макушками, причем поверху была натянута колючая проволока. Столбы были в точности такие, какие я видел в Освенциме. Промышленники выработали для Гитлера не только дальнобойные пушки, но и столбы для крепления колючей проволоки!

Ельник за прудом в час восхода солнца кишел людьми. Здесь были древние старушки, в чепцах, с мешками для шишек, и солидного возраста мужчины, при галстуках и часах, с тачками для пней и сушняка. Стучали неудобные, похожие на наш колун топоры, скрежетали в каменистой земле саперные лопаты со складной ручкой.

Между парком и крестьянскими землями лежала в глубокой выемке шоссейная дорога, через нее был перекинут узкий мостик с запирающимися железными воротцами. Вот к этому-то мостику и направлялись немцы и немки со своим грузом, а в воротах стоял один из официантов нашего ресторана, подкидывал, взвешивая, мешки на спинах старух и делал аккуратненькие пометки в карманной книжечке.

Однажды я увидел и голубоглазого. Несомненно, он был старшим здесь так же, как в зале ресторана. Дежурный тотчас передал ему свою книжечку, а сам побежал на крестьянское поле и останавливал всех, кого пропустили через мостик. Голубоглазый обошел их всех. Это была ревизия! Помню, он сильным толчком перевернул одну тачку, закричал на двух впрягшихся в нее женщин «Вэк!», то есть «Прочь!», и в раздражении швырнул в лицо своему подчиненному книжку. И долго хлестал себя по голенищу сапога гибкой лозиной.

В воскресенье Саша повез меня к Теодору. Усадьба Теодора ютилась на скате насыпи мюнхенской автострады. Собака из будки заглядывала в его окна сверху вниз, а огородные грядки находились на уровне трубы.

— Это есть вся моя земля,— сказал Теодор с виноватым видом.

— И вы не пытались расширить владенья? — спросил я.

Он замялся и исподлобья глянул на рамку с фотографиями. Проследив его взгляд, я увидел два солдатских портрета, обвитых траурной лентой.

— Они воевали в России? — спросил я.

Теодор кивнул.

— Видишь ли, папаша, землю надо было искать поближе,— сказал я, позабыв о своем принципе: не вмешиваться в местные дела.

Я спросил, с какой целью учитывают старые пни, вывозимые с земли Шнайдера, и Теодор, удивляясь моей наивности, ответил, что за каждый пень будет заплачено.

— Кому?

— Герру Шнайдеру. Вшицки люди знают же, америцки офицеры вернут ему все.

Этот Теодор употреблял фантастическую смесь из русских, украинских, польских, чешских слов, будучи убежден, что все слова, мало понятные ему самому, должны быть понятны мне.

На Амуре

Петр КОМАРОВ

1. ЛИМАН

**Лиман амурский в дымке золотой,
И рыбаки благодарят погоду.
Их катера, пропахшие кетой,
Причаливают к рыбному заводу.
На берегу, где сохнут невода,
Где суетятся бондари у бочек,
Весь день не умолкают, как всегда,
И шум, и смех, и возгласы рабочих.
Лишь только ночью с кратким
часом сна
В поселке забывают об уловах.
И чуткая, как рыба, тишина
Стоит в заливах улиц поселковых.**

2. У РЫБАЧЬЕГО КОСТРА

**Рыбаки сидели у костра,
Мошкару пугая дымокуром,
А в кустах до самого утра
Птица колдовала над Амуром.
Вторила другая вдалеке —
Посреди болотистого луга.
Стопудовой тяжестью в реке
Бултыхала сонная калуга.
Золотые угли вороша,
Кто-то размечтался об удаче:
— До чего же ночка хороша!
Будем с «урожаем», не иначе...
Я видал рыбацкий «урожай»,
К берегу спускаясь на рассвете:
Лодки с осетрами — через край,
Рыбой переполненные сети.**

В доме было холодно. Голодная курица ходила по двору, заглядывая в окна.

— Ну, и как вы думаете жить? — спросил я.

— Я знаю! — ответил старик в том смысле, что он не знает, и пожал плечами, понизил голос, наклонился ко мне и добавил: — Нех, пан чует, они опять погонят нас туда,— и показал толстым пальцем через плечо: не на восток, а на траурные портреты.

Это был обычный немецкий дом с открытыми балками потолка — культ старины,— но с тонкими стенами, с крутой черепичной кровлей, между скатами которой примостилась наверху лишняя комната. Как раз оттуда и сбежала по внутренней лестнице Вильгельмина. Она была любимицей в доме — это угадывалось сразу. И сам Теодор, и престарелая, чинная его супруга, и даже наполнявшие дом малыши, числом до пяти, все сразу как-то подобрели. Поздоровавшись со мной и Сашей, Вильгельмина спросила деда, не вздумал ли он опять жаловаться. Совершенно напрасно! Она знает, как пробираться в парк!

И произнесла еще несколько слов. По смыслу их можно было бы перевести примерно так:

— Испугалась я их, как же! Тоже нашлись! Мы еще покажем нацистам!

Девчонка на самом деле была красива — даже теперь, босая, в линялом платье. Глядя на нее, я и не думал, что ее ждет ужасный удар.

Саша долго возился с мотоциклом. «Пропало зажигание», и он, как все люди, влюбленные в машину, разумеется, уверял, что это первый раз в жизни, что он удивлен, и т. д. Над нашей головой со свистом проносились американские автомобили, обдавая владения Теодора синим вонючим дымком.

— Мой отец имал хороший земля,— рассказывал тем временем провожавший нас хозяин.— Приехаль Шнайдер, вшицко забрал, заставил продать, мужиков из леса прогонил...— тут у старика не нашлось подходящих слов, и целую сцену он изобразил метафорически; он сперва полаял по-собачьи, потом пригнулся и приставил, наподобие длинных ушей, ладони и сделал несколько прыжков на месте: это означало, что Шнайдер прогнал мужиков с лесных полян, как собака зайцев,— и затем он продолжал: — Потом приходиль из конторы человек, сказаль нам: надо боевать. У русских много есть лес. Шнайдер то захватит, а нам отдаст маленький земля. Это есть зле человек! Они сделают новий война! Надо забрать у них земля, забрать фабрик. То добре! Я знаю! Я быль нах Сибир!

Саша наконец наладил зажигание, и мы вернулись в пресс-кемп.

Некоторые события на время отвлекли нас от чтения романов. Трибунал слушал показания подсудимых. Согласно принятой процедуре— на манер английской,— подсудимые выступали как свидетели по собственному своему делу и могли говорить все, что́, по их мнению, способствовало бы облегчению их участи. Не приходится удивляться, что некоторые из них занимали трибуну дня по три, по четыре.

Месяц мы прожили под грохот и треск уорк-рума, под рев проклятых радиорупоров, в тесноте, в спешке, а когда я вновь увидел небо над головой, то прежде всего помню, ко мне подошел Саша и сказал:

— А вы знаете, Геннадий Петрович, у наших знакомых беда. Да еще какая!

Мы приехали в домик на склоне насыпи. Все вещи здесь были сдвинуты со своих мест, а это не часто увидишь в немецком доме. Вильгельмина сидела в уголке с забинтованным лицом. Она ходила в парк Шнайдера за дровами. Голубоглазый эсэсовец из нашего ресторана подкараулил ее и трижды стегнул по лицу хлыстом. У нее вытек глаз.

С тех пор старый Теодор день за днем сидел на крашеных ступеньках своего домика, обхватив склоненную голову руками. Положительно, ему легче было бы перенести любую другую беду. Я хотел сказать в утешение ему, что внучка еще может быть счастлива, но вспомнил, что ведь я нахожусь в чужом мире, и смолчал. В этом мире все по-другому. Я подумал: «Бывало, в бессонные ночи не раз уже сочинял старик объявления в брачную газету: «Молодая блондинка, исключительная красавица, могущая быть преданной семейному очагу, ищет мужа с хорошим доходом». А теперь? Теперь ему придется написать другое. Что-нибудь в том смысле, что, мол, девушка 17 лет, хорошо сложена, но лишившаяся красоты вследствие несчастного случая, ищет место горничной, согласна служить последним утешением больному, при наличии некоторого достатка...

Печальная участь!

О зверском поступке в парке я пытался разговаривать с американским офицером из администрации пресс-кемпа, но тот, не скрывая, что вся эта история знакома ему во всех подробностях, сказал, что в этих немецких делах «ни черта не разберешься. Они все тут, как только поссорятся, обвиняют друг друга в принадлежности к нацистским организациям!»

Еще через полмесяца я уезжал.

Уже садясь в автомобиль, я увидел старика Теодора. Сутулый, одряхлевший, он шел по газону перед окнами замка и толкал перед собой машинку, которая, крутясь, подстригала траву. Он смирился. Я не окликнул его.

До Берлина два летних часа. Пролетая над кудрявыми холмами Баварии, я спрашивал себя: что ожидает этот край? Какую судьбу готовят ему американцы? Не случайно же, по словам самих немцев, Западной Германией управляет «мертвый тигр».

...Было это как будто и не очень давно, но как многое изменилось с тех пор! Тигр-то был, оказывается, не мертвый! Вот-вот он должен был испустить дух, но его спасли. Он понадобился магнатам с той улицы, название которой произносится с ненавистью миллионами людей на всем земном шаре и в том числе миллионами самих американцев. Улица эта — Уолл-стрит. Позволят ли рядовые люди Германии — позволят ли Теодоры вновь обмануть себя?

Впрочем, мой бесхитростный рассказ закончен. А что касается современной политической обстановки, то о ней ежедневно рассказывают газеты.

К 125-летию со дня смерти Байрона

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ БАЙРОНА

Популярность поэзии Байрона в России уже к началу 1820-х годов была весьма широкой. С новой силой интерес к великому английскому поэту пробудился в русском обществе в 1824 году в связи со смертью Байрона. Умершему поэту посвятили свои стихи Рылеев, Кюхельбекер, Вяземский, Веневитинов, И. И. Козлов и др. Тогда же возрос интерес к различным публикациям, в которых содержались сведения о жизни поэта. В русских журналах и в изданиях, посвященных Байрону, все чаще стали появляться не только воспоминания о нем, но и его портреты. Таков, например, литографированный портрет работы художника Жерена, приложенный к отдельному изданию стихотворения Кюхельбекера «Смерть Байрона», выпущенному в Москве в 1824 году.

Публикуемый здесь впервые портрет Байрона, исполненный в 1824 году знаменитым русским акварелистом Петром Федоровичем Соколовым (1787 — 1848), интересен тем, что представляет собою попытку русского мастера дать свою интерпретацию внешнего облика английского поэта. Этот рисунок Соколова до сих пор оставался в литературе неведомым. В недавние годы нам удалось разыскать его в одном из букинистических магазинов Ленинграда, где он пребывал среди изображений «неизвестных» лиц. Ныне рисунок находится на экспозиции в Музее А. С. Пушкина (в б. Александровском дворце).

В основу своего рисунка Соколов положил одну из зарисовок английского художника Джорджа Генри Харло, встречавшегося с Байроном в 1818 году в Италии. Соколов во многом отошел от зарисовки Харло, внеся в свой рисунок такие черты, которые казались ему наиболее характерными для облика Байрона. Так, в отличие от Харло, который придал поэту подчеркнуто грустное выражение лица, Соколов трактует Байрона скорее мечтателем. Изменения внес Соколов и в костюм поэта: на Байроне шарф, которого на зарисовке Харло нет.

И. Зильберштейн

Байрон и Англия

Сто двадцать пять лет назад, 19 апреля 1824 года, в Миссолунги умер английский поэт Байрон, прибывший в Грецию, чтобы принять участие в освободительной борьбе греческого народа за свое освобождение. Вряд ли эта юбилейная дата найдет широкий отклик на родине Байрона — в Англии. Между великим поэтом и правящими классами его родины идет давняя вражда, не заглохшая и теперь, много лет спустя после его смерти. В то время как во всех цивилизованных странах мира Байрон давно признан одним из величайших поэтов, в официальной Англии ему в таком признании упорно отказывается. Мятежнику Байрону английские историки литературы предпочитают многих других поэтов меньшего ранга, но более благонамеренных и идиллически-консервативных. В английских курсах литературы и антологиях Байрону обычно отводится места не больше, чем второразрядным поэтам. Байрон до сих пор шокирует и отпугивает консервативных благонамеренных английских мещан своей бурной поэзией и жизнью. Он беспощадно срывал

маску с традиционного английского ханжества и лицемерия в религии, в морали, в политике, и официальная Англия до сих пор не может ему этого простить.

«Я чужой не только самой этой палате, но даже почти что всем ее членам в отдельности»,— заявил Байрон в своей знаменитой речи в палате лордов при обсуждении билля о ткацких станках. И действительно, поэт был чужим в среде матерых хищников английского империализма, таких, как Вильям Питт или Кэстльри, которых он заклеймил потом в эпитафиях. «Он ложью в палате прославлен, он ложе в аббатстве имеет» — эти слова из эпитафии Питту могли бы быть отнесены к сотням других известных английских парламентских деятелей до и после него.

В такой аудитории прожженных политиканов и дельцов новоявленный лорд, наследник полуразрушенного Ньюстедского аббатства, Байрон выступил со смелой речью в защиту голодающих ткачей. «Они менее преступны, чем кто-либо из представителей высших классов,— смело бросил в лицо английской аристократии Байрон.—Вы называете народ чернью, но вы не должны забывать, что чернь всегда выразительница народных чувств. Ясно ли мы отдаем себе отчет в том, насколько мы обязаны этой самой черни? Ведь эта чернь работает на ваших полях и прислуживает в ваших домах, она управляет вашими кораблями, и из нее набирается ваше войско, эттого именно она-то и дает вам возможность угрожать всему миру. Но зато она же, когда пренебрежение ее интересами и ее бедствия повергнут ее в отчаяние, может и угрожать вам!»

Как злободневно звучат слова Байрона, упрекавшего современных ему заправил Англии в преступном отношении к нуждам народа и в готовности поддерживать любые международные авантюры!

«Я не могу при этом не отметить, с какой готовностью вы спешите на помощь вашим пострадавшим союзникам, оставляя нуждающихся соотечественников на попечение благого провидения или церковного прихода... Значительно меньшая сумма, может быть, десятая часть того, что предоставлено было в виде помощи Португалии, могла бы, даже если бы наши рабочие (чего я не могу допустить без особого расследования) не стали на прежнюю работу, сделать совершенно излишними благодеяния штыков и виселиц. Но, очевидно, наши друзья слишком обременены обязательствами вне страны для того, чтобы уделить внимание вопросу помощи своим».

Конечно, с такими взглядами Байрон долго не усидел в палате лордов и вынужден был отказаться от парламентской деятельности, видя ее бесплодность.

Таким же чужим, как и в палате лордов, оказался Байрон и среди английского высшего общества. Шумный успех «Чайльд Гарольда», «Лары», «Корсара» открыл перед ним двери аристократических салонов и сделал из него на несколько сезонов модного великосветского льва. Но бурная, романтическая натура Байрона не пришлась по вкусу лицемерному светскому обществу. Успехи Байрона окончились скандальным разрывом с этим обществом. Поэт вынужден был отправиться в добровольное изгнание и, как он писал в своих «Стансах»:

«Душой, рожденной для свободы,
Сменить наперекор всему
На первобытный рай природы
Надменной Англии тюрьму.
Дай мне, судьба, в густых
дубровах
Забыть рабов, забыть вельмож,
Лакеев и льстецов лукавых,
Цивилизованную ложь».

(Перевод В. Левика.)

Покинув «тюрьму надменной Англии», Байрон нашел убежище под синим небом Италии, где и были написаны им последние, самые зрелые его стихи.

Байрон создавал свои произведения в годы жесточайшей европейской реакции и Священного союза, и его титаническая поэзия звучала дерзким вызовом всей консервативной Европе. Могучему голосу Байрона жадно внимала передовая молодежь всех европейских стран.

Конечно, в наше время многие из романтических «байронических» произведений Байрона не звучат уже так, как звучали когда-то. Многие его эффектные, загадочные герои с их необычайными страстями стали нам чуждыми и не возбуждают у читателей того интереса, какой возбуждали когда-то. Но лучшее, наиболее передовое в поэзии Байрона живет, действует, волнует и в наше время. Байрон сам преодолевал свой «байронизм» и от узко личного романтизма шел к полнокровному, широкому реализму.

Байрон был создателем новой европейской поэмы, насыщенной большим социальным содержанием. Лучшим образцом такой поэмы, вершиной всего поэтического творчества Байрона, является его «Дон Жуан».

Поэма была задумана Байроном как «сатира на недостатки современного общества, а вовсе не как прославление порока». Героем ее он избрал не исключительную личность, а самого обычного молодого человека. Несмотря на то, что Байрон переодел своего героя испанцем и выпустил первые песни поэмы анонимно и даже без имени издателя, автор сразу же был узнан и подвергся резким нападкам английской прессы. «Такого презренного проституирования гения никогда еще не бывало до сих пор»,— злобно писал «Британский журнал» про поэму, которая была признана гениальной такими авторитетами, как Гете и Вальтер Скотт. Нападки прессы на Байрона усилились еще больше, когда он в следующих песнях перенес действие поэмы в Лондон и высмеял как бездарного полководца герцога Веллингтона и английского короля Георга Четвертого, известного своей толщиной и непомерным обжорством.

Но Байрон бил своей политической сатирой не столько в отдельных людей, сколько в самый общественный строй, делающий возможным появление таких деятелей. «Я хочу,— говорил поэт,— сорвать маски, под которыми нравы и правила общества скрывают свои тайны, и показать миру их такими, какими они являются на самом деле».

Байрон срывал маску с английской политики и показывал ее грабительскую, торгашескую сущность. Вот как описывает Байрон приезд своего героя в Англию:

«И вот они встают—утесы
меловые
Стеною белою на кромке синих
вод.
Как всякий юноша, завидевший
впервые
Туманный Альбион, Жуан
распознает
В себе род гордости: пред ним
края родные
Надменных торгашей, чей
рассылает флот
Товар их и закон за все моря
и грани
И кажется, что с волн — и с тех
взимает дани».

(Перевод Г. Шенгели.)

Потом, сказав, что ему не за что любить этот клочок земли, Байрон прямо говорит, что Англию ненавидят все народы мира и ждут ее гибели:

«Ее все нации, мечтавшие
о чуде,
Зовут врагом и ей презренье
шлют свое:
Она, коварный друг, их
вольностью взманила,
А ныне и на мысль оковы
наложила!»

Далее поэт развивает ту мысль, что сама Англия — рабыня, так как ее народ, ставший тюремщиком других народов, сам не свободен и терпит ряд лишений:

«Рабыня из рабынь! И кто б
гордиться мог
Ее свободой? Пусть народы
в казематах.
А кто тюремщик их? Дал и ему
ведь рок
Быть жертвой собственных
цепей и уз проклятых,
И привилегия защелкивать
замок —
Ведь не свобода же!
Тюремщики! Томят их
Такие ж горести, вдали от благ
земных,
Как те, кого они томят в цепях
своих».

О том, какие это горести, Байрон хорошо сказал раньше, в своей речи о ткачах в палате лордов: «Нигде под гнетом самого деспотического и изменнического правительства не видел такой горестной бедноты, как в сердце этой христианской страны», т. е. в Англии.

Не укрылась от зорких глаз сатирика Байрона и та роль, которую играли английские банки в мировой политике уже в то время. Он прямо писал о том, что на всех конгрессах, и либеральных и роялистских, чувствовалась властная рука банкиров Ротшильда и Беринга:

«Они—со щедрым их товарищем Лафиттом —
Поистине цари Европы.
Ссуды их
В сравненье не идут с
коммерческим кредитом:
В них королевский рок, судьба
племен земных.
Республики — и те покорны
уздам скрытым:
Заем Колумбии покупщиков
своих
На Бирже отыскал».

Эти строфы Байрона зазвучат злободневно и сейчас, если вместо Ротшильда и Беринга поставить имена финансовых магнатов Сити и Уолл-стрита. Также не устарели и строфы о торгашеской, ханжеской политике Англии, хотя она уже не может в наши дни играть роль первого мирового капиталистического заправилы, уступив это место Америке.

Байрон сочувственно относился к рабочему движению того времени и написал революционную песню для луддитов, которые подняли бунт против машин, способствовавших усилению капиталистической эксплоатации:

«Как за морем кровью свободу
свою
Ребята купили дешевой ценой,—
Так будем и мы: или сгинем
в бою,
Иль к вольному все перейдем
мы житью,
А всех королей, кроме Людда,—
долой!

Когда ж свою ткань мы соткем
и в руках
Мечи на челнок променяем мы
вновь,—
Мы саван набросим на мертвый
наш страх,
На деспота труп, распростертый
во прах,
И саван окрасит сраженного
кровь.

Пусть кровь та, как сердце
злодея, черна,
Затем, что из грязных текла она
жил,—
Она, как роса, нам нужна:
Ведь древо свободы вспоит нам
она,
Которое Людд насадил!».

(Перевод Н. Холодковского.)

Сочувственно относился Байрон и к национальной освободительной борьбе угнетенных народов. В Италии Байрон поддерживал связи с карбонариями, боровшимися с Австрией. Решение его поехать в Грецию было не случайно:

«Встревожен мертвых сон —
могу ли спать?
Тираны давят мир — я ль
уступлю?
Созрела жатва—мне ли медлить
жать?
На ложе — колкий терн; я не
дремлю;
В моих ушах, что день, поет
труба,
Ей вторит сердце...».

(Перевод Александра Блока.)

Поэтическим завещанием Байрона является его последнее стихотворение, написанное в Миссолунги 29 января 1824 года: «Сегодня мне исполнилось 36 лет». Начав с меланхолических размышлений, Байрон переходит потом к мужественным, боевым нотам:

«Мечи, знамена, битвы поле,
Эллады слава вкруг меня!
Спартанец со щитом — не боле
Был горд, чем я!
Восстань! (Уж Греция восстала!)
Восстань, мой дух, уразумей,
Откуда ты приял начало,—
И в бой смелей!
. . . .
Жаль юности? Тогда к чему же
Тебе и жить? — За славный край
Иди на битву с силой мужа
И жизнь отдай!».

Вот эта боевая мужественность в поэзии Байрона особенно близка и дорога нам. Недаром его имя носил батальон английских антифашистов, сражавшихся в Испании. Байрона с благодарностью вспоминают бойцы греческой народной армии, борющейся за освобождение своей родины от англо-американских интервентов. Байрона вспомнят в день стадвадцатипятилетия его смерти миллионы борцов за мир и демократию во всем мире.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Окрыленный винт

Академик Б. Н. ЮРЬЕВ,
генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы, лауреат Сталинской премии

За рубежами нашей Родины, в Западной Европе и особенно в Америке, за последние годы не только в специальной, но и в общей печати опубликовано множество очерков и статей о геликоптерах — летательных аппаратах нового типа. Представители авиационных фирм в газетах и по радио расписывают свою продукцию, и каждый уверяет, что именно его фирма построила первый в мире геликоптер.

Где, когда и кем действительно впервые был сконструирован и впервые построен геликоптер? Каково его настоящее и будущее? На эти вопросы корреспондента журнала «Огонек» ответил академик Борис Николаевич Юрьев, генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы, лауреат Сталинской премии.

Борис Николаевич Юрьев.

— «Геликос»,— сказал академик Юрьев, — по-гречески «винт», «птерон»— крыло. Следовательно, слово «геликоптер» означает окрыленный или летающий винт. Мы иногда называем геликоптер «винтокрылым» аппаратом. Он имеет много преимуществ перед самолетом и свободен от многих его недостатков. Для того чтобы аэроплан держался в воздухе, необходимо постоянное поступательное движение: он не может стоять в воздухе неподвижно. Посадка самолета и его взлет требуют большого искусства. Кроме того самолет нуждается в аэродромах, расположенных обычно далеко от центра города.

Геликоптер не знает этих недостатков. Машина поднимается с места без разбега, по вертикали и может висеть неподвижно в воздухе. Аппаратом нетрудно управлять. Он мало похож на самолет: легкий фюзеляж, кабина из плексигласа и полное отсутствие несущих плоскостей.

Сверху над аппаратом — громадный трехили четырехлопастный пропеллер, расположенный в горизонтальной плоскости и прикрывающий, подобно гигантскому зонтику, всю машину. Иногда таких винтов несколько.

Геликоптер непрерывно совершенствуется, и недалеко время, когда он станет массовой летательной машиной.

Родина геликоптера — Россия. Он создан трудами русских и советских ученых...

В иностранных источниках указано, что первая летающая модель геликоптера была сооружена в Париже в 1784 году Люнуа и Бьенвеню.

Но это была не первая модель. За тридцать лет до «изобретения» французов гениальный русский ученый М. В. Ломоносов показал в Академии наук свою аэродинамическую машину. В журнале заседаний Академии от 4 февраля 1754 года можно прочитать следующие строки:

«Господин советник и профессор Ломоносов собранию представил о машине малой, которая вверх бы поднимала термометры и другие малые инструменты, и предложил оной же машины рисунок; того ради, господа заседающие оное его предложение апробировали и положили канцелярию Академии Наук рапортом просить, чтобы соблаговолено было реченную машину по прилагаемому при сем рисунку для опыта сего изобретения сделать, под его, господина автора, смотрением...»

Первого июля того же года в журнале Академии наук на латинском языке записано:

«Высокопочтенный советник Ломоносов показал изобретенную им машину, называемую «аэродинамической» (воздухобежной), которая должна употребляться для того, чтобы помощью крыльев, движимых горизонтально в разных направлениях силой пружины, какой обычно снабжаются часы, нажимать воздух (отбрасывать его вниз), отчего машина будет подниматься в верхние слои воздуха...»

Машина Ломоносова подвешивалась на шнуре, а когда заводилась пружина, поднималась в воздух и, как сказано в отчете, «обещала достигнуть желаемого действия».

Разработка идеи «окрыленного винта» неразрывно связана с русскими именами.

В 1869 году знаменитый впоследствии изобретатель лампочки накаливания А. Н. Лодыгин представил в Главное инженерное управление тщательно продуманный проект геликоптера.

Свою машину изобретатель назвал электролетом.

«Если к какой-нибудь массе, — писал Лодыгин, — приложить работу архимедова винта,— то когда сила винта будет более тяжести массы, масса двинется по направлению силы...»

Электролет представлял собой длинный металлический цилиндр, заканчивавшийся с одной стороны конусом, а с другой — полушарием. Такая форма машины обеспечивала ее обтекаемость.

На полушарии был помещен винт, отклонявшийся влево и вправо и служивший рулем поворотов. Второй горизонтальный винт находился вверху электролета и предназначался для подъема в воздух. По мнению Лодыгина, этот несущий винт при уменьшении числа его оборотов будет содействовать плавной и безопасной посадке машины.

В качестве двигателей изобретатель рассчитывал применить электромоторы, питаемые особыми аккумуляторами.

Проект Лодыгина по своей оригинальности и подробной разработке был исключительно интересен. Однако Главное инженерное управление отказало в средствах, необходимых для производства опытов. Электролет Лодыгина не был осуществлен.

Через два года известный русский ученый академик М. А. Рыкачев, директор Главной физической обсерватории, моряк по специальности, исследовал воздушные винты, чтобы определить зависимость развиваемой ими тяги от прилагаемой мощности.

В 1888 году в записках Русского технического общества крупнейший русский исследователь Е. С. Федоров опубликовал интересную работу. Он дал точный математический анализ возможностей использования воздушных винтов в машинах для летания...

Проходят годы. Зарубежные конструкторы стараются создать летательные аппараты тяжелее воздуха, в том числе и геликоптер. Но их машины лишены одного, самого основного — способности летать.

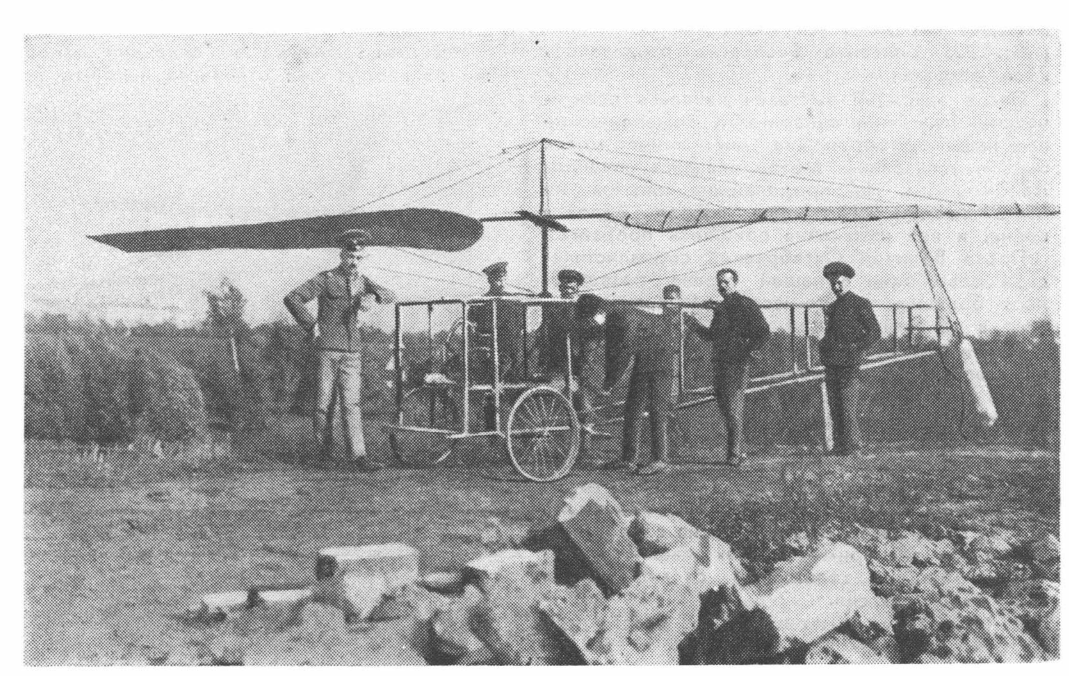
Чем объяснить, что все попытки заграничных строителей геликоптеров неизменно кончались неудачей?

Дело в том, что никакой научно обоснованной теории полета тогда не существовало, и конструкторы вынуждены были действовать вслепую, наугад.

Прочный фундамент современной аэродинамики заложил великий русский ученый Н. Е. Жуковский. Николай Егорович в начале нашего века занимал в Московском высшем техническом училище кафедру механики и читал курс теории авиации. Мне посчастливилось быть в числе его учеников. Своими силами нам удалось построить в училище одну из лучших по тому времени аэродинамическую лабораторию. И здесь-то геликоптер перестал быть загадкой.

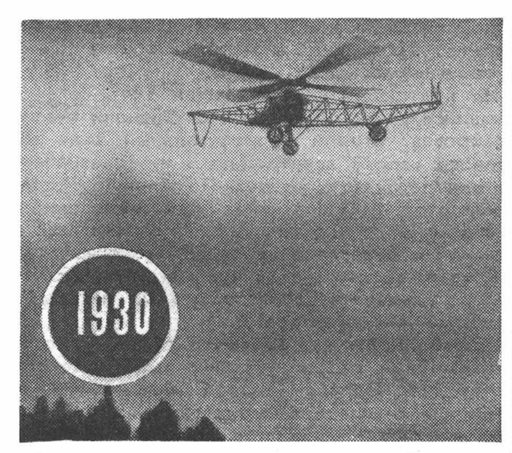
Наш упорный труд увенчался успехом. У меня сохранилось охранное свидетельство № 45212, выданное мне в 1910 году на геликоптер моей конструкции.

Впервые в мире в этом аппарате разрешены основные задачи управления, безопасности спуска и поступательного движения. Машина была снабжена двумя винтами — одним

Одновинтовый геликоптер системы Б. Н. Юрьева, построенный студенческим кружком при Московском высшем техническом училище в 1912 году. Второй слева — Б. Н. Юрьев.

(Снимок публикуется впервые.)

Слева: кадр из документального фильма «Советские геликоптеры». Полет профессора А. М. Черемухина на одновинтовом геликоптере ЦАГИ системы Юрьева в 1930 году Справа: фото из американского журнала «Popular Science», август 1942 года; геликоптер Сикорского 1942 года. Даже с внешней стороны машина является точной копией советского геликоптера 1930 года.

большим, несущим, и вторым — хвостовым; если бы был только один несущий винт, геликоптер в полете вращался бы вокруг своей оси; малый хвостовой винт устранял возможность подобного вращения. Эта схема стала сейчас весьма популярной, и ее применяют десятки фирм за границей.

Машина управлялась специальным автоматом-перекосом. Этот прибор заставлял лопасти несущего винта или их элероны совершать дополнительные автоматические движения, и в случае крена летчик с помощью этого аппарата выравнивал машину. Без такого автомата-перекоса не может обойтись ни один геликоптер.

Безопасность спуска даже в случае аварии не вызывала больше никаких сомнений. Студент Сорокоумовский доказал, что лопасти большого винта, вращаясь в воздухе при выключенном моторе, служат вполне надежным парашютом. При этом можно спускаться и под углом к горизонту. Так было открыто и изучено явление планирования винтов.

Проект моего геликоптера пришлось переделывать несколько раз, ибо оказалось невозможным достать моторы необходимой мощности.

И все же машина была создана и показана на Международной воздухоплавательной и автомобильной выставке в Москве в 1912 году. Автора проекта наградили малой золотой медалью.

Вот изданная в то время листовка «Краткое описание геликоптера Б. Юрьева».

Машина имеет вполне современный вид: в ней два винта, причем малый винт служит рулем поворотов, ферма, гондола с мотором, снабженным двумя магнето и двумя карбюраторами, шасси... В листовке подробно рассказано, как взлетает геликоптер, как парит в воздухе, как движется вперед и как планирует. Это описание бесплатно раздавалось всем желающим.

После закрытия выставки начались практические испытания аппарата. К сожалению, не все наши теоретические достижения могли быть использованы. Мотор оказался слишком маломощным. На продолжение опытов не было средств. Наступила первая мировая война, и все изыскания пришлось прервать...

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране развернулась большая научно-исследовательская работа в области авиации.

Скоро возобновились работы и над усовершенствованием геликоптеров. И в то время, когда аппараты зарубежных конструкторов совершали не полеты, а небольшие прыжки в воздух, наша страна располагала действительно летающими аппаратами нового типа!

В результате наших трудов был построен геликоптер «ЦАГИ-1-ЭА», успешно летавший в 1930 году. Затем наш коллектив создал еще несколько экспериментальных машин, в том числе мощный геликоптер с мотором в 600 лошадиных сил.

В 1940 году «американский» конструктор белоэмигрант Сикорский, который в 1912 году видел мой аппарат на Московской выставке, также приступил к «созданию» геликоптера. В первых своих машинах он почему-то отказался от применения моего автомата-перекоса, но вскоре был вынужден признать, что без такого автомата геликоптер не может летать.

В 1931 году все «достижения» заграничных конструкторов в области геликоптеростроения сводились к таким показателям: максимальная высота полета — 16 метров, наибольшая продолжительность — около 9 минут.

В том же, 1931 году советский летчик профессор А. М. Черемухин на геликоптере «ЦАГИ-1-ЭА» уже поднимался на высоту 100 метров и держался в воздухе свыше 12 минут. А 14 августа 1932 года советский геликоптер достиг высоты 600 метров, в то время как установленный итальянцем Асканио так называемый мировой рекорд высоты геликоптера равнялся всего лишь 18 метрам.

Следует отметить, что машины Сикорского и других заграничных конструкторов удивительно напоминают наш русский геликоптер 1910—1911 годов. Это вполне понятно: наша машина была продемонстрирована на международной выставке, которую посетило много иностранцев; принимал участие в этой выставке и Сикорский. Иностранцы слушали мои доклады на выставке и на съезде воздухоплавателей и приписали наши достижения себе.

Вот, например, несколько весьма характерных фактов. В 1925 году в Германии некий предприимчивый субъект по фамилии Кшель заявил, что он изобрел геликоптер, и потребовал патент на свое «изобретение». Работники ЦАГИ ознакомились с немецким проектом и были глубоко возмущены. Оказалось, что хитроумный немец самым беззастенчивым образом скопировал схему русского геликоптера, разработанную за пятнадцать лет до того, и украл все наши расчеты.

Разумеется, эта «заявка» была нами немедленно опротестована.

Несколько раньше в Голландии подобной же ловкостью рук отличился какой-то Баумхауэр, спустя год — француз Эмишен. В последнее время Сикорский и Пясоцкий, Гиллер и Бристоль, Бэлл и другие «заимствуют» давнишние труды русских конструкторов.

Все, чем может похвастать американская техника в части конструктивных форм геликоптеров, для нас уже давно пройденный этап. Сейчас за рубежом усиленно внедряют и рекламируют как новинку несущие винты с узкими лопастями. Но такой винт отнюдь не новость: он был предложен мною еще в 1933 году.

Советские ученые не успокаиваются на достигнутом. Еще перед Великой Отечественной войной наши ученые и конструкторы пришли к мысли, что машина, оснащенная не одним, а двумя несущими винтами и двумя моторами, будет более грузоподъемной и удобной в управлении, а самое главное — более безопасной. Основываясь на этом, мы с инженером И. П. Братухиным построили двухмоторный аппарат «Омега», отмеченный высокой наградой — Сталинской премией.

Новый тип геликоптера — значительный шаг вперед. Это первый в мире двухмоторный геликоптер с двумя несущими винтами. В Америке такие аппараты появились только через пять лет.

Все это убедительно доказывает бесспорный и неопровержимый приоритет русской научной мысли в создании геликоптера. Советская наука здесь, как и в других областях, все время идет впереди, обгоняя достижения иностранных конструкторов.

Вы спрашиваете, как происходит полет на геликоптере?

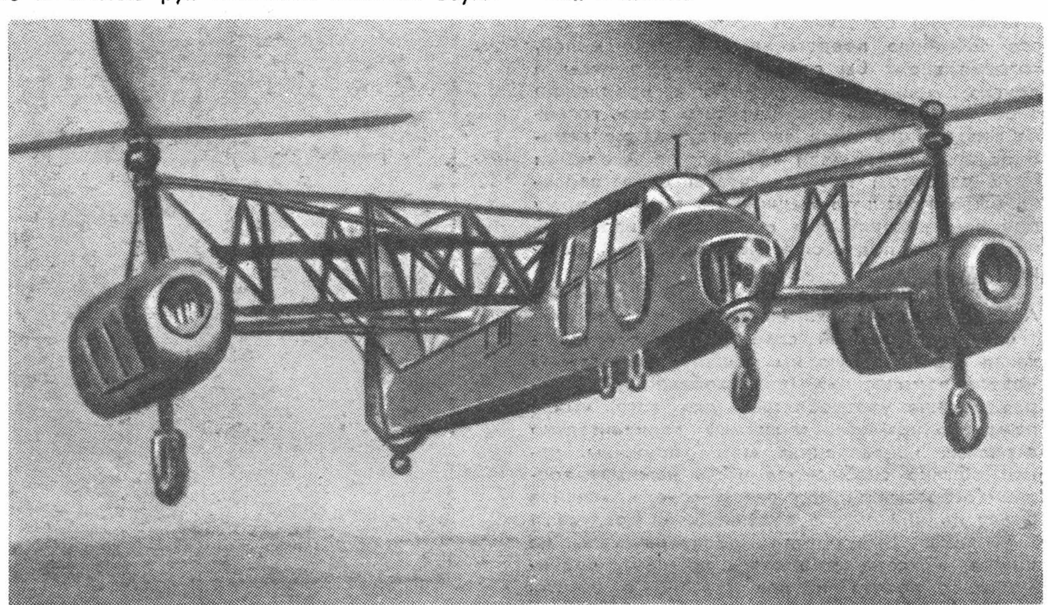
После включения мотора лопасти винта приходят в медленное и все ускоряющееся вращательное движение. Аппарат вздрагивает на упругих амортизаторах и, увлекаемый тягой работающих моторов, поднимается по строго отвесной линии. Поворот ручки управления — и машина слегка наклоняется, приобретает поступательную скорость и движется вперед. Для посадки нужно замедлить вращение винтов, и тогда аппарат спокойно и плавно опускается на любую площадку и даже на плоскую крышу дома.

Геликоптер может высадить и принять пассажиров, не опускаясь на землю, по лестнице, сбрасываемой из неподвижно парящей в воздухе машины...

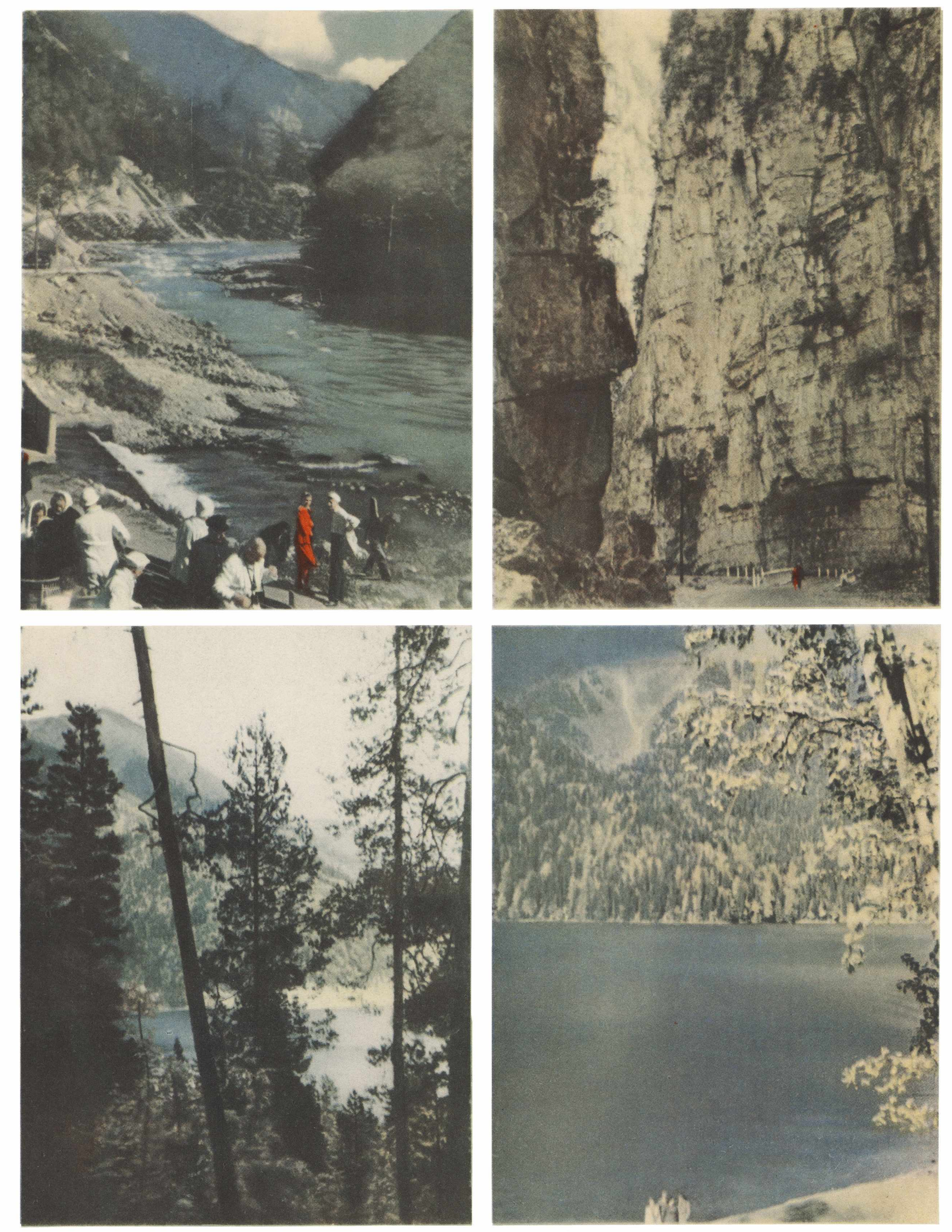
В случае аварии мотора геликоптер плавно опускается на землю, так как его несущий винт продолжает под напором воздуха вращаться и действует, как большой парашют.

Геликоптер — идеальная летательная машина, которая в ближайшее время станет столь же распространенной и необходимой, как в наши дни автомобиль. Но пока она еще сложна и дорога в производстве, малы ее грузоподъемность и скорость.

Но мы не сомневаемся, что эти недостатки будут быстро устранены и наша страна — пионер в создании геликоптеров — станет пионером и в области их широкого внедрения в жизнь.

Двухмоторный геликоптер «Омега» в полете.

ДОРОГА К ОЗЕРУ РИЦА И ОЗЕРО РИЦА.

Цветные фото Н. Петрова

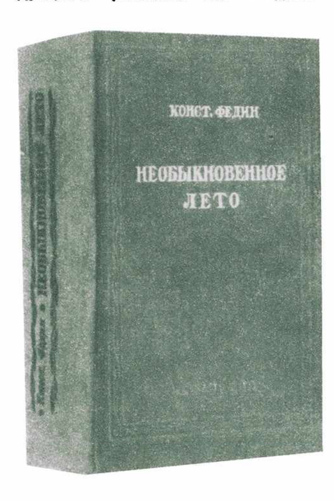
Ольга Зарубина — заведующая птицефермой колхоза «Красный партизан», Новосибирской области.

Цветное фото Г. Зельма

«Необыкновенное лето»

Роман «Необыкновенное лето» принадлежит к числу лучших произведений Константина Федина. Он может служить живым свидетельством того, что успехи советской литературы связаны не только с притоком новых, молодых сил и литературных имен, но и с творческими достижениями зрелых, вполне сложившихся уже мастеров художественного слова.

«Необыкновенное лето» является прямым продолжением и завершением предыдущего романа К. Федина

«Первые радости». Оба произведения и сюжетно и, главное, идейно составляют как бы единое целое. Рождение новой эпохи, формирование и сплочение тех передовых сил русского общества, которые стали творцами революции, вожаками народа на его больших исторических путях,— вот главное содержание, идея и тема обоих романов. При этом широта замысла вовсе не помешала конкретности повествования. Наоборот, как это может быть лишь у зрелого художника, она способствовала глубокому раскрытию и разностороннему освещению избранного писателем живого материала действительности.

Действие обоих романов почти не выходит за рамки большого волжского города. Еще в первой книге мы подробно знакомимся со всем его бытом, со всем укладом жизни — внешне незыблемым, устоявшимся, затвердевшим, но уже ощущающим как бы подземные могучие толчки пробуждающихся сил будущего.

Профессиональный революционер, слесарь Петр Рагозин и молодой, только еще вступающий в жизнь юноша Кирилл Извеков — вот люди, которые воплощают в себе этот порыв к будущему, зреющий в глубинах народной жизни. В «Необыкновенном лете» мы встречаемся с ними уже после революции, в 1919 году. Время суровых испытаний не сломило воли большевиков, а только закалило ее. Рагозин и Извеков вновь в своем родном городе. Они полностью захвачены организацией советского порядка жизни. Но вокруг все тесней сжимается вражеское, контрреволюционное кольцо. Это был год, когда, по выражению Ленина: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции».

Рагозин и Кирилл формируют воинские части и едут на фронт. Один из них, назначенный комиссаром дивизиона моряков, сражается за Царицын. Другой встает под славные знамена Первой Конной армии в качестве комиссара бригады. Сознание и поступки этих двух большевиков слиты «в одно целое с судьбой революции». Прекрасна своей самоотверженностью их борьба у самых истоков коммунизма, за расцвет которого борются ныне новые и новые поколения. И эта общность цели особенно роднит нас сегодня с героями романа. Как свое собственное счастливое чувство воспринимаем мы волнение Кирилла Извекова, который на параде частей Первой Конной армии ощущает, что ему «так хорошо сейчас, потому что он к удару громового этого шага присоединил свой маленький, но верный шаг». И вместе с Рагозиным мы переживаем всю воодушевляющую нас силу матросской атаки в битве под Царицыном.

На протяжении всего повествования — от события к событию, от факта к факту — все очевиднее становится для нас, что именно эти герои выражают собой самую суть исторического процесса, что именно в их борьбе, в их морали, в их героическом служении народу кроется то, что составляет высшую правду, смысл и цель жизни. Это не значит, что другие действующие лица романа живут бесцельно и неопределенно. Нет, у них тоже есть свой смысл существования. Но никто из них не устремлен в будущее с такой верой и убежденностью. Больше того, можно сказать, что моральная ценность каждого из действующих лиц повествования определяется в конечном счете именно тем, какое участие принимает он в осуществлении великих целей, торжеству которых отдают все свои силы большевики Рагозин и Извеков.

Затянутая в трясину душного быта собственников, уходит с дороги Кирилла Извекова Лиза Мешкова, и в ее неспособности разделить трудную и славную судьбу Кирилла мы ясно ощущаем ограниченность и тусклость ее духовного мира. Открыто и честно идет к большевикам, как к людям, решающим великую судьбу России, поручик старой армии Дибич. И в этом выборе раскрывается перед нами собственное его человеческое достоинство. В борьбе с Извековым и Рагозиным обнаруживают всю мерзость своей «морали» злобные враги революции Полотенцев, Шубников, Зубинский...

Характерно, как в свете мужественного и смелого патриотизма Рагозина и Кирилла, которые «делают новую Россию», постепенно тускнеет и никнет пышный апломб либеральствующих интеллигентов — драматурга Пастухова и актера Цветухина. Подобно многим другим интеллигентам, о которых в свое время писал и К. Федин, эти люди были склонны представлять себя центром мира, солью земли. Но в разыгравшейся социальной буре они оказались неспособными увидеть ясные и верные пути, оказались беспомощными, как щепки на гребнях волн. И если К. Федин периода его романов «Братья» и «Города и годы» еще сочувствовал бы в какой-то степени душевному смятению Цветухина и Пастухова, то теперь он отчетливо видит корень их внутренней слабости. Теперь он безошибочно указывает выход и для них самих и для искусства, которому они служат. Этот выход — в кровной, антеевой связи с народом, с его стремлениями, с его борьбой.

К. Федина всегда глубоко волновали пути художественного творчества. И в последнем его романе этой теме отводится много внимания и места. Новые судьбы искусства здесь связаны с революционным переустройством мира, неотделимы от жизни и борьбы народа. В образе молодой, талантливой артистки Аночки Парабукиной писатель воплощает весеннюю свежесть путей, открываемых искусству революцией. Счастьем, уверенностью и силой дышит творчество молодой артистки, ощутившей во время спектакля для красноармейцев, как дорог ее талант народу, как нужен он людям в их труде и борьбе.

К. Федин рисует в своем романе представителей разных слоев общества. Далекий от упрощения в изображении действительности, он показывает жизнь в сложном, подчас глубоко драматическом сплетении общественных событий и человеческих судеб. Но, как советский писатель, которому открыты и ясны законы общественного развития, он не остается в плену явлений, а умело проводит читателя через сложные лабиринты жизни к сознанию исторической правоты того дела, ради победы которого ведут за собой народ большевики. Идейная зрелость романа — основа его художественной зрелости.

Все это, вместе взятое, показывает, что крупный успех К. Федина — не случайная его удача. Он связан самым тесным образом с идейным ростом всей советской литературы, направляемой заботливой рукой партии, связан с творческим воплощением принципов социалистического реализма. В своем новом романе писатель особенно близок к правде истории, правде народной жизни. И чувство этой правды сообщило его творчеству необычайную силу.

Книга завершается встречей главного ее героя Кирилла Извекова с товарищем Сталиным. Эта встреча многозначительна. Она закономерно венчает собою весь роман, проникнутый пафосом сознательной борьбы за коммунизм, за счастье человечества.

Советский читатель с удовлетворением принимает новую книгу талантливого художника как еще один знак прекрасных возможностей, открываемых перед литературой нашим великим временем.

Ник. ЖДАНОВ

Конст. Федин «Необыкновенное лето». Огиз. Саратовское областное издательство. 1948. 690 стр. Цена 21 руб.

Конец Змеиного болота

Кто бывал в старой эстонской деревне, тот знает, насколько она была, да и остается еще не похожей на русскую. Хутора в Эстонии разбросаны. Они стоят отдельно друг от друга и живут, вернее, жили, обособленной, замкнутой жизнью, ведя упорную борьбу с суровой, бедной природой, вырывая у нее скудные дары. Каменистая почва, глина, песок, болота. Трудолюбивые, упорные, но малообщительные жители...

Так было раньше. Теперь уже во многом не так. Первый эстонский колхоз возник на острове Сааремаа в 1947 году. Весной 1948 года в Советской Эстонии насчитывалось уже около шести десятков колхозов. А сейчас их более пятисот.

Картину великого перелома в жизни эстонской деревни, скрывающуюся за этими цифрами, нарисовал молодой писатель Ганс Леберехт в повести «Свет в Коорди».

В общих словах содержание повести сводится к изображению жизни деревни Коорди с осени 1945 года по осень 1947 года, жизни, приведшей к организации колхоза и к первым работам по осушению огромного болотного массива, известного под названием Змеиного болота.

Кто герой этой повести, полной поэзии и борьбы? Главным героем ее лишь условно можно назвать бывшего батрака, демобилизованного бойца Советской Армии Пауля Рунге, чья жизнь стоит в центре повести. Условно потому, что его фигура нисколько не заслоняет ярко, рельефно вылепленные образы и характеры других действующих лиц.

Осенью 1945 года Пауль Рунге возвращается в Коорди. У него тут нет ни кола, ни двора: он возвращается сюда лишь потому, что перед войной батрачил на хуторе кулака Курвеста и теперь рассчитывает получить тут же земельный надел. Намерения и желания этого бывшего батрака скромны: после многих лет кабалы у кулаков, после фронта ему хочется обзавестись собственным хозяйством, зажить своим домом, своей семьей. Со всей нерастраченной жаждой жизни и счастья, со всей огромной энергией и выносливостью эстонского крестьянина он берется за работу на доставшемся ему отдаленном, запущенном Журавлином хуторе.

Нелегко Паулю и его молодой жене Айно начинать жизнь почти на пустом месте. Давно заброшенная земля слежалась, превратилась в целину. Колодец стал непригодным. Хибарка развалилась. Нехватает кормов, удобрений, орудий труда. Но Пауль упорен. Он работает, «весь уйдя в дело, ни на что не отвлекаясь, как лошадь, пущенная в борозду. Теперь все зависело от него, от его работы. Все было ясно».

Так казалось Паулю. Но жизнь уже требовала другого. И сам он уже не прежний крестьянин. Он прошел не только школу подневольного труда у кулака, но и школу Великой Отечественной войны. И теперь среди горячей работы на отдаленном хуторе его временами охватывает тревожное чувство одиночества: так чувствуешь себя, когда расходишься в разные стороны с товарищами по разведке.

Нет, Пауль уже не может с головой зарыться в свой хутор, стать рабом своей земли, своего хозяйства, своего скудного достатка. В своих затруднениях он много раз получает помощь от других — от государства, от партии в лице парторга Муули, от товарищей-новоземельцев, — он и сам не может уже пройти равнодушно мимо чужой беды. Несмотря на то, что он дает себе слово «пока» не вмешиваться ни во что, он не может не вмешаться в проделки кулака Коора. Пауль вовлекается в ожесточенную борьбу с кулачьем. Хутор его подвергается нападению бандитов.

Рассказ о том, как, лежа под окном на полу, отстреливается Пауль, как, сжимая руками топор, рядом с ним прикорнула Айно, как бандиты поджигают омет ржи на дворе — весь урожай Пауля! — как мычит скотина в загорающемся хлеву,— рассказ обо всем этом полон драматизма. Слишком одиноким кажется Пауль среди этой темной осенней ночи! Кто увидит зарево пожара, кто услышит выстрелы?

Но друзья услышали! В этот страшный час на помощь к Паулю спешат крестьяне Маасалу, Тааксалу и Семидор. За ними являются и другие соседи. Не все удается спасти, но товарищеская помощь спасла Пауля от отчаяния. Больше того: на пожарище ему впервые приходит в голову осознанная, ясная мысль о колхозе. Это — уже почти решение.

Чувствовать беду товарища, как свою, жить сообща, помогать друг другу — все это зародыши новой жизни, отрицание старого, хуторского, единоличного хозяйства. Мысль о колхозе приходит не только Паулю. Новоземельцы Маасалу, Тааксалу и Семидор уже объединили свои хозяйства. Нужно лишь кликнуть клич. Этого клича дожидается и Прийду Муруметс, который знает, что Змеиного болота не одолеть в одиночку, и кроткая Роози, которая чувствует, что без колхоза она погибнет в липкой паутине паука Коора, и другие.

И когда приходит весть, что на острове Сааремаа организован первый в Эстонии колхоз, Пауль Рунге и Каарел Маасалу под руководством парторга Муули тотчас же принимаются за подготовку к созданию артели.

Так поднимается, выпрямляется, пускает крепкие корни в новую жизнь беднота деревни Коорди. Одной из великолепных сцен, ярко рисующих высвобождение подспудных творческих сил, таящихся в народе, является сцена в правлении новорожденного колхоза, сцена спора между Семидором, ратующим за первоочередность работ по проводке электричества, и Прийду Муруметсом, со страстью и тоской настаивающим на осушке Змеиного болота.

Змеиное болото... Мертвым, гибельным массивом расстилается оно в самом центре колхозных земель. Только общими силами можно одолеть это болото, неоглядное, топкое, серое, засасывающее плоды труда человека, выдыхающее ядовитые пары. Страшное Змеиное болото — это великолепный образ старой жизни, ее жестокости, безнадежности, серости.

Горький бедняк, отец Тааксалу, любил повторять: «Я, как сосна на болоте, подойди любой и вырви с корнями — земля не держит...» Да, старая жизнь, жизнь в буржуазной Эстонии, была гибельной для бедноты. Советская власть укрепила почву под ногами единоличного трудового крестьянства. Но окончательный выход для него лишь один — колхозная жизнь.

Осушение Змеиного болота является апофеозом начавшегося великого движения к будущему, изображенного в повести Леберехта. На помощь небольшой группе колхозников, роющих канаву, в выходной день приходят рабочие из соседнего города. К болоту, горя алыми полотнищами, подъезжают грузовики, с которых спрыгивают веселые, энергичные помощники: «Ярко, непобедимо, отрицая все ржавые и серые цвета болота, алели флаги!» Конец, конец Змеиному болоту! Конец, конец серым, ржавым цветам жизни!

Повесть Ганса Леберехта обладает необычайной силой жизнеутверждения. Она правдива, поэтична, богата мыслями, красками и образами. Редакция журнала «Звезда» оказала большую услугу читателям, опубликовав это произведение. Нужно лишь пожалеть, что она не поработала над языком молодого автора, местами оставляющим желать лучшего.

Радостно приветствовать появление нового талантливого имени в советской литературе.

Л. ТООМ

Ганс Леберехт «Свет в Коорди». Повесть. Журнал «Звезда» № 12 за 1948 год.

МУЗЫКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. КУХАРСКИЙ

Год назад в Москве собрался первый Всесоюзный съезд советских композиторов, чтобы обсудить постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

Участники съезда восприняли это постановление как боевую директиву — повести решительную борьбу с формализмом, развивать и совершенствовать советскую музыку, проникнутую идеями социалистического общества, создавать произведения, достойные нашей великой эпохи.

В развитии советской музыкальной культуры за истекший год наметились определенные успехи. В статье В. Кухарского дается оценка музыкальных произведений, созданных в 1948 году.

Все чаще исполняются в концертах новые произведения, написанные советскими композиторами за последний год. На афишах Москвы и Ленинграда появляются имена молодых композиторов, успевших уже завоевать популярность среди слушателей.

В этом году в Москве прошло несколько концертов, программы которых состояли преимущественно из новых произведений. Среди этих произведений «Кантата о Родине» А. Арутюняна, симфонические азербайджанские мугамы Ф. Амирова, симфониэтта М. Вайнберга, концерты для скрипки Д. Кабалевского и Б. Дварионаса, концерт для рояля Гасанова, сюита для оркестра «Солдатские песни» Л. Книппера и другие.

Это свидетельствует о том, что наши композиторы делом отвечают на высокие требования, выдвинутые постановлением ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», годовщину опубликования которого советская общественность отмечала в феврале.

Подавляющее большинство композиторов глубоко восприняло это постановление.

Многие создали значительные, несомненно, талантливые произведения, в которых чувствуется стремление к воплощению образов советской действительности.

В «Кантате о Родине» армянский композитор А. Арутюнян смело и проникновенно разрешил патриотическую тему о Советской Армении, тему о героическом труде народа, о полноте его лирических чувств. В этом произведении, проникнутом жизнеутверждающей силой молодости, органично сочетаются претворение богатств народной армянской песенности со следованием образцам классической музыки.

Рельефный, яркий, мелодический язык, хорошее владение формой, колоритный (местами, правда, излишне перегруженный) оркестр свидетельствуют о крупном музыкальном даровании А. Арутюняна.

Большое влияние на дальнейшее развитие азербайджанской музыки, несомненно, окажут симфонические мугамы Ф. Амирова.

Взяв за основу мугамы — классические образцы азербайджанского народного творчества, Ф. Амиров дополнил их мелодическую основу средствами симфонического оркестра. Симфонизация мугамов, обогащение их мелодии полифонической и гармонической оркестровой тканью способствуют приобщению широких масс азербайджанских слушателей, любящих искусство мугамов, к симфонической музыкальной культуре.

Москвичи познакомились также с первым крупным произведением одного из дагестанских композиторов — концертом для рояля Г. Гасанова. Следуя традициям классической русской музыки, Гасанов создал произведение, мелодически доходчивое, отличающееся свежим музыкальным языком.

Несомненные достоинства имеют два новых скрипичных концерта — Д. Кабалевского и Б. Дварионаса. Концерт Кабалевского — маленькая поэма о советской юности — посвящен раскрытию светлых, радостных чувств наших молодых современников. Лаконичный, изящный по форме, концерт отличается доступностью и мелодичностью. Особенно выразительна и красива вторая часть.

Привлекательность произведения Б. Дварионаса в естественном и органичном использовании литовских народных тем, придающих музыке концерта глубину чувств и особую душевность.

Просто и вместе с тем мастерски написана Л. Книппером симфоническая сюита «Солдатские песни». В пяти частях небольшого произведения использованы интонации песен, звучащих в походе, на привалах, в часы солдатского отдыха.

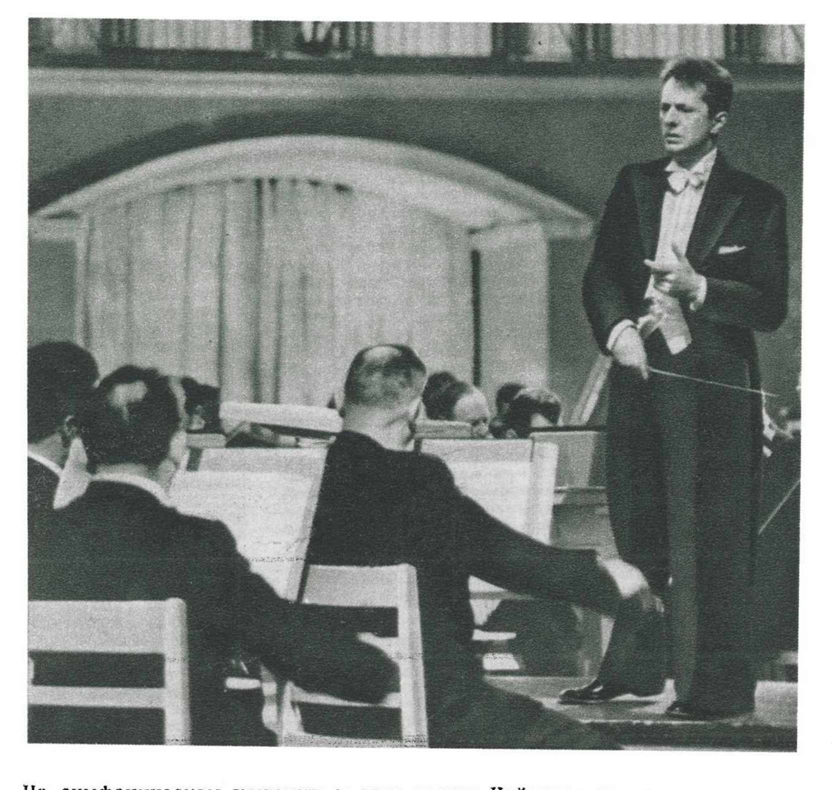
Ярким доказательством плодотворности реалистического пути является симфониэтта М. Вайнберга. Обращение М. Вайнберга к истокам народной музыки помогло ему найти выразительный, мелодически образный музыкальный язык и преодолеть модернистские влияния, которые ранее ставили непреодолимую преграду между композитором и слушателями.

Отличительные черты этих произведений, как и ряда других, еще не исполнявшихся широко,— непосредственное обращение к современности, к образу советского человека, к миру его чувств и устремлений.

В органическом слиянии традиций классической музыки с использованием нового интонационного строя, идущего от развивающейся современной народной музыки, советские композиторы находят тот яркий, правдивый, музыкальный язык, который нужен для отображения современных тем.

Однако все это — лишь первые ростки нового, реалистического стиля советской музыки, появившиеся под благотворным воздействием постановления ЦК ВКП(б) о музыке.

Совершенно ясно, что важнейшие творческие задачи, выдвинутые партией и народом, еще не решены советской музыкой. Еще мало у нас создано монументальных произведений, воплощающих темы борьбы и труда советского народа. Продолжает отставать оперное творчество — наиболее демократическое, любимое широкими массами народа, способное в яркой и конкретной форме раскрыть героический образ нашего современника.

На симфоническом концерте в зале имени Чайковского москвичи познакомились недавно с литовским дирижером, заслуженным деятелем искусств. Б. Дварионасом. Дварионас — не только замечательный дирижер, но и превосходный пианист и композитор. Большой интерес у слушателей вызвал его концерт для скрипки с оркестром, исполненный солистом вильнюсской филармонии А. Ливонтом.

Фото А. Гаранина

Не созданы также крупные программно-симфонические произведения, посвященные важнейшим темам нашей современности и героической истории советского народа. Темы социалистического труда колхозной деревни, героизма и преданности Родине еще не зазвучали с должной силой и красотой в новых произведениях советских композиторов.

Некоторые успехи в таких любимых народом жанрах, как песня, романс, легкая инструментальная музыка, не удовлетворяют пока предъявляемым требованиям. У некоторых композиторов-песенников наблюдается одностороннее увлечение узко трактуемой лирической тематикой, отрыв от героической общенародной темы наших дней.

Перед советскими композиторами все еще стоит задача непримиримой борьбы с остатками формализма в творчестве. Задача эта не снята, тем более что рецидивы формализма все еще сильны у отдельных композиторов. Об этом ярко свидетельствует опера С. Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Рецидивы формализма видны и в симфонии Ю. Левитина «Молодость». Черты модернизма серьезно сказались и на Пятой симфонии Б. Щербачева.

Советская музыка находится сейчас на ответственном этапе своего роста. Требуется мобилизация всех творческих сил, чтобы успешно развивать и закреплять реалистическое направление. Композиторы подчас слабо еще знают жизнь нашего народа, мало общаются с лучшими людьми советского общества — передовыми борцами за коммунизм.

Особое значение имеют задачи идейного воспитания композиторов, овладение основами марксистско-ленинской эстетики.

Музыкальная критика обязана возглавлять и направлять творческую дискуссию среди композиторов, пропагандировать идеи социалистического реализма.

Между тем музыковеды и музыкальные критики до последнего времени плелись в хвосте событий и не выполняли ответственнейших задач, поставленных партией. В критике действовала группка безродных космополитов, поддерживавшая формалистическое направление в музыке, пытавшаяся охаять великую музыкальную классику русского народа, протащить теорийки и идейки буржуазного декаданса.

Выступления партийной печати по вопросам художественной критики помогли музыкальной общественности разоблачить носителей космополитической, формалистической системы взглядов. Полное искоренение этих враждебных марксизму-ленинизму теорий поможет оздоровлению музыкальной критики, созданию боевой, подлинно идейной музыкальной критики.

Проявляя высокую идейную требовательность к своему творчеству, активно вторгаясь в жизненные процессы, происходящие в советской современности, развивая дальше первые достигнутые успехи, советские композиторы создадут новые вдохновенные произведения, достойные великих идей и образов наших дней.

Замечательная встреча

Фото Э. Гутгарца

Сорок лет назад в петербургском отделении Театрального общества был подписан контракт между антрепренером труппы Народного дома и выпускником театрального училища Василием Топорковым.

Так началась творческая биография замечательного деятеля русской сцены лауреата Сталинской премии, народного артиста Советского Союза Василия Осиповича Топоркова.

Казалось, все складывалось удачно: ведущее положение в труппе, большие роли, частые премьеры. Не прошло и года, как Топоркова пригласили в Петербургский театр Литературно-художественного общества (Суворинский), где его также ожидало много ролей и успех у публики.

Чего же было еще желать молодому актеру?

Весной 1910 года произошла знаменательная встреча. В Петербург приехал Художественный театр. Шел «Вишневый сад».

— Этот спектакль потряс меня до глубины души, — вспоминает Василий Осипович. — Свежестью и новизной пахнуло на меня. Я почувствовал здесь зарождение нового, настоящего искусства, ничего общего не имеющего с затхлой рутиной театров, в которых я служил. Я загорелся мечтой работать в Художественном театре.

Вечером после этого спектакля и до рассвета беседовали артист Александринского театра Ю. Юрьев и В. Топорков. Прощаясь, Юрьев сказал: «Лет через 20 вы приедете к нам сюда на гастроли с труппой Художественного театра и сыграете роль Епиходова».

Шутливое предсказание сбылось. Да, вероятно, оно и было не совсем шутливым: Юрьев уже тогда угадал в молодом актере большое, самобытное дарование, родственное Художественному театру, — дарование, которое впоследствии обратило на себя внимание руководителей МХАТ.

В 1927 году совершилось важное событие в жизни В. О. Топоркова: он был приглашен во МХАТ. Известный актер с 18-летним стажем, Топорков пошел в ученики к Станиславскому, так как понимал, что под его руководством овладеет настоящим, большим, подлинно реалистическим искусством. В. О. Топорков стал достойным учеником великого мастера сцены, его последователем, гордостью лучшего театра мира — Московского Художественного. За выдающуюся театральную деятельность Топорков удостоен высокого звания народного артиста Союза ССР и награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Словно живые люди возникают перед нами образы, созданные Топорковым на сцене МХАТ. Герои Топоркова живут на сцене, и зритель всегда верит актеру, верит той большой правде, которую он несет.

Художник-реалист, он всегда подчиняет форму идее произведения. Жест, слово, мизансцена — все служит ему для выявления характера действующего лица. Хорошо овладев логикой жизненного поведения персонажа, всегда донося до зрителя идейный смысл роли и глубокое социальное содержание произведения, он в каждом спектакле творит заново.

Широк творческий диапазон народного артиста.

С сатирической остротой бичует он ничтожного прихлебателя Дергачева («Последняя жертва» Островского), мерзкого николаевского шпика Биткова («Последние дни» Булгакова), гневно разоблачает звериную сущность контрреволюционера, врага народа бандита Антонова («Земля» Вирты). С мягким, сдержанным юмором рисует он «недотепу» Епиходова («Вишневый сад» Чехова). Навсегда остаются в памяти зрителей образы Чичикова (инсценировка «Мертвых душ» Гоголя), попа Павлина («Егор Булычев» Горького), Оргона («Тартюф» Мольера).

Любимое творение Топоркова — роль секретаря парткома Береста («Платон Кречет» Корнейчука), которую он играет на протяжении 15 лет. Берест в его исполнении — подлинный большевик, умный, талантливый руководитель, мудрый «хозяин города», как называют его в пьесе, чуткий товарищ. И зритель разделяет тягу всех героев пьесы к этому прекрасному человеку.

Последняя работа Топоркова — постановка совместно с народным артистом РСФСР В. Орловым комедии Островского «Лес», в которой Топорков играет роль актера Аркадия Счастливцева. Об этой работе Василий Осипович рассказывает:

— В дореволюционной России мне часто приходилось сталкиваться с такими людьми, как Аркашка. Меня увлекает в этом образе огромная любовь и преданность искусству, одержимость театром. И мне хотелось в спектакле противопоставить эту целеустремленность паразитической жизни обитателей «леса».

Сейчас Василий Осипович совместно с народным артистом РСФСР М. Яншиным работает над постановкой пьесы С. Михалкова «Головин», в которой он будет играть заглавную роль.

Мы печатаем ряд фотографий В. О. Топоркова в роли Аркадия Счастливцева.

И. ВЕРШИНИНА

Платье...
Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

В. О. Топорков.

...Кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали, привезут на станцию, раскатают.

Ах, бесподобно! Уж как я комфорт люблю, кабы вы знали.

После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось: образованные одолели.

Из комиков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенною душой-то...

...И у меня есть амбиция.

Спектакли и впечатления

В театрах Риги

Фото А. Моклецова

МЫ ОБВИНЯЕМ

«Над ними чужой и надменный
Британский полощется флаг.
Встречая английских военных,
Они говорят: «Гутен таг!»
Они на коленях, в костелах
И в кирхах молитвы поют,
А в дальних, заснеженных
селах
Их русские матери ждут».

Эти строки взволнованного стихотворения С. Михалкова определяют тему его новой пьесы «Я хочу домой».

Советские дети, оставшиеся за кордоном в английских «милосердных приютах» — вот главные действующие лица новой пьесы поэта. Майор Добрынин — представитель советского командования, вырывающий детей из этого плена, — сегодня в театре Юного зрителя Латвийской ССР самый любимый герой.

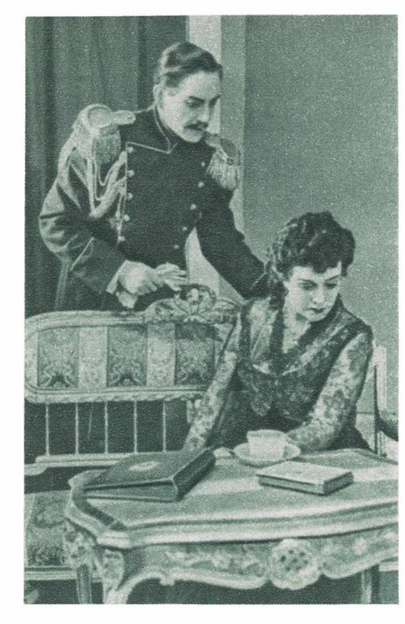
Пьеса «Я хочу домой» действенна и сценична. Разоблачение настоящего лица лощеных английских «воспитателей» превращает театральную работу поэта в доказательный обвинительный акт.

Драматург, режиссер и актеры обвиняют.

Английская оккупационная зона Германии. Приют. В нем находятся советские дети: Саша Бутузов, Евгений Руденко и другие. Девочка Ира Соколова, потерявшая своих родителей, принуждена услуживать немке Вурст — содержательнице пивного бара.

Костел и молитва, карцер и проповедь, хлыст и окрик — вот они, особые методы применяемой здесь «педагогики». «Воспитатель» Упманис, только что цинично издевавшийся над Сашей Бутузовым, рассвечивает свое упитанное лицо «ангельской улыбкой» и гладит Сашу по голове: в приюте появилась представительница печати, кривляющаяся английская корреспондентка, в сопровождении офицера Скотта — главного действующего лица в управлении приютами. Корреспондентка фиксирует моменты жизни сирот. Ей нравится в этом приюте.

Внешне вежливые, подтянутые офицеры Скотт и Рексон теряют свою выдержку, когда в пансионе

«Анна Каренина» в Государственном художественном театре Латвийской ССР. Анна — Л. Берзинь, Вронский — Г. Вааздик.

появляется майор Добрынин, разыскивающий советских детей. И с этого момента в зрительном зале волнение, возмущение и радость, слезы и смех. Ребята с затаенным дыханием следят за поединком майора Добрынина с англичанами на заседании объединенной комиссии.

«В колледжах ученые-звери,
Чудовища в масках людей.
Откройте приютские двери —
Верните советских детей!».

Этот гнев, эту страстность обличителя превосходно показывает заслуженный артист республики Б. Праудинь. Образ советского патриота и офицера, созданный артистом, — самое примечательное в этом спектакле. В облике спокойного и выдержанного представителя советского командования, выступающего гневным обвинителем, шаг за шагом раскрывает артист всю силу характера гражданина Советской страны.

Только что волновавшийся зрительный зал снова замолк. Смайда Ландмане (артистка В. Стабулниеце) — воспитательница приюта, преданная дочь латышского народа — вызвана для разговора к господину Скотту.

Смайда вместе с Добрыниным оказывает активное сопротивление Скоттам и Упманисам. Артистка В. Стабулниеце с большим подъемом проводит все эпизоды, связанные с ее борьбой за утерянное счастье советских детей.

Майор Добрынин, его товарищи и друзья побеждают. Советские дети возвращаются Родине.

Спектакль «Я хочу домой» может быть отнесен к значительным работам театра.

Сцена заседания комиссии в пьесе С. Михалкова «Я хочу домой» в Латвийском театре юного зрителя. Соколов — К. Спурис, его дочь Ирина — З. Озолниеце. В центре стоит майор Добрынин — Б. Праудинь.

ВОЗВРАТ К МИНУВШЕМУ

Всего лишь несколько домов на улице Лачплеша отделяют Театр юного зрителя от Государственного художественного театра Латвийской ССР. Зал последнего переполнен. Раскрылся занавес, и на московском вокзале к Анне Карениной впервые подошел Алексей Вронский.

Сценический вариант романа великого русского писателя Л. Толстого (В. Гревинь и Э. Смильгис) существенно отличается от известной нам инсценировки и редакции спектакля в Московском Художественном театре.

Смело и оправданно введены в действие пьесы роли графини Лидии Ивановны (артистка А. Абеле) и Жюля Ландо (П. Васараудзис) — образы, раскрывающие второй мир тайного советника Каренина, мир мистики и религиозного помешательства. Однако театр совершает большую ошибку, показывая Левина только лишь как человека, питающего сердечное чувство к Кити. Щебечущие на сцене влюбленные должны были, по замыслу постановщиков, пронести рядом с трагедией Анны тему большого счастья, еще сильнее подчеркнуть одиночество Карениной.

Вся жизненная философия Левина, его взгляды на общество и жизнь света оказались вне рамок спектакля. И это не случайно. Левинская тема, занимающая в романе Толстого значительное место, не вмещается в сценическое толкование романа. Московский Художественный театр, осуществивший постановку сценического варианта Н. Волкова, поэтому отказался от темы Левина.

Но Лидия Ивановна и Жюль Ландо придали спектаклю Латвийского художественного театра большую остроту в сценах, показывающих общество, окружающее Анну: его ограниченность и лицемерие.

Анну Каренину играет лауреат Сталинской премии, народная артистка Латвийской ССР Л. Берзинь. В образе Анны подчеркнуты обреченность и мрак ее жизни. И чувство возникающей любви, светлую свою радость, счастье от встречи с Вронским (артист Г. Вааздик) Берзинь передает сдержанно и почти печально. В этом толковании образа Карениной есть свои спорные стороны. Трагедия, играемая с самого начала, несколько обедняет и тушит краски, одевает Анну только в черное, лишая ее солнечного света. Но и это решение Берзинь — работа большого художника и мастера.

Осуществление на латышской сцене одного из выдающихся произведений русской классики — новое примечательное явление в его творческой деятельности.

Латвийский художественный театр — в поисках нового, современного репертуара. «Весна в селе Речном» Анны Бродела, «Суд чести» А. Штейна — яркие и правдивые спектакли о нашей жизни.

ЕЛЕНА БУНЧУК В РОЛИ ЖЕНЫ ДОБРОТВОРСКОГО

В ряде постановок острой, современной пьесы А. Штейна «Суд чести» образ жены Добротворского решается как некоторое дополнение к личному миру героя.

Драматург иначе представлял себе спутницу одного из своих героев, и это великолепно поняла и почувствовала артистка Е. Бунчук, создавшая в спектакле Латвийского театра русской драмы образ передовой советской женщины, человека большого сердца, открывающего вместе с общественными обвинителями всю суровую правду своему мужу, ученому, видящему только славу, но забывшему долг перед родиной.

«Суд чести» в Театре русской драмы Латвийской ССР. В роли Татьяны Александровны — жены Добротворского — Е. Бунчук.

Добротворская-Бунчук — патриотка своего отечества. Любовь к своему народу вкладывает в ее слова и поступки большую силу воздействия. И когда профессор Добротворский идет к трибуне общественного суда, она молча смотрит на него. Губы ее шепчут беззвучно «иди и признай». За слезами, застилающими ее глаза, мы видим ясный взгляд нашего современника. И так же, как на спектакле пьесы Михалкова в Латвийском ТЮЗ, здесь, в другой аудитории, при решении другой, современной темы, мы нашли одну общую черту — волнение зрителей за судьбу своих героев. Волнение единомышленников жены Добротворского, наших врачей и ученых, наших советских людей за кровную судьбу своих товарищей по работе в жизни.

* * *

Мы рассказали читателям «Огонька» о наиболее интересных и ярких спектаклях, поставленных в театрах столицы Латвийской ССР. Сезон 1948 — 1949 года отмечен в Риге несомненной творческой активностью.

Игорь ЧЕКИН

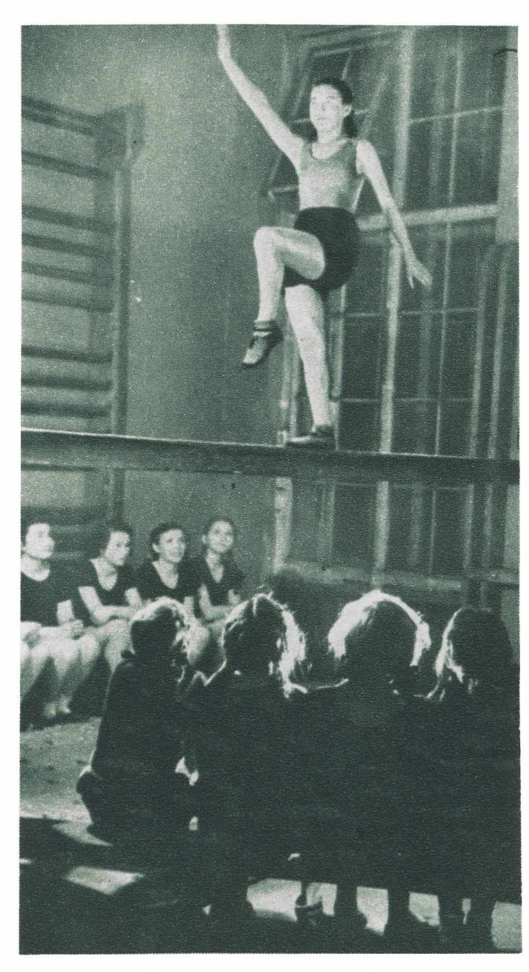
В одном лишь районе

Борис ЗУБАВИН

Фото Г. Емельянова

Комнатка была мала до изумления; ему, широкоплечему, нетерпеливому, было тесно в ней, и он неловко проходил меж столами, будто боясь задеть что-нибудь и опрокинуть. Было ясно, что его пребывание в этой комнате — сущее недоразумение и что он гораздо лучше чувствует себя на просторном, полном ветра и солнца стадионе.

В прошлом Петр Яковлевич Москалев был диспетчером завода, потом учился в физкультурном техникуме, был затем инструктором спорта на фабрике, а теперь работает здесь,

Ученица 434-й школы Аня Слобозян, инструктор-общественник, показывает гимнастическое упражнение.

в районном комитете по делам физкультуры и спорта, и попутно учится в институте физической культуры.

Лицо его казалось немного усталым. Что говорить: работать и в то же время учиться — дело нелегкое. Повседневные заботы, десятки неотложных вопросов волной захлестывают его. Тренировки легкоатлетов, хоккейные клюшки, проверка состояния лыжных баз, баскетбольные мячи, составы команд, сведения о сдаче норм на значок «ГТО»... Звонят из ремесленного училища, из райкома комсомола, с фабрик и заводов...

Пришли два инструктора физкультуры—ладные, стройные ребята. Вслед за ними осторожно, словно желая быть незамеченным, еще на пороге стянув с вихрастой головы кепку, вошел в комнатку юноша. Он был молод, настолько молод, что бритва еще ни разу не касалась его подбородка. Паренек принадлежал к группе инструкторов-общественников. Сегодня у него был свободный день, и он явился потому, что могла понадобиться его помощь.

Председатель комитета по делам физической культуры и спорта Сталинского района г. Москвы П. Я. Москалев среди учеников детской спортивной школы.

...Сталинский район Москвы. Семеновская застава. Измайлово. Здесь живут текстильщицы, трикотажницы, машиностроители, электрики. Фабрики и заводы раскинули свои корпуса на обширных площадях, и в их цехах ежедневно заняты тысячи молодых людей. В представлении Москалева эти люди не только ватерщицы, фрезеровщики, слесари, но и лыжники, футболисты, гимнасты, бегуны, пловцы. Таково уж его профессиональное восприятие действительности.

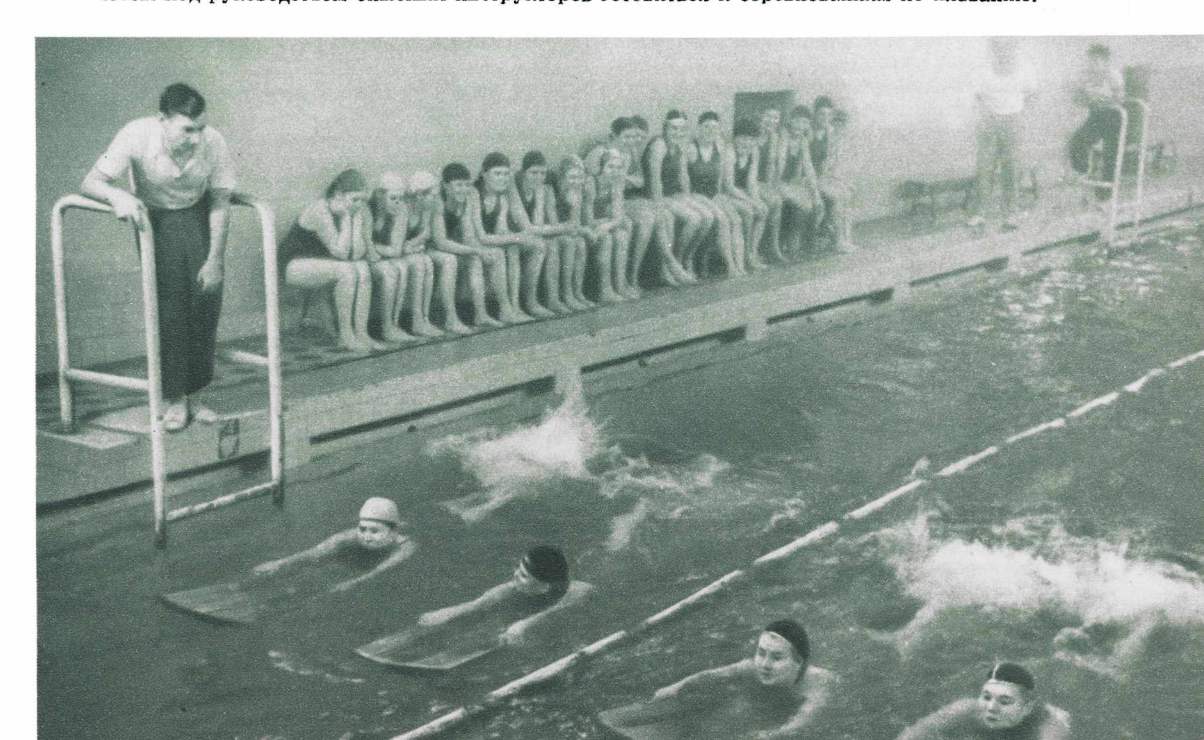
Он хочет, чтобы то, что дорого и любимо ему самому, стало так же дорого всей молодежи района. И пусть многие еще ни разу не надевали спортивной формы, не участвовали в кроссах, забегах, походах, заплывах, матчах; пусть у некоторых еще нет значка «ГТО» — этого символа молодости, силы, ловкости, выносливости; пусть всего этого некоторые из них еще не пережили, не ощутили — не беда. Москалев уверен: не сегодня, так завтра они явятся на спортивные площадки, которых в районе около сотни и которых в нынешнем году прибавится еще десятка три, явятся, заявят о себе, встанут на гаревые дорожки, закачаются на кольцах и турниках, выбегут на зеленые футбольные поля.

Здесь, в этой маленькой комнатке, куда сходятся незримые нити от ста тридцати спортивных коллективов, можно обобщить, как бы увидеть всю спортивную и физкультурную работу в районе. Здесь начинаешь понимать с особенной ясностью главное — массовость, народность советского спорта.

На территории района расположены три стадиона: «Пламя», «Крылья Советов» и «Медик». Есть еще около десятка отдельных гимнастических залов, великолепно оборудованный бассейн. Все это предоставлено молодежи. Однако желающих заниматься спортом с каждым годом становится все больше, и теперь уже ни этих стадионов, ни залов, ни спортивных городков, что в Измайловском парке, нехватает. Поэтому прошлым летом силами самих физкультурников были построены в общей сложности полторы сотни волейбольных и баскетбольных площадок, гимнастических городков, полос «ГТО» и теннисных кортов. Москалев радуется этому так, словно он все сделал своими руками. И потому, что характер этого человека подобен стремительности сильной, безостановочно действующей пружины, он уже не может успокоиться на достигнутом и, торопя спокойное течение событий, планирует значительно увеличить в этом году количество самодеятельных площадок. Прошлое лето показало, что площадки принесли огромную пользу. К тому же в самодеятельности, в инициативе юношей и девушек Москалев правильно ищет и находит ключ к разрешению многих своих стремлений и надежд.

Из этого, однако, не следует делать вывода, что работа с молодежью предоставлена сама себе. Кроме штатных инструкторов подготовкой физкультурников занимаются инструкторы-общественники. В распоряжении районного комитета физкультуры таких инструкторов насчитывается более трехсот человек. Этот актив районного комитета — замечательный народ. Прежде всего они стахановцы. Они умеют отлично работать. А кроме того они спортсмены. Токарь Виктор Фиотисов — легкоатлет, конструктор Петр Акимов — конькобежец, стахановка комбината имени Щербакова Нина Миронова — лыжница, слесарь-лекальщик Константин Виноградов — волейболист,

Бассейн № 2 в Сталинском районе. Сюда в свободное от работы время приходит молодежь, чтобы под руководством опытных инструкторов готовиться к соревнованиям по плаванию.

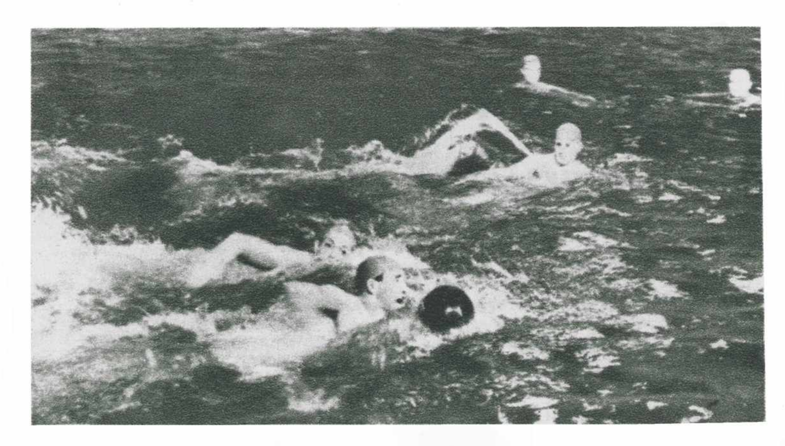
Водное поло

Судья бросает мяч в воду, и в то же мгновение две команды устремляются к середине водного бассейна, в противоположных концах которого остались только вратари.

Вот самый быстрый из нападающих, первым достигший центра, завладел мячом. Бросок — и мяч передан назад полузащитнику, который мгновенно посылает его снова вперед одному из своих игроков, находящемуся в лучшей позиции. Игра, именуемая водным поло, началась...

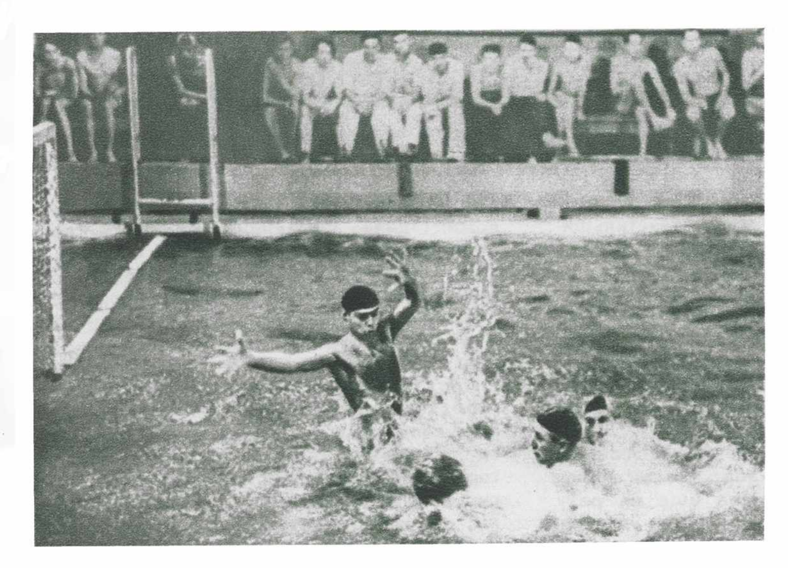
Встретились две сильнейшие команды столицы — ЦДКА и «Торпедо». Игроки настороженно следят друг за другом. Каждый мяч дается с бою. Торпедовцы прибегают к различным уловкам. Вот мяч передают Соколову, схватив его правой рукой, он замахнулся, отогнувшись далеко назад, словно падая на спину. Впечатление такое, что последует сильнейший удар, но Соколов неожиданно передает мяч влево — Мешкову. Мешков делает рывок — и ворота «противников» оказываются в опасности.

За этот короткий срок игрокам приходится выдержать большую физическую нагрузку. В среднем за время матча каждый из них проплывает не менее полутора километров.

Борьба за мяч.

Фото Н. Волкова

У ворот «Торпедо».

На трибунах — ценители и знатоки водного поло. Каждый удачный удар, бросок вратаря, хорошо разыгранная комбинация вызывают одобрение. «Торпедо» имеет многих приверженцев. Да это и не удивительно. Рядом с бассейном расположен Автозавод имени Сталина. Рабочие любят свою команду, гордятся ее успехами.

Матч окончен. Победили торпедовцы. Счет 4 : 1. Этим автозаводцы обеспечили себе звание чемпиона столицы.

Встречи этих двух команд всегда представляют большой интерес. Автозаводцы — сторонники атакующей игры. Армейцы же строят игру на защите.

Команда ЦДКА, которую тренирует заслуженный мастер спорта В. Кузнецов, в 1945 году завоевала звание чемпиона СССР, а в 1946 году, удержав за собой это звание, выиграла и «Кубок СССР».

Затем команда ленинградских военно-морских учебных заведений стала чемпионом страны 1947 года. Армейцы приложили все усилия к тому, чтобы удержать «Кубок СССР», но и здесь их постигла неудача: кубок достался команде «Торпедо».

В прошлом году автозаводцы повторили выдающееся достижение команды ЦДКА: они стали чемпионами Советского Союза и обладателями «Кубка СССР». Тренер команды «Торпедо» Иван Штеллер играет в водное поло 25 лет. Он один из лучших знатоков этой увлекательной игры.

Вперед, только вперед! Атаки не должны затихать. Бить по воротам возможно чаще. Этому учит тренер свою команду.

В коллективе автозаводцев первоклассные пловцы — В. Ушаков и Л. Мешков, сильная тройка нападения — В. Соколов, Н. Борисов, Н. Простяков. Надежный вратарь—Б. Гойхман. Их большая подвижность и маневренность дают возможность вести все матчи в отличном темпе.

Е. Ф. РУБИН

слесарь Иван Фоминов — душа всех велосипедистов района. Много ли они сделали? А вот хотя бы Виктор Фиотисов. Он подготовил 70 значкистов «ГТО» первой ступени. По его успехам легко можно составить представление и об остальных. Дела им хватает.

В районе одно за другим следуют спортивные мероприятия, и инструкторы-общественники всюду выступают то как судьи, то как тренеры, то как рядовые участники. Это они в течение всего прошлого года проводили в Измайловском парке культуры и отдыха имени Сталина «открытые старты» по сдаче норм на значки «ГТО» и соревнования на побитие районного рекорда по бегу на 100 и 1000 метров. Согласитесь — это было остроумно и ловко придумано: любой из посетителей парка мог стать чемпионом района! Инструкторы-общественники дежурили в парке по воскресеньям, собирая около себя оживленную толпу.

Лиха беда — начало! Начало совершалось для многих неожиданно, когда они вдруг узнавали, что у них есть все данные стать неплохими бегунами, гимнастами, пловцами. Проходило немного времени, и новички вновь встречались с инструкторами-общественниками, но на этот раз уже не на «открытых воскресных стартах» в парке, а на площадках добровольных спортивных обществ. «Воскресные старты» стали одним из верных, надежных путей роста рядов физкультурников.

Подавляющее большинство молодежи района охвачено спортом.

Вот некоторые цифры:

Общей физической подготовкой занимается	— 3 600	человек
Легкой атлетикой	— 1 700	»
Волейболом	— 3 000	»
Плаванием	— 800	»
Баскетболом	— 400	»
Футболом	— 1 500	»

И нужно совсем немного воображения, чтобы представить себе, как двадцать футбольных команд оспаривают право на «Кубок», как по выстрелу пистолета лучшие бегуны мчатся по улицам района с эстафетой, как несколько тысяч парней и девушек бегут в профсоюзно-комсомольском кроссе и уходят с рюкзаками за спиной неторопливые туристы в далекий поход....

...День начинается телефонными звонками, но Москалев недолго задерживается в своей комнатке. Надо побывать во многих местах. Вчера ему сообщили, что в 24-м ремесленном училище начала тренироваться баскетбольная команда. И он идет в это училище и проводит с ребятами больше часа, наблюдая за тренировкой, ревниво приглядываясь к каждому участнику. Эта баскетбольная команда в прошлом году выиграла первенство Москвы среди баскетболистов трудовых резервов. Надо, чтобы и в нынешнем году они не подвели. И он приглядывается к тренирующимся в зале ловким, стремительным паренькам. Лишь успокоившись, утвердительно сказав себе: «Эти не посрамят! Молодцы!»,— Москалев выходит на улицу.

Теперь надо попасть на комбинат имени Щербакова, а оттуда в детскую спортивную школу, потом в бассейн... Однако в бассейн он попадает лишь к вечеру: по пути на комбинат он встречает Аню Слобозян — ученицу 434-й женской школы, очень способную девушку.

— Только на одну минуточку, Петр Яковлевич,— умоляюще говорит Аня.— Посмотрите и уйдете.

И он сдается.

Урок проводит Аня. Она инструктор-общественник. Москалев присаживается на скамеечку возле стены.

— Так, так,— одобрительно шепчет он, следя за движениями Ани,— нет, не так! — он вскакивает, сбрасывает с плеч пиджак, предостерегающе подняв руку, кричит: — Одну минуточку, Аня! — и выходит на середину комнаты.

И вот он уже на кольцах, на брусьях. Легкий, сильный, он взлетает, стремительно падает, вытягивается струной...

Все-таки он успевает побывать и на комбинате имени Щербакова, чтобы детально ознакомиться на месте с подготовкой значкистов «ГТО», и в детской спортивной школе, и в бассейне, где опытный пловец-преподаватель Василий Денисов обучает молодежь плаванию.

У Денисова новички. Москалев с улыбкой смотрит, как они плывут. Неопытные движения, стесненность, ошибки, приводящие в смущение... Но ему-то хорошо известно, что произошло с некоторыми новичками прошлым летом! Весной начали заниматься, а осенью триста человек получили уже третий спортивный разряд, и им вручили серенькие книжечки, куда вписаны их первые достижения, первые, пусть еще маленькие, рекорды. Среди этих начинающих спортсменов есть и такие, которые скоро заставят многих призадуматься. Аня Слобозян пробежала пятьсот метров за одну минуту и тридцать пять секунд. Нормировщица Галандина пробежала тысячу метров за 3 минуты 16,6 секунды. Для начинающей спортсменки это совсем неплохо.

У Сталинского района прочные спортивные традиции. Здесь, в Измайловском парке, когда-то впервые надел боксерские перчатки Николай Королев, начали тренироваться чемпион страны по лыжам среди юношей Виктор Баранов и заслуженный мастер спорта Николай Панков, впервые дала о себе знать интересная, своеобразная футбольная команда «Крылья Советов», учился в 431-й школе и окончил ее с золотой медалью чемпион страны по прыжкам в длину среди юношей Эдуард Боровский... Кроме них можно назвать еще несколько десятков фамилий мастеров спорта, сделавших здесь свои первые шаги. А сколько их будет еще!

Все дни, особенно воскресные, взяты на учет, нагружены соревнованиями, тренировками, кроссами. Больше тысячи конькобежцев и три с половиной тысячи лыжников соревновались прошедшей зимой. Три с половиной тысячи! Но это ведь только небольшая часть того, что предстоит сделать нынешним летом. В кроссе, например, который был проведен осенью прошлого года в честь тридцатилетия ВЛКСМ, приняло участие 19 тысяч человек.

А сколько их, новичков, будет в этом году!

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунки Г. Валька

Дверь с шумом распахнулась, и в буфетную комнату полустанка вошли четверо мужчин. Двух пожилых буфетчик сразу узнал,— это были председатель колхоза «Вперед» Аким Мироныч Гранов и бригадир из этого же колхоза Герой Социалистического Труда Иван Сергеевич Потапов, в округе больше известный по прозвищу «Потапыч». Громадный Потапыч подошел к буфетной стойке и прогремел сочным басом:

— Ну-ка, ставь нам графинчик и огурчиков, что ли, дай!

Буфетчик ринулся выполнять заказ.

И вот за столом уселись два знаменитых колхозных человека и приехавшие с ними два юных механика из МТС. Юнцы держались смиренно, с почтением посматривая то на орден Ленина Акима Мироныча, то на Золотую звездочку Потапыча.

Аким Мироныч и Потапыч приехали на станцию не по очень-то деловому поводу и от этого, видимо, несколько смущались друг перед другом и особенно перед юнцами. С другой стороны, это обстоятельство накладывало на их поведение печать некоторого легкомыслия.

— Пьете? — спросил Потапыч у юнцов.

—Нет,— с известной долей лицемерия ответил один из них.

— Правильно. Я в ваши годы находился в обучении у сапожника, ему за водкой в монопольку бегал, а сам, кроме как подзатыльники, ничего не получал. А теперь иной петух, вроде вас, заработает на тракторе кучу денег и думает: человек-мужчина по всем статьям. Выпьет на рубль, куражу выкажет на десятку да еще машину подломает на сотню рублей.

Парни украдкой переглянулись и оба покраснели: они вспомнили, как в прошлом году не без их греха потерпел аварию колхозный грузовик. Переглянулся и Потапыч с Акимом Миронычем: дескать, поняли ребята, к чему речь!..

— Но по одной, по маленькой можно,—снизошел Потапыч и налил водку во все четыре рюмки.

Аким Мироныч, который все это время поглядывал на Потапыча со странной, задумчивой улыбкой, поднял рюмку и спросил:

— За что выпьем-то?

— Как за что? За советскую власть, которая дала нам жизнь полную и с избытком,—сказал Потапыч.

— Это верно,—согласился Аким Мироныч и снова с хитроватой улыбкой глянул на Потапыча.— Весьма приятно услышать это именно от тебя. И потому хочу я выпить с тобой за памятный тебе месяц сентябрь. Идет?

Потапыч, который уже поднял было свою рюмку, снова поставил ее на стол и нахмурился.

— А ну тебя!..— проворчал он.— Хватит уж корить стариной. Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Неправильная это установка, Потапыч. А я бы так сказал: кто старое забудет, тот на новое одним глазом смотрит.

— Дядя Аким,—встрял один из пареньков,— а почему именно за сентябрь?

— Поясняй, поясняй,— буркнул Потапыч и сделал вид, что его это совершенно не интересует.

— Объяснение будет весьма краткое,— начал Аким Мироныч.— Было это событие без малого двадцать лет назад, в году тысяча девятьсот двадцать девятом. Я работал тогда на сукновальне у мишинского кулака и был секретарем сельской партячейки. А тут партия дает нам великую задачу — колхозы строить. Ну, и начали строить. Бедноту быстро на новый путь наладили и взялись за середняка, то есть за известного вам Героя Социалистического Труда Ивана Сергеевича Потапова.

— Не забудь сказать про кружение головы от успехов,—ехидно вставил Потапыч.

— Как можно забыть мудрое слово товарища Сталина? Вовек не забудем, а только у меня не было ни особых успехов, ни кружения головы: все, кто пошел тогда за нами, и сейчас идут по колхозной дороге. И вообще, ты не перебивай, Потапыч, дай досказать... Да, и вот в одну прекрасную субботу Потапыч наконец говорит мне: «Согласен, записывай». А в понедельник я прихожу к нему, чтобы список составить, что́ он в колхоз передает. Вижу, сидит мой Потапыч на кованом сундуке и в глаза мне не глядит. Говорит: «Никакого колхоза я не знаю и знать не хочу». За воскресенье, значит, обработали его подкулачники. Стал я его урезонивать и стыдить. А он вдруг как вскочит, схватит меня за грудки да как шарахнет из хаты,— я еле на ногах удержался. И вот от обиды горькой запомнил я тот сентябрь на всю жизнь. Так выпьем, что ли, Потапыч?

— Ладно, выпьем,— кисло сказал Потапыч и, опрокинув рюмку, добавил: — А мне не стыдно: через неделю я сам в колхоз пришел.

— Это верно, — подтвердил Аким Мироныч.

Пареньки только подержали свои рюмки и, не пригубив даже, поставили их на стол. Они с нескрываемым удивлением смотрели на Потапыча и никак не могли представить, что с этим знаменитым человеком могло быть такое, о чем рассказал Аким Мироныч.

— Чего уставились на меня, как на богородицу? — спросил их Потапыч.— Что удивительного? Архивная история — и все. Есть дела посвежее. И вот я, Аким Мироныч, тоже предлагаю выпить за одну историческую дату...

Аким Мироныч настороженно глянул на Потапыча и не очень искренне сказал:

— Давай, давай твою дату!..

— За август!—рявкнул Потапыч и поднял рюмку.

— Да ну тебя! — сердито поежился Аким Мироныч и даже не глянул на свою рюмку.— Что-то долго мы здесь сидим. Сходили б вы, ребятки, посмотрели, может, выгрузку уже закончили?

— Погоди, погоди,— вмешался Потапыч,— твой рассказ они слышали, пусть и мой послушают.

Было это аккурат в позапрошлом году. Как и теперь, думали мы тогда, что бы сделать нового для своего колхоза? И вот однажды в одном журнальчике прочитал я статейку нашего колхозного академика товарища Лысенко. Вся моя бригада тоже прочитала и наказала мне идти к председателю, то есть к Акиму Миронычу, с предложением провести озимый сев пшеницы по стерне. Вы теперь сами знаете, какое богатство принесла нам та пшеница. Я вот Звезду Героя за нее получил. А тогда прихожу я, сидит Аким Мироныч за столом, важный, как гусак, и директивы перелистывает. Выслушал он меня и как закричит: «Не позволю над землей цирк устраивать! Не дам зерно губить! Я председатель колхоза — мне отвечать за ваши фокусы...» Ну, ладно, написали мы тогда письмо в районный комитет партии. И вызывают нас с Акимом Миронычем на бюро, и получает наш Аким Мироныч партийный выговор за торможение передовой инициативы. А мы получаем разрешение сеять. Памятная дата,— ничего не скажешь! Выпьем!

Потапыч выпил, а Аким Мироныч что-то медлил, задумчиво глядя в окно, за которым, деловито посапывая, сновал маневровый паровозик. Потом Аким Мироныч одним махом выпил рюмку и весело сказал:

— Знаешь, Потапыч, что я сейчас думал? Как интересно жизнь наша с тобой проходит! Хоть и старые мы уже, а живем с молодым задором, друг дружку подхлестываем, учим. И все для народа своего родного. Верно?

— Верно, — задумчиво сказал Потапыч.— Век живи, век учись,— и вдруг цыкнул на пареньков: — Чего рты раскрыли? Ну-ка, за дело, идите — не выгрузили ли там?

Через несколько минут один из пареньков вернулся и еще от дверей крикнул:

— Готово! Стоят красавчики!..

Аким Мироныч и Потапыч вышли и невольно остановились на крыльце: у подъезда, сверкая лаком на солнце, стояли два новеньких синих «москвича» — их первая в жизни столь ценная, но в общем не очень-то деловая покупка. И это обстоятельство тоже, видать, смущало степенных тружеников.

— Складная игрушка, — как-то виновато сказал Потапыч, уважительно поглаживая гладкий бок машины.

— Не игрушка, а автомашина... По всем правилам...—более оправдываясь сам, чем поправляя друга, сказал Аким Мироныч.— Мой батька даже коня своего не имел, а мы с тобой на своих машинах ездить будем. Одного времени сколько сбережем, не говоря уж о конном парке.

Прислушиваясь к их разговору, из машин выглядывали сидевшие за рулями пареньки,— им не терпелось поскорее вырваться на простор шоссе.

По прямой, как стрела, дороге мчались два синеньких «москвича»: впереди—машина Акима Мироныча, чуть позади — Потапыча.

— А ну, обчеши председателя,— подзадоривал Потапыч своего паренька.

Шедший сзади «москвич», сердито фыркая мотором, набавлял скорость и через минуту уже летел впереди, а Потапыч из бокового окошка махал рукой Акиму Миронычу.

— Что? Уменья у тебя нехватает? — ехидно спрашивал Аким Мироныч своего водителя, и тот прибавлял газ.

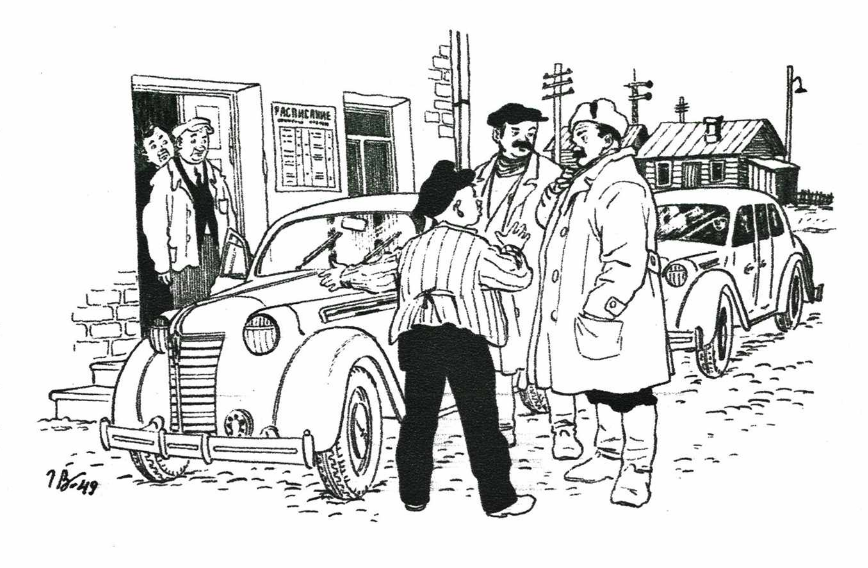
«Москвич» председателя настиг машину Потапыча, одно время они мчались рядом, но вот Потапыч начал отставать, и вперед снова вырвался Аким Мироныч.

— Все равно как в вашей жизни получается! — взволнованно крикнул паренек Потапычу.

Тот с удивлением глянул на паренька и, пряча добрую усмешку в пушистых усах, рявкнул:

— Ишь ты, толкователь жизни нашелся! Знай свое дело — обгоняй председателя! А то сам за баранку сяду!..

Мчались вперед два синеньких «москвича»...

I

Крепит Отечества любовь
Сынов Российских дух и руку...

II

Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падает и с вашею.

III

Иль русский от побед отвык?..
...Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

IV

...нет слова, которое так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

V

...о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык... нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу.

VI

В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль.

VII

...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

VIII

...живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а влепливает сразу...

* * *

ВСПОМНИТЕ, КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭТИ СТРОКИ

Что означают эти названия

ВУЛКАН ГОЛОВНИНА

Это имя носит вулкан на острове Кунашир, исследованный советскими географами курильской экспедиции.

Василий Михайлович Головнин — знаменитый мореходец и ученый — еще в начале прошлого века исследовал Курильские острова.

Кроме вулкана именем Головнина названы многие пункты на карте земного шара: мыс и залив в Северной Америке, пролив между Курильскими островами Райконе и Матуа, гора на острове Новая Земля и мысы на полуострове Ямал и острове Новая Земля.

ГОРА КАРПИНСКОГО

Давно было известно, что материки земного шара находятся в постоянном, хотя и очень медленном движении. Одни части их опускаются, другие поднимаются. Вода из океанов заливает части материков, опустившиеся ниже уровня океанов, и образует моря. Когда же поднимается дно моря, то морские воды уходят обратно в океан и на месте моря образуется суша.

Первый русский ученый, который доказал, что смена морей на Русской равнине происходила в определенной последовательности, был Александр Петрович Карпинский — выдающийся геолог, путешественник, президент Академии наук СССР.

Карпинский установил, что смена морей на Русской равнине была связана с горообразовательными процессами — с возникновением Уральских и Кавказских гор.

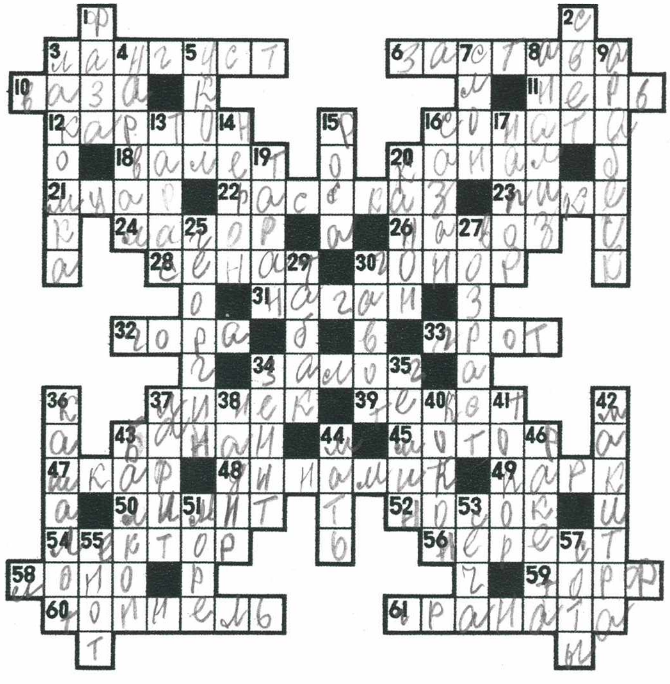
Именем «отца русской геологии» Карпинского была названа гора на Северном Урале и гора на острове Новая Земля. Имя Карпинского советские исследователи присвоили также вулкану на Курильских островах и двум пикам — на Тянь-Шане и на Памире.

ОСТРОВ КРАШЕНИННИКОВА

Так называется небольшой остров, лежащий у входа в Авачинскую бухту Камчатки. Степан Петрович Крашенинников — замечательный русский ученый XVIII века — провел на Камчатке почти четыре года. Он первым исследовал этот дикий тогда полуостров и написал первый труд по географии Камчатки — «Описание земли Камчатки». С. П. Крашенинников в этой книге привел много таких сведений, которые являлись новыми открытиями. Именем этого первого русского исследователя Камчатки, кроме острова, названа одна из сопок полуострова и мыс острова Карагинского.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. ВОЛК (Ленинград)

По горизонтали:

3. Морской рак. 6. Сторожевой пункт на границе. 10. Сосуд. 11. Элемент нервной системы. 12. Толстая бумага. 16. Музыкальное произведение. 18. Игральная карта. 20. Искусственный водный путь. 21. Шелковая материя. 22. Повествование. 23. Хлопчатобумажная ткань. 24. Город в Индии. 26. Удобрение. 28. Совет старейшин в древнем Риме. 30. Заносчивость. 31. Система револьвера. 32. Возвышенность. 33. Пещера. 34. Заклад. 37. Короткая просмоленная веревка. 39. Слова к музыкальному произведению. 43. Плод. 45. Двигатель. 47. Мебель. 48. Громкоговоритель. 49. Сад для гуляния. 50. Предельная норма. 52. Короткий чулок. 54. Читающий лекции. 56. Период в жизни рыбы. 58. Недра. 59. Вид топлива. 60. Проезд под землей. 61. Разрывной снаряд.

По вертикали:

1. Момент в развитии явления. 2. Отдел физики. 3. Сластена. 4. Морское животное. 5. Подкожное впрыскивание. 7. Животное. 8. Исследование. 9. Узорчатый орнамент. 13. Мужское имя. 14. Римский император. 15. Атмосферный осадок. 16. Рыба. 17. Давление воды в водопроводе. 19. Боевой прием в авиации. 20. Музыкальная форма. 25. Цветок. 27. Количество прожитых лет. 29. Растение. 30. Старинный танец. 34. Наивысшая точка. 35. Кристаллы гемоглобина. 36. Млекопитающее из отряда китов. 37. Сорт вина. 38. Астрономический термин. 40. Паутинный мешочек некоторых гусениц. 41. Плотничий инструмент. 42. Глиняный горшок. 43. Место в театре. 44. Произведение Горького. 46. Снаряд реактивного действия. 51. Водное пространство. 53. Битва. 55. Пушной зверь. 57. Часть улья.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 15

По горизонтали:

1. Мазурка. 4. Героизм. 7. Наст. 8. Абзац. 9. Стыд. 12. Махорка. 13. Арсенал. 14. Волокно. 16. Толпа. 19. Колун. 22. Текст. 23. Число. 24. Скала. 26. Сноха. 28. Сопрано. 31. Реторта. 33. Никотин. 34. Град. 35. Марка. 36. Тула. 37. Трактат. 38. Леопард.

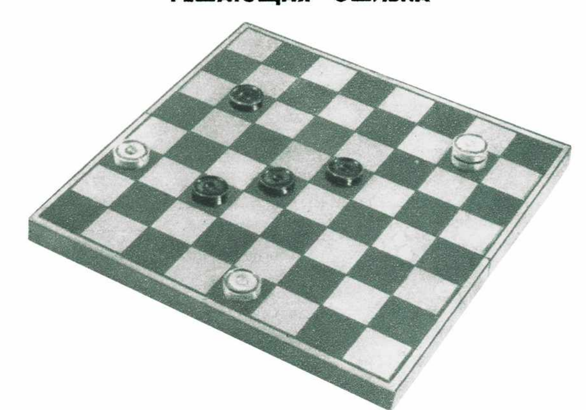
По вертикали:

1. Монумент. 2. Засуха. 3. Амбра. 4. Графа. 5. Истина. 6. Медальон. 10. Дрова. 11. Исток. 15. Оркестр. 17. Очерк. 18. Посол. 20. Орден. 21. Успех. 24. Суррогат. 25. Астра. 26. Сойка. 27. Авангард. 29. Страна. 30. Струна. 32. Азарт. 33. Накал.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

РЕШАЮЩАЯ ОШИБКА

Позиция, показанная на доске, получилась в партии З. Цирик — С. Данилин из XI чемпионата СССР (Москва, 1949 год) после 35-го хода белых. Борьба в этой партии носила мирный характер, и ничто, казалось бы, не могло повлиять на ее ничейный исход. Черным достаточно было сыграть 35. . . .e5—f4, чтобы ничья стала неизбежной. Совершенно неожиданно последовало:

35 . . . b6 — c5?
36. g7 — h6 c5 — b4
37. a3 : e3 c3 — b2

Черные, ничего не подозревая, стремятся в дамки. Однако спасения у них уже нет.

38. e3 — d4! e5 : c3

39. h6 — c1!, и черные сдались, так как нельзя играть 39. . . b2—a1 из-за 40. c1—b2, после чего черная дамка заперта.

ЗАДАЧА Насыр Мансуров (Советская Армия)

Белые начинают и запирают дамку и две простые черные.

Ответы на задачи

КАВЕРЗНЫЕ ВОПРОСЫ (№ 14)

1. Эти числа: 1×2×3=6 и 1+2+3=6.
2. Искомые числа 12 и 1, так как 12+1=13, а 12×1=12.
3. Эти числа 0,5 и 0,5, так как 0,5+0,5=1, а 0,5×0,5=0,25.

«ГДЕ ЭТО БЫЛО?» (№ 14)

Случай этот произошел на берегах реки Юг, которая после слияния с рекой Сухоной образует Северную Двину, впадающую в Белое море.

В этих краях встречаются белки, лисицы и медведи.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 01034. Подписано к печати 12/IV — 49 г. изд. № 231. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 614. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР

ПОЛИВИТАМИНЫ НЕОБХОДИМЫ ВСЕМ!

Поливитамины

Содействуют укреплению здоровья, усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям, повышают работоспособность.

ПОЛИВИТАМИНЫ В ВИДЕ ДРАЖЕ ВЫРАБАТЫВАЮТСЯ НА САХАРЕ С ВИТАМИНАМИ А, $В_1$, $В_2$, С, Д и РР

Требуйте поливитамины во всех аптеках и магазинах санитарии и гигиены

Цена
3 руб.